

Ирина Александровна Лазарева Старое пианино

Прославленному пианисту Максиму известно, что хорошая музыка по силе воздействия сродни магии. Приехав на гастроли в красивый провинциальный городок, он встречает прямого потомка старого графа, владельца усадьбы «Дарьины ключи». Как будто загипнотизировав музыканта, Сила Михалыч убеждает его прийти к нему в усадьбу и сыграть на старинном родовом пианино. Звуки прекрасной музыки разбудили дремлющие до сих пор силы тьмы, ведь древний музыкальный инструмент — это своеобразный портал между двумя мирами. Максиму придется применить весь свой талант и мастерство, чтобы суметь победить Темного Ангела...

Глава 1

Звуки заключительного аккорда медленно растворялись в напряженной тишине зрительного зала. Максим, склонившись к клавиатуре концертного рояля, вслушивался в затихающие отголоски, с трудом выпускал их из себя, они таяли где-то под дальними сводами, над ложами второго яруса. Он все еще был один на один с музыкой, не различал

сцены и лиц в зале, слившихся в сплошное размытое пятно.

Наконец все стихло окончательно.

Пианист смог наконец вдохнуть, выпрямился и вздрогнул от внезапного шквала аплодисментов, обратил невидящие глаза к зрителям, вставшим на ноги. Зал рукоплескал, неслись крики «браво». К сцене уже спешили поклонницы с цветами.

Максим раскланивался, все еще осязая угасшие звуки обнаженными нервами, принимал цветы, целовал руки женщинам и подставлял щеку. Как ни странно, именно этот послеконцертный ритуал с излияниями восторга благодарных зрителей он не любил больше всего, хотя очередной триумф, как всегда, волновал и наполнял его сердце гордостью. Он считал, что музыканту после сильного переживания необходимо некоторое время тишины, чтобы вернуться из свободного полета в другую реальность, — в мир приземленных субстанций и человеческих отношений.

Ему что-то торопливо говорили, он кивал, вскидывал брови, отвечал на улыбки, хотя все еще плохо воспринимал окружающее.

Уложив очередную охапку цветов на крышку рояля, он вновь повернулся к залу и случайно из пестроты нарядов, фигур, улыбающихся лиц вдруг с поразительной четкостью выхватил одно — напряженное, со сдвинутыми бровями, горящими глазами, изрытое глубокими морщинами, в обрамлении седых волос.

Столько требования было в этом взгляде, непонятого зова, страдания и отчаянной силы, что Максим застыл в оцепенении.

Человек, завладевший его вниманием, казался истощенным, его немигающие глаза выделялись на сером лице, одет был в какую-то потрепанную пару неопределенного цвета; спутанные редкие волосы окружали тусклую лысину и свисали до плеч, придавая незнакомцу вид бедного художника.

Максим словно под гипнозом сделал шаг вперед, но кто-то в этот миг заслонил собой странного мужчину. Скоро он совершенно затерялся среди восторженных зрителей.

Пианист встряхнулся, сбросил с себя наваждение и торопливо прошел за кулисы.

Когда он сажился в машину при выходе из концертного зала, ему снова померещились те пронзительные глаза за спинами многочисленных почитателей — словно вспыхнули два огонька и пропали.

Что за чертовщина, думал Максим, сидя в машине рядом со своим продюсером Яриком Фомичевым. Как любой знаменитый артист, имеющий массу поклонников, он был готов к тому, что в любой момент можно нарваться на психически больных, ярых фанатов с неадекватным поведением или истеричных дамочек, вообразивших, что обожаемый кумир принадлежит только им. Ярик, разумеется, все предусмотрел: рядом с Максимом постоянно находились охранники, дюжие ребята во главе с начальником Павлом.

Максим посмотрел на продюсера.

— Что? — мгновенно среагировал тот.

— Не знаю, — задумчиво отозвался Максим. — У тебя не бывает чувства, что, начиная с какого-то незначительного события, твоя жизнь съезжает с рельс и устремляется в неведомом направлении?

— Ну ты даешь! — хмыкнул Ярослав. — Жизнь не разрисованный трамвай, хотя мне понятна твоя метафора. Скорее, судьбу каждого из нас можно сравнить с корабликом на ниточке, который кто-то дергает сверху, и куда дернет в следующую секунду, никому не ведомо. А что случилось? Я что-то проглядел?

— Нет, ничего, — покачал головой Максим и отвернулся к окну.

Ярик некоторое время изучал его с подозрением.

— Тебе надо отдохнуть, — заключил он. — Кстати, мне говорили, что местные речки богаты рыбой, и леса здесь потрясающие. Предлагаю оттянуться на природе, пока есть такая возможность. Вернемся в Москву на два дня позже.

— Здесь вроде заповедник, не боишься, что лесники нас оштрафуют?

— Да брось, мы же не браконьерствовать собираемся, а ловить рыбу культурно —

удочкой. Лесников я беру на себя. Э-эх! Побалдеем у речки с удочками, ушицу сварим... Хочешь, Веньку не возьмем? Да и Люську тоже? Надоели бабы, блин! Как-нибудь денек перекантуются. Отдохнем знатно, мужской компанией.

— Ох, хорошо бы! Только от Венеры не отделаешься.

— Беру девчонок на себя. Самое милое дело сплавить их сегодня же с Павлом домой. Решено! Слышишь, Павлик, — обратился он к сидевшему впереди начальнику охраны. — Повезешь вечером девочек в Москву.

— Почему я? — недовольно загудел Павел. — Вы, Ярослав Кузьмич, оставьте мне мои обязанности. Я сам решу, кому девушек сопровождать.

— Нет, ты слышал? — хохотнул Ярик. В руках он держал коньячную фляжку, поэтому находился в благодушном настроении. — Слова ему не скажи. Распустились хлопцы, скоро нами командовать начнут... А впрочем, шут с тобой, делай, как считаешь нужным.

Павел надменно шевельнул бровью и устоял на дороге.

Улицы старинного провинциального городка были немногочисленны в этот час, однако то и дело попадались гуляющие пары, как молодые, так и в почтенном возрасте; вероятно, их выгнала на улицу летняя духота. Июньский вечер не принес облегчения после жаркого дня. Густой, насыщенный ароматом цветущей липы воздух не двигался, небо глядело на изнывающий городок крупными звездами, незамутненными ни единым облачком.

— Останови машину, — сказал Максим. — Пройдемся до гостиницы пешком.

— Спечешься, Макс, — возразил Ярослав. — В машине прохладно, выйдешь наружу, как в парилку.

— Ничего, разомнусь немного, да и тебе не помешает. — Максим снял концертный фрак и бросил на сиденье. — Хватит коньяк хлестать, скоро превратишься в коньячный бочонок.

— Во-во, и этот воспитывает. — Ярик кряхтя выбрался из автомобиля. Он был большой, грузный, лысый. — Что мне остается, раз ты отказался от банкета.

Максим, не ответив, пошел вперед. Город славился своими церквями и монастырями, в нем часто проходили различные культурные мероприятия, фестивали и концерты. Лучшие музыканты страны с удовольствием выступали в местном концертном зале, который размещался в отреставрированном дворце бывшего предводителя дворянства.

Улицы города были зеленые, с цветущими газонами и столетними раскидистыми деревьями, но тротуары растрескались, то и дело приходилось обходить выбоины. Дома, в основном, двухэтажные, дореволюционной постройки, чередовались с новыми каменными особняками местных богатеев и современными гостиницами в виде отдельных коттеджей, не нарушавших стиля городка. По соседству с ними приткнулись невзрачные деревянные домики коренных жителей с яблонями и вишнями за крашеным частоколом. Здесь было немало строений — памятников старины, когда-то они тоже принадлежали дворянской знати.

В городе, благодаря отсутствию высоток, еще жил патриархальный дух тихих российских провинций со своей особенной неторопливой жизнью. Белые стены и золотые маковки церквей создавали ощущение внезапного переноса из двадцать первого века в далекую старину.

Максим шел вдоль крепостной монастырской стены с башнями, бойницами и амбразурами — когда-то такие стены служили для защиты от вражеских набегов; за древней кладкой из красного кирпича высились купола главного храма.

Максиму захотелось пройти на территорию монастыря, но ворота оказались заперты.

— Ты куда, Макс? Хочешь местные достопримечательности осмотреть? Да сколько угодно, но не сегодня. Поздно уже. Сделаем так: завтра на природу, послезавтра в монастырь, идет?

— Не хочется в гостиницу. Пойдем в парке прогуляемся.

— Пошли, что с тобой поделаешь, — согласился Ярик, хотя лицо его уже лоснилось от пота.

Максим, напротив, выглядел свежим, как будто не он только что отыграл концерт, вложив в него все силы и душу. Он лишь слегка побледнел, отчего контрастнее стали его яркие глаза и жесткие каштановые волосы, мыском торчащие над высоким лбом.

Мужчины пошли по слабоосвещенным аллеям; парк был запущен и оттого особенно прекрасен — в нем все благоухало, из заросшей чащи неслись серебряные соловьиные трели.

— Господи, благодать какая! — вырвалось у Максима.

Он присел на деревянную скамейку, откинул голову на изгиб спинки и закрыл глаза. Ярослав сел рядом, с неудовольствием поглядывая на товарища. Шедшие позади Павел и двое охранников расположились на соседней скамье.

Прошло десять минут. Ярик томился, сопел, поминутно вытирал потное лицо платком. Пока он размышлял, стоит ли окликнуть Максима и нарушить его душевное уединение, перед сидящими внезапно возник худой человек довольно странного вида. Он словно выплыл из вечерней тьмы в круг света тусклого фонаря.

Глаза его испуганно горели, остатки седых волосы были всклокочены, иссохшими пальцами он теребил лацканы поношенного пиджака и что-то бормотал себе под нос, неотрывно глядя на Максима.

— Слышь, папаша, а ну проходи, чего встал? — незамедлительно подступил к нему Павел.

Незнакомец попятился, испуганно выглядывая из-за широкого плеча Павла, дрожащей рукой заполз в карман мягкого пиджака и извлек клочок бумаги.

— Мне бы передать... — прошепел он и весь затрясся. — Господину Смирнову... записку... я ничего... только записку...

— Дайте, — властно протянул руку Павел, но незнакомец судорожным движением заложил руку за спину.

Максим, потревоженный звуками голосов, вскинул голову и на секунду опешил. Он узнал того самого старика из зрительного зала. И вновь поразил его лихорадочный блеск глаз; в них светилась безмолвная мольба о помощи.

— Погоди, Паша, — поднялся Максим со скамьи. — Дай мне поговорить с этим человеком.

Павел быстрым движением ощупал подозреваемого сверху донизу и отступил в сторону.

— Мне надо увидеться с вами наедине, — быстро зашептал незнакомец Максиму в лицо. — Я все вам объясню...вы один можете спасти меня...больше никто...помогите, заклинаю вас!.. — Он вдруг схватил музыканта за руки и сжал их с неимоверной для своей тщедушной комплекции силой. — Речь даже не обо мне, а о моей дочери. Поймите, это существо юное, неопытное, она только начала жить...это несправедливо... ужасно, с этим нельзя смириться!

— Пойдите, да чем же я могу вам помочь? — смешался Максим и сделал попытку высвободить руки, в которые старик вцепился как клещ.

Павел снова решительно двинулся на дерзкого просителя; тот, сообразив, что может упустить завоеванный шанс, засуетился, начал шарить в карманах и снова достал помятый листок бумаги.

— Вот, здесь адрес, приходите завтра в девять вечера...вы все поймете на месте...не откажите, прошу вас...если в вас есть хоть капля сострадания, помогите, умоляю...моя девочка... Доченька моя! — закончил он свою сбивчивую речь душераздирающим выкриком и зарыдал, глядя сквозь слезы, не пряча искаженного лица с трясущимися губами и щеками.

— Так, довольно, вали отсюда, папаша! — Теперь уже Ярослав не выдержал неожиданной сцены. — Нашел мать Терезу, кругом церковей полно, ищи там себе заступников и благодетелей. Ступай по-доброму, нам твои проблемы пофиг. Павел, гони его, чего ждешь?

Незнакомец больше не сопротивлялся, побрел по аллее, оглядываясь на Максима с выражением тоски и безнадежности.

— Натуральный шизоид, — определил Ярик. — Я бы понял, если бы старикан попросил автограф, но он, кажется, оставил тебе свой. Прочти-ка, что там нацарапано.

— Адрес какой-то, — отозвался Максим, — или, может быть, название местности: Дарьины ключи, 21.00.

— И все? Больше ни слова?

— Нет, только это.

— Точно сбрендил старикашка! Макс, ну какого черта ты якшаешься с каждым встречным бомжом? Я для чего содержу охрану, сам мотаюсь за тобой как старая дева за любимым мопсом?

— Нет, на бомжа он не похож, — задумчиво проговорил Максим. — Но в целом ты прав. — Он скомкал записку и бросил бумажный шарик в урну. — Ладно, поехали в гостиницу, пока очередной страждущий не объявился.

Максим вошел в номер отеля, швырнул фрак и галстук-бабочку на кресло. Венера лежала на широкой гостиничной кровати, вытянув длинные загорелые ноги; в руках у нее был глянцевый журнал.

— Отыгрался? — равнодушно спросила она, не отрывая взгляда от раскрытой страницы. — Хорошо, что я не пошла. Скука смертная этот ваш Стравинский. И Рахманинов не лучше. Честно говоря, твоя занудная классическая музыка у меня уже в печенках. Сколько можно? Давай вместе сходим на какой-нибудь крутой концерт. Вон скоро Мадонна приезжает. Скажи Ярику, пусть подсуетится насчет билетов.

Максим ничего не ответил, лег на свободную сторону кровати и затих, глядя в потолок.

Венера отложила журнал, подвинулась к Максиму и пристроилась щекой у него на плече. Рука ее скользнула в расстегнутый воротник белой концертной рубашки.

— Ну что такое, Масюня? — капризно надула она губы. — Я не люблю, когда ты бука. Я здесь скучала, не могла дожждаться, а мой малыш меня не замечает.

Максим скосил глаза и несколько секунд, словно прикидывая, изучал пышную белую грудь, упруго набухшую от сжатия между двумя телами, затем решительно произнес:

— Собирай вещи, поедете с Люсей в Москву. Прямо сейчас.

Венера подскочила от неожиданности:

— Куда это на ночь глядя? Вот еще! Что за дела? Никуда я не поеду.

Дверь отворилась, вошел Ярослав — запросто, без стука, как раз вовремя, чтобы услышать последнюю фразу. Максим высоко ценил в нем необыкновенную способность появляться в нужную минуту. Ярик часто спасал его от утомительных хлопот и объяснений.

— Так, Веня, собираемся! В темпе, прояви активность, детка! Машина уже ждет...

Разъяренная Венера настроилась закатить нешуточную сцену своему любовнику, но появление Ярика подействовало на девушку как ушат холодной воды: спорить с ним было бесполезно, к тому же — небезопасно. Этот благодушный на первый взгляд увалень обладал железной хваткой и трезвой холодной волей. Когда ему перечили, становился по-настоящему жесток и ни с кем особо не церемонился, за исключением Максима. Даровитый музыкант был для него не только средством заработка, но и объектом искреннего восхищения, более того — благоговения, ибо сам Ярик никакими художественными талантами не обладал. Все его способности лежали в сфере коммерческой деятельности: он был отличным администратором, устройте́м концертов, бизнесменом. Его торгашеской изворотливости, смекалке опытного маркетолога, умению заводить нужные связи и знакомства можно было только позавидовать.

Люся уверяла, что у Ярика нет сердца, она ласково звала любовника «мой бегемотик», объясняя всем, что это большое, добродушное и флегматичное на вид животное, на самом деле — непредсказуемый опасный зверь.

Сопротивляться Ярику Венера не решилась, повернулась к мужчинам спиной и принялась яростно выбрасывать одежду из шкафа — скоро комната превратилась в пестреющую тканями арену для выражения возмущения и безмолвного презрения.

Максима демонстрация Венеры никоим образом не затронула, он продолжал лежать в неподвижности с отстраненным видом. Ярослав возвышался посреди комнаты, уперев руки в бока, и следил твердым взглядом за действиями взбешенной женщины, как привыкший ко всему надзиратель.

— Умница! А теперь складывай в чемодан все, что раскидала, да поживей. И нечего устраивать истерику. Мы здесь задержимся дня на два, потом получишь своего Макса обратно. Престо-престо, не тяни кота за хвост!

— Ага, образовался! — с задиристым раздражением отозвалась Венера. Вещи, однако, стала послушно складывать в чемодан. — Музыкальными терминами заговорил. Не выйдет, Ярик, как ты был мужлан, так и останешься. Твое дело бабло считать да грошовых девок тискать, а Максима в свои оргии не втягивай. Думаешь, не знаю, зачем вы здесь остаетесь?

— Грошовых девок? — недобро усмехнулся Ярослав. — Интересно, как дорого ты себя ценишь? Обложились шмотьем и цацками за наш счет и вообразила себя светской львицей?

— Вот-вот, такой лексикон тебе больше подходит, торгаш! — взвилась Венера.

Ярослав резким движением схватил девушку за волосы, намотал на руку белокурые пряди, пригнул ее голову к себе.

— Ты слышала — проваливай, и без единого писка, — процедил он сквозь зубы. — Не смей тут права качать, мзгля! Пошла вон, я сказал!

Максим наконец очнулся от дум и бросился вызволять любовницу из лап грубияна.

Венера разрыдалась у Максима на груди, Ярослав выругался и вышел из комнаты.

Через полчаса обиженных подруг водворили в машину с охранником на переднем сиденье; Максим, заверив в который раз Венеру в отсутствии дурного умысла, поцеловал ее на прощанье в покрасневшую щеку и захлопнул дверцу автомобиля.

Глава 2

— Жарюга! — Ярослав стащил через голову тенниску. — Думаю, если мы разденемся до пояса, нас не застукают папарацци. Паша, глянь вокруг, нет ли чересчур любознательных субъектов поблизости.

— Смотрел уже, вроде тихо кругом. Там дальше вниз по реке две парочки. Милуются, им явно не до нас. В лесу бродит мирная компания — взрослые и дети, видно, из местных, собирают что-то. Сейчас еще Сеня подойдет с восточной стороны, доложит обстановку...

Максим последовал совету Ярика и снял рубашку. Хотя отдыхающие расположились на зеленом берегу в тени сочной листвы пойменных деревьев, начинала сказываться полуденная духота. Лягушки умолкли, плотно сомкнули большие рты, спрятали пятнистые спины в воде, выставив наружу шарики глаз. В лесной чаще, если смотреть от берега, свет сгущался до темноты под пышными кронами лиственных деревьев и плотной вязью нижних оголенных сучьев хвойных. Вода в реке, заросшая у берегов кувшинками, казалась неподвижной, плюшевые валики камыша не тревожило дуновение ветра, лишь жуки-плавунцы сновали в стоячей, пестрой от рыски заводи. Редкие всплески, птичьи трели в лесу и деловитое жужжание насекомых над цветами успокаивали слух Максима. Он всей душой наслаждался покоем и окружающей красотой.

Мужчины расположились там, где росла нежная, как на ухоженных газонах, трава, здесь же река намыла небольшой пляж с чистым светлым песком, уже изрытым босыми ступнями.

— М-да, — изрек Ярослав, разглядывая бледную кожу и худощавый торс пианиста. — Запустили мы тебя, Макс. Отощал за своим роялем. Неважнецки выглядишь, под глазами круги. Решено: закончим концертный тур и махнем куда-нибудь на острова. На Мальдивы, к примеру. Или на Маврикий. Хочешь на Маврикий? Там, говорят, королевская рыбалка. Поохотимся на голубого марлина. Каково?! Надо тебе размяться, поплавать, в тренажерном зале попотеть. И питаться хорошо. Искусство, брат, дело возвышенное, но о брэнном теле тоже забывать нельзя.

Над костром уже закипал котелок, куда сложили нарезанную кусками щуку и нескольких окуней. Ярик пребывал в отличном настроении: поймал щуку на блесну. Для самолюбия горожанина щука была вполне приличная — тянула килограмма на два, а то и больше.

Мужчины взбодрились в предвкушении ухи, расставили складные столы и стулья, из багажника машины извлекли пакеты с посудой и разной снедью. Неподалеку на отмени охлаждались бутылки с напитками.

— Ну как, Макс, искупнемся перед обедом? — предложил Ярослав. — Заострим аппетит.

— У меня и так уже слюнки текут, — признался тот.

— Во, сработало! О чем и речь. Природа и не такое творит... А это еще кто? — заметил он приближающегося человека. Тот был в сапогах, в фуражке и камуфляжной тужурке, с двустволкой за спиной. — Никак госинспектор пожаловал. Следовало ожидать, хотя мы вроде ничего не нарушали.

Оказалось, что нарушили: в заповеднике запрещалось разводить костры. Как сказал инспектор, правила писаны для всех на деревянных дощечках, прибитых к столбам.

— И что, ты нас теперь оштрафуешь? — осведомился Ярик.

Госинспектор мало походил на блюстителя закона: молодой, по всей видимости — неопытный, изо всех сил старался держаться уверенно, заученные фразы произносил с серьезным, почти торжественным лицом. Это был худой, белобрысый паренек с неярким румянцем на щеках и мелкими веснушками, в оптических очках, что окончательно не вязалось с обликом лесничего.

— На первый раз ограничимся предупреждением, но костер придется загасить, — проговорил он как можно строже.

Тут Ярик пустил в ход все свое профессиональное обаяние, так как до готовности ушницы оставалось всего ничего, рискнул даже предложить денежное вознаграждение за добросердечное терпение на каких-нибудь пятнадцать минут. От взятки неподкупный лесничий отказался, но против дружеского предложения разделить трапезу не устоял. Запах ухи и вид увесистой бутылки оказались действеннее хитрого красноречия или шуршания купюр.

Не прошло и получаса, как веселая компания расположилась за двумя сдвинутыми столами.

— А что, Вася, давно в лесничестве работаешь? — расспрашивал Ярослав инспектора, подливая водку в пластмассовые стаканчики. — На такой работе небось не разживешься. Понятно — романтика, красота, зверушки всякие... Только одной романтикой сыт не будешь. Верно я говорю?

— Верно, — с готовностью кивал пьяненький уже Василий. Теперь с его простодушного лица не сходила блаженная улыбка. — Все ты верно говоришь, дружище. Денег здесь не заработаешь. Я в заповедник за другим пришел. И не ошибся, не подвела меня интуиция. Я ведь не простой служака, а натуралист, если хотите знать. — Он подался к собеседникам и понизил голос: — Слушайте, братцы, что я вам по секрету скажу: есть в здешнем лесу кое-что особенное, помимо романтики... только тсс... — он приложил палец к губам, озираясь по сторонам с пьяной опасливостью, — расскажете кому — засмеют. Нас здесь инспекторов пять человек, у каждого свой участок, и все знают про это «особенное». Только мы сговорились помалкивать. Неохота прослыть кандидатом в психушку. Потому как люди не дойдут своими штампованными мозгами, что именно лес может открыть сокровенное. Здесь квинтэссенция природных сил, здесь они проявляются и даже обретают зримый облик, и чтобы понять это, надо вот так, как я, определенное время пожить в лесу.

Он откинулся на спинку стула и с довольным видом оглядел слушателей.

Взгляд Максима невольно затерялся в сумрачной утробе леса, слова Василия навели на собственные размышления: ему тоже всегда казалось, что лес живет своей обособленной, таинственной жизнью, которую человек, так и не разгадав, бездумно пытается уничтожить.

Там, где царство деревьев и трав, приют теней и утомленных ветров, где вольно дышит земля, не скованная бетоном и асфальтом, и изливается целебными ключами в ручьи и реки, там, возможно, удастся найти ответы на многое, что занимает пытливые умы, что заставляет искать иные миры, когда разгадка может оказаться совсем близко.

Раздумья напомнили ему вчерашний странный эпизод в парке.

— Вася, ты слышал такое название: Дарьины ключи?

Василий, хоть и был в изрядном подпитии, среагировал мгновенно: как-то болезненно передернулся, у него выплеснулась водка из стакана, улыбка сползла с губ, на лице проступило смешанное выражение беспокойства и растерянности. Он поставил стакан на стол и погрузил в него взгляд, как бы собираясь с мыслями.

— В сущности, вы приезжие, чужие в наших краях, — заключил он, — не надо вам втягиваться в то, что здесь творится. Натерпитеcь страху только. Ведь как люди неведомое воспринимают: что непонятно — то пугающее. А что пугает, вызывает защитную агрессию... Кто вам сказал про Дарьины ключи?

— Да старикан один психованный, — хмыкнул Ярик. — Пристал к Максиму на бульваре, о помощи какой-то гундозил. Явно не в себе.

— Вас просил о помощи?.. Ну да, вы же пианист, это понятно, — пробормотал Василий и снова задумался.

— Слышь, очкарик, что ты там бурчишь себе под нос? — фамильярно хохотнул Ярослав. — Раз пианист, то, стало быть, любой приставала в порядке вещей?

— Пианист... — медленно повторил Василий, — он тоже был пианистом, знаменитым, причем. Неужели не узнали, Максим Евгеньевич? Это ведь Веренский, забыли, что ли?

— Веренский?! — поразился Максим. — Этот страшный, изможденный старик — Веренский?! Подумать только. Какая ужасная перемена! Я никогда не был поклонником его таланта, но буквально пять лет назад он был повсеместно известен, как признанный виртуоз и один из лучших исполнителей Шопена. Потом внезапно исчез с концертной арены. Что с ним случилось? Хотя, после вчерашней встречи, могу предположить, что бедняга лишился рассудка. Вид у него поистине безумный.

— Напрасно, Максим Евгеньевич, напрасно вы сделали такой вывод. Психически Веренский здоров. Подкосили его несчастья: одну за другой он потерял жену и дочь. Конечно, выслушав его «бредни», каждый утвердится в мнении, что старик спятил, хотя и не старик он вовсе, по моим подсчетам ему нет и пятидесяти.

А знаете, пожалуй, я со своей стороны попрошу вас сходить в Дарьины ключи. Веренский верно рассчитал, возможно, вы единственный, кто может ему помочь. Я вас провожу, вот только сосну чуток на травке. Глаза слипаются, сил нет. — У Василия и вправду опускались веки, его качало на стуле, а речь все больше походила на невнятное бормотание: — Развезло от вашей водочки. Я вообще-то редко пью...не какой-нибудь пьяница бездонный... а тут не сдержался: уха из свежатины, да знатная компания... не то что госинспектор — богомолец станет грешником...

— Эге, брат, да ты сейчас свалишься, — озаботился Ярик. — Сеня, хватай гостя, пока не грохнулся, уложи вон под тем деревцем, пусть проспится. А то получится, что мы парня при исполнении споили.

Ярик и сам был навеселе; откушав напоследок крепкого кофе, разоблачился до трусов и полез в реку, где принялся резвиться с грацией бегемота, поднимая тучи брызг, грузно шлепаясь в воду, как автомобиль, упавший с моста.

Максим купаться отказался, прилег на покрывало, расстеленное на траве, неподалеку от сладко сопящего Василия, и задремал.

Через два часа молодой инспектор пробудился. Охранники уже носили вещи в машины, пора было возвращаться в отель.

— Ну что, Вася, проспал рабочий день? — поддел Ярик. — Над тобой начальство есть, или как?

— Начальство по лесу не шастает, оно в кабинетах сидит, — отозвался Василий. Он протирал стекла очков. — Так что решили? Едем в Дарьины ключи? Отсюда совсем близко.

— О-па! — сказал Ярик. — Я надеялся, что из тебя дурь выветрится вместе с хмелем. Сам же отсоветовал вникать в ваши местные глюки.

— Другим бы отсоветовал, но буду я последний дурак, если не воспользуюсь присутствием знаменитого пианиста.

— Дался вам пианист! В чем дело, черт возьми?! Можешь ты толком объяснить?

— Пока не дойдем до места, ничего не скажу. Все равно не поверите. Увидите своими глазами, вернее — услышите, тогда поговорим.

— Ладно, развлеклись — и по машинам, — решительно распорядился Ярик. — Спасибо тебе, Вася, за компанию, удачи, друг! Бог даст, свидимся. Макс, садись в машину, ехать пора.

Максим, привыкший во всем полагаться на Ярослава, пожал руку Василию и пошел к автомобилю.

— Что ж, прощайте, — сказал вслед инспектор. — А ведь могли спасти человека.

Максим остановился и обернулся.

— Да-да, — продолжал Василий. — Если бы речь шла о самом Веренском, я бы даже не плюнул в его сторону. А девушку жалко. Она ни в чем не виновата. За грехи папаши расплачивается. — Он придвинулся к Максиму и заговорил быстро, вполголоса, так же как за столом бросая пугливые взгляды по сторонам: — А все из-за этого проклятого пианино. Откуда чертовщина в доме завелась, даже сам Леонид Ефимыч не знает. По наследству от бабок да прабабок перешло. Дьявольский антиквариат, искушение, на этом Веренский и попался...

Он вдруг осекся на полуслове, глаза его застыли на одной точке, на чем-то, что было позади Максима, он забыл захлопнуть рот и стал походить на экспонат в музее восковых фигур.

Максим невольно оглянулся и увидел какое-то движение в лесу. Уже смеркалось, и лес потемнел, чаща совсем не просматривалась, примолкли птицы, листья не шелестели, стояла полнейшая и какая-то напряженная тишина, как перед сильной бурей.

Из зарослей приближалось серое пятно, размытое в сумеречной дымке под низкими кронами. Охранники мгновенно подобрались, встревоженные реакцией Василия, Арсений даже вытащил пистолет. У Максима от предчувствия чего-то мистического, навешанного разрозненными фразами Василия, мурашки поползли по спине.

На поляну между тем вышел совершенно обычный человек, на вид ничем не примечательный, низенький, полный, с круглым брюшком — начинающий лысеть мужчина лет сорока или чуть больше того. У него были толстые губы, нос картошкой, глазки маленькие и быстрые со смешливой мужицкой хитринкой. В его облике не было ничего, что могло бы насторожить охрану. Единственная странность бросалась в глаза — тем резче, что действие происходило в лесном заповеднике: мужичок был одет в белоснежную рубашку и дорогой, отлично сшитый костюм — серый, из добротной ткани, с металлическим лоском. Под расстегнутым пиджаком, на выпиравшем животе, лежал неожиданно щегольский галстук ярких тонов, прихваченный золотым зажимом с камнем, на ногах — новенькие блестящие туфли, идеально чистые, без единой пылинки. Наряд этот почему-то не вязался с внешностью незнакомца, создавалось впечатление, что деревенского жителя вдруг обрядили ни к селу, ни к городу в дорогостоящую пару. Тем более что он не приехал на машине — грунтовая дорога находилась в стороне — а прошел сквозь самые дебри.

Шел мужчина неуклюжей подпрыгивающей походкой, свесив голову и глядя себе под ноги, при этом бормотал что-то, будто разговаривал сам с собой.

Арсений встал у путника на пути, когда тот почти приблизился к группе.

— Мужик, траекторию смени, — сказал охранник. — Тебе чего надо? Прешься вперед, не разбирая дороги.

— Э-э...собственно...я тут... — как бы смешался незнакомец. Голос у него тоже был

самый обыкновенный — бесцветный, чуть надтреснутый тенорок. — Я это...мне с Василием поговорить. — Он взглянул на лесничего и с детской радостью улыбнулся ему, как старому знакомцу.

Василий вместо ответа съехал и отступил на шаг. Арсений повернулся к нему.

— Знакомый твой, что ли? — кивнул он в сторону пришельца.

— Д-да... — неуверенно промямлил Василий и вдруг судорожно затряс головой, — конечно, знакомый... очень рад ...безмерно рад! Рекомендую, — суетливо обратился он к окружающим, — мой добрый знакомый...Сила Михалыч...хе-хе... А вы что же, Сила Михалыч, пешком в такую-то даль? Хотя...хе-хе... не слушайте меня, дурака, я, как всегда, порю одну чушь ...

— Отчего же, мой бесценный друг, я слушаю вас с превеликим интересом, — засветился Сила Михалыч, довольно потирая пухлые руки с массивными перстнями на пальцах, обнаружив при этом и на манжетах драгоценные запонки с камнями, а также золотые часы на запястье. Изъяснялся он старомодными вычурными фразами, столь же неожиданными в данной ситуации, сколь и его одеяние. — Я и сам несказанно рад, что нашел вас после долгих мытарств. Кинулся туда-сюда — и расстроился до невозможности. Вы же знаете, как я нуждаюсь в вашем обществе.

Василий, напротив, после его слов сильно побледнел.

— Простите, я не думал... — пролепетал он. — Примчался бы как ветер, позови вы меня хоть жестом. Пришлось отлучиться по делам, обязанности как-никак...

— Не оправдывайтесь, мой друг, в этом нет никакой нужды, — снова заискрился Сила Михалыч. — Вы правильно поступили, ведь благодаря вам я имею удовольствие познакомиться с выдающимся музыкантом современности Максимом Смирновым. — Последние слова он проговорил, с любезным выражением глядя на Максима.

Тот вежливо вернул улыбку, отметив про себя, что Сила Михалыч назвал его по имени, хотя Василий по отдельности никого не представлял. Впрочем, удивляться не приходилось, Максим был знаменитостью, многие знали его в лицо благодаря средствам массовой информации.

Ярослав на протяжении всего разговора стоял молча, недружелюбно разглядывая вновь прибывшего; было заметно, что нелогичное одеяние мужчины вызывает в нем сомнения.

— Так что решили, Максим Евгеньевич? — благожелательно продолжал между тем Сила Михалыч. — Я думаю, мы поступим следующим образом: сопровождающих ваших отправим в отель, на отдых, в волшебные объятия Морфея. А мы с вами, милейший Максим Евгеньевич, спокойно, пешочком прогуляемся до усадьбы несчастного Леонида Ефимыча Веренского. Бедный малый, чего только не натерпелся. — Круглое лицо его приняло скорбное выражение, в руке, как у фокусника, вдруг оказался большой носовой платок. Сила Михалыч прижал платок к глазам, горестно покачал головой, затем шумно высморкался и снова расплылся в улыбке.

— Чего?! Ты что плетешь, ушлепок? — грозно рявкнул Ярослав и пошел на дерзкого, который вздумал ни с того, ни с сего распоряжаться. Жалкий шут, скоморох ряженный, сейчас ему покажут, кто здесь главный. Надо проучить наглеца, выкупать в речке прямо так, в его дурацком прикиде, потом пусть топает обратно через лес, как пришел.

Сила Михалыч поджидал его спокойно, с благодатной улыбкой на устах.

— Напрасно нервничаете, Ярослав Кузьмич, — ласково произнес он. — Гения вашего вернем в лучшем виде, я, во всяком случае, сделаю все от меня зависящее. Прискорбно было бы лишить общество столь выдающегося таланта, а вас, уважаемый Ярослав Кузьмич, столь верного средства обогащения. Кстати, Максим Евгеньевич, знаете ли вы, что достопочтенный Ярослав Кузьмич не чист на руку? А попросту говоря — прохвост и враль, потому как обманывает вас ежечасно и присваивает себе солидную долю доходов от концертов.

Ярослав остолбенел, а Максим нахмурился:

— Простите, кто вы такой? Откуда у вас подобные сведения?

— Видите ли, драгоценнейший Максим Евгеньевич, мне по должности полагается знать многое. Честно скажу, что и знать-то не хочется, как начнешь копать в очередной пакостной душонке, разгребать пороки, страстишки, злокозненный мусор и прочую дрянь в надежде нарыть-таки что-нибудь стоящее, клянусь, тысячу раз пожалеешь о своем призвании. Однако работа есть работа. Рутинка, как везде. — Он вздохнул, отер платком потную шею и добавил: — Жарковато тут у вас.

Ярослав все еще стоял неподвижной глыбой, наливаясь бешенством на глазах.

— Павел! — наконец прорвало его. — Что ты смотришь, а ну выкинь отсюда эту шваль! Или мне самому руки марать?

Павел, не сморгнув, сделал почему-то совершенно противоположное тому, что требовал шеф; точно так же повел себя Арсений: телохранители подошли к разъяренному Ярославу и взяли его с двух сторон под руки.

— Пойдемте, Ярослав Кузьмич, — твердо сказал Павел. — Вы же слышали, нам приказано вернуться в отель.

У Ярика глаза полезли на лоб, он несколько секунд не мог выговорить ни слова, потом разразился бранью и попробовал вырваться из могучих рук охранников, но не тут-то было, недаром он сам подбирал молодцов, они способны были справиться даже с таким верзилой, как собственный шеф.

Максим в ошеломлении наблюдал за тем, как телохранители тащили упирающегося, вопящего Ярослава к машине, шествие замыкал третий охранник — Дмитрий. Когда Максим вздумал двинуться вслед за обиженным продюсером, Дмитрий резко обернулся, сделал запрещающий жест рукой и суровым тоном посоветовал вернуться. Максим так и остался стоять, пока обе машины не отъехали, из головной все еще доносились рычание и угрозы Ярослава.

— Ну вот все и уладилось, — сказал Сила Михалыч. Он вновь лучился благодушием и удовлетворенно потирал руки. — Пойдемте, Максим Евгеньевич, время поджидает, едва успеем к девяти.

Максим посмотрел на часы, они показывали полвосьмого вечера. Василий за спиной Силы Михалыча делал пианисту усиленные знаки: прикладывал палец к губам, призывая не спорить, показывал, что надо идти, торопиться, как советовал веселый крепыш.

— Что, полтора часа идти? — спросил Максим, чтобы оттянуть время: ему надо было собраться с мыслями.

— Нет-нет, минут пятнадцать, не более, — заверил Сила Михалыч. — Это совсем рядом. Однако ж прийти следует загодя, я вам все покажу на месте, сейчас разъяснения преждевременны.

Он бодро зашагал вперед своей чудаковатой походкой, подпрыгивая на буграх как мячик. Максим и Василий пошли за ним, держась поближе друг к другу.

— Ты во что меня втравил, натуралист? — уголком рта спросил Максим. — Кто этот человек — фокусник, гипнотизер, экстрасенс?

— Клянусь, Максим Евгеньевич, я сам не знаю, — зашептал Василий. — Но лучше ему не перечить, вы же видели, что он сделал с охранниками. Зачем он здесь, не знаю, то приходит из леса, то исчезает в нем без следа. Заметили, как он одет? Ни пылинки, ни морщинки, причем может явиться в другом одеянии, и тоже — сплошная роскошь. Одно бесспорно — впрочем, вы и сами убедились — в обычные представления он не уместится, я не первый раз наблюдаю его феноменальные способности. Поэтому, пока мы не выясним, с чем имеем дело, заклинаю вас, Максим Евгеньевич, старайтесь выполнять все его требования. Тут уже, дорогой вы мой, не до гордости и самолюбия, речь идет о нашей с вами безопасности.

Путь, как было обещано, действительно оказался коротким, извилистая тропка вывела ходоков на безлесое пространство. Сразу же открылся взору большой старинный дом, несомненно, дореволюционной постройки, каменный, с флигелями, в середине выступал шестиколонный портик, увенчанный фронтоном. Дом окружала обширная территория; к

фасаду вела подъездная аллея с вековыми липами по обе стороны. Входом в усадьбу служили два каменных столба, на них сохранились железные петли от ворот, но сами створки были сорваны, одна из них, покореженная, валялась за оградой.

— Настоящая дворянская усадьба, — крутил по сторонам головой Максим.

Заметно было, что запущенный ныне участок в свое время был хорошо продуманным парковым ансамблем с посыпанными гравием дорожками, каменными скамьями, фонтанами с мраморными статуями и вазами. Теперь фонтаны пересохли, а статуи позеленели. Несколько вычурных беседок некогда украшали парковый ансамбль, но и они выглядели полуразрушенными. В глубине парка виднелся павильон, дальше — приземистые корпуса, где при высокородных хозяевах жили дворовые люди. Одно из строений, по всей видимости, прежде служило конюшней.

— Вы правы, — отозвался шедший впереди Сила Михалыч. Он остановился, подождал спутников и пошел рядом. — Когда-то усадьба принадлежала графам Веренским. После революции большевики превратили ее в пансионат. Только благодаря этому дом уцелел и не превратился в грудку печальных развалин. Сохранилась даже графская мебель, портреты и предметы семейного обихода; правда, многое пролежало долгое время в подвалах и безнадежно испортилось, но некоторые вещи Леониду Ефимычу удалось спасти. Он нанял хороших реставраторов, и вскоре фамильные портреты заняли по праву свои места на стенах.

— Веренский принадлежит к графскому роду? — заинтересовался Максим.

— Да, прямой потомок по материнской линии. Когда Веренский стал знаменитым пианистом, ему удалось за сравнительно недорогую цену вернуть себе имение предков, так как с 1988 года здание пустовало. В годы так называемой перестройки у государства не оказалось денег на содержание пансионата, а еще меньше на сохранение исторического памятника. Дом ветшал, парк приходил в запустение.

Веренский выкупил усадьбу в 2000-м году, дом отреставрировали, парк вновь приобрел ухоженный вид, еще не так давно здесь журчали фонтаны и благоухали цветущие клумбы. Я сам не раз с удовольствием отдыхал на скамье у чудесного водоема с утками. Теперь за парком никто не ухаживает.

— Вы бывали здесь раньше? — удивился Максим. — Где вы живете, Сила Михалыч?

— О-хо-хо! — вздохнул тот. — Живу-то я далече, но по долгу службы приходится наведываться в усадьбу регулярно. Видите ли, есть места, которые нельзя оставлять без присмотра, иначе случается много бед — гораздо, гораздо больше самых смелых допущений.

— Что же случилось с Веренским? Василий сказал, что он потерял жену и дочь. Догадываюсь, что причина нынешнего упадка усадьбы кроется в этом.

— Отчасти, мой друг, лишь отчасти. Заметьте, как правильно мы поступили, пригласив вас в эпицентр событий. Как бы еще я смог объяснить вам все досконально и убедительно? Тем не менее, чтобы открылись страшные тайны этого дома и его хозяина, вам надобно увидеть один предмет воочию, и тогда многие вопросы отпадут сами собой.

— Страшные тайны... — Максим принужденно засмеялся. — Говорят, старые усадьбы полны привидений. Надеюсь, я выйду отсюда живым?

— А вот это уж как повезет, — вдруг холодно ответил Сила Михалыч, утратив разом свой имидж добродушного толстяка. — Будьте готовы ко всему, дражайший Максим Евгеньевич. Миссия ваша ответственная, тут уж, простите, личное придется задвинуть поглубже и забыть о нем совершенно... да-с... как говорится, не до жиру, быть бы живу.

— Но позвольте!.. — возмутился Максим. Василий предостерегающе дернул его за рубашку, но чувство негодования заставило музыканта продолжать: — Все-таки, нелишне было бы спросить моего согласия. Вы, Сила Михалыч, привели меня сюда, можно сказать, силой. Не знаю, кто вы такой, но вам удалось каким-то образом воздействовать на моих товарищей...

— Максим! — резко перебил Сила Михалыч и повернулся к пианисту, глядя все так же холодно и остро. Все лицо его теперь было сухо, нелюбезно, полные щеки опустились, обозначив недовольные складки у рта. — Знаешь ли ты, парень, что гордыня — один из

смертных грехов? Не воображай, что дар твой достался тебе по воле слепого случая. Да и даром это назвать нельзя, ибо ничего не приходит даром, запомни раз и навсегда. И еще уясни себе хорошенько: талант дается не для славы, а для служения, так же как все в этом мире. Одни выдерживают бремя, другие не справляются и гибнут, поэтому все теперь в твоих собственных руках.

Максим, пораженный столь неожиданным превращением, стоял и смотрел в сине-ледяные, необыкновенной прозрачности глаза, как будто в теле этого смешного, несуразного толстяка скрывался кто-то другой, совершенно к телу неподходящий, так же как Сила Михалыч не подходил к костюму. Тот другой смотрел изнутри властно, пронзительно, и противиться ему не было сил.

Хватило молодого человека лишь на то, чтобы пробормотать чуть слышно:

— Черт меня дернул приехать в этот город.

На что Сила Михалыч расхохотался с прежним добродушием:

— Ну почему же непременно — черт? Хотя, доложу я вам, приезд твой в этот город неслучаен, как неслучайно все, что случается. А ты думал... — и расхохотался еще больше.

Глава 3

Войдя в вестибюль, гости, не сбавляя шага, поднялись по парадной лестнице и очутились в обширной зале, пустой и холодной; ее площадь визуально увеличивали зеркала в простенках, вдоль стен стояли стулья с высокими золочеными спинками. Самым заметным предметом в зале был концертный рояль «Стейнвей», как сразу определил опытным глазом Максим.

В зале посетители тоже не задержались и проследовали дальше в гостиную. В ней царил полумрак, горела лишь одна настенная лампа. Помещение было уставлено диванами, креслами и низкими столиками; вероятно, было рассчитано на прием множества гостей. Здесь стоял еще один рояль, но поменьше, кабинетный «Бехштейн» белого полированного дерева.

Навстречу мужчинам с кресла поднялась темная фигура. Это был Веренский. И снова у Максима возникло ощущения несоответствия, на сей раз — сохранившейся роскоши обстановки и изможденного, неряшливо одетого владельца дома.

— Что это вы, батенька, сидите в темноте? — деловито начал распоряжаться Сила Михалыч, хотя запыхался и потел после стремительного подъема по лестнице. — Зажгите свет, встречайте дорогого гостя. Видите, я сдержал слово: обещал привести Максима Евгеньевича, и вот он перед вами.

Веренский обрадовался до того, что стал напоминать пса, сидевшего взаперти до прихода хозяина. Он всполошился в стремлении оказать наилучший прием, комната мгновенно осветилась большой люстрой, на низком столе появились бокалы и бутылка коньяка, но Сила Михалыч остудил порыв гостеприимства:

— Некогда угощаться, Леонид Ефимыч, давайте приступим к делу незамедлительно. Пройдемте в кабинет.

Веренский униженно пригнул голову, словно даже поклонился, и мелкими шажками немощного человека засеменил из одной двери в другую, так как в доме, несмотря на заметные переделки, сохранилась главная анфилада. Искусно выложенный фигурный паркет слегка поскрипывал под ногами, с парадных портретов на стенах высокомерно смотрели важные господа, во всех помещениях тускло горели одиночные светильники. Мебели было немного, в основном, антиквариат, либо современные изделия, выполненные под старину соответственно общему стилю. Встречались секретеры, бюро, конторки, пуфы или низкие кушетки.

Свернули в боковую комнату. Это был мужской кабинет. Здесь стояли письменный стол, шкафы с книгами и привычные любому современному человеку телевизор и стационарный компьютер с устаревшим громоздким монитором. Аппаратура, по всем

признакам, давно не включалась, так как экраны затянуло пылью.

Справа у окна, зашторенного тяжелыми гардинами, стояло старинное пианино красного дерева. Внешне пианино хорошо сохранилось, было украшено бронзовыми подсвечниками и художественной гравировкой по дереву.

Сила Михалыч двинулся напрямик к пианино.

— Вот, собственно, ради чего мы пришли, — сказал он.

Мужчины выстроились полукругом перед инструментом.

— Что вы об этом думаете? — обратился к Максиму Сила Михалыч и ткнул коротким пальцем в сторону пианино.

Максим подошел ближе и погладил полированное дерево рукой.

— Похоже на «Шрёдер», — сказал он. — Вторая половина девятнадцатого века, семидесятые или восьмидесятые годы. Я угадал? — спросил он Веренского.

Тот стоял рядом и натурально трясся.

— Н-не могу вам с-сказать, — тихо проговорил он. — Знаю одно: пианино было в этом доме с незапамятных времен. Долгое время оно стояло в зале, когда здесь был пансионат. Культмассовик брэнчал на нем фокстроты, польки, вальсы. Случалось, жены партработников музицировали...

— То есть как это? — удивился Максим. — Не знаете производителя? А на крышке что?

— Не трогайте, — вдруг взвизгнул Веренский и прижал крышку обеими ладонями, глядя на Максима с ужасом.

— Э, батенька, так дело не пойдет, — вмешался Сила Михалыч. — Крышку открыть придется. Вы же сами хотели, чего уж теперь.

— Да как так можно, без подготовки? — лихорадочно зашептал Веренский. Сейчас он особенно походил на безумного. — Мне надо собраться с духом, укрепиться, я не ждал вас сегодня, я не готов еще...

— Вася, голубчик, займись несчастным, посиди с ним на диване, попридержи, если что. Нервишки у вас, Леонид Ефимыч, ни к... тьфу!.. договоришься тут с вами.

Максим поднял крышку и присвистнул. Вместо ожидаемой надписи он увидел на красном дереве какие-то странные письма. Максим внимательно разглядывал искусную гравировку, очень красивую, с завитушками, напоминавшую художественный узор, но все же это были буквы, невиданные, не похожие ни на один из существующих алфавитов. Слов было шесть, что выглядело необычным для обозначения фирмы. Они вились над клавиатурой длинной непонятной фразой.

— Сыграйте нам что-нибудь, Максим Евгеньевич, усладите наш слух, — сказал Сила Михалыч, сопроводив предложение вдохновенным жестом. — Что-нибудь этакое из Шопена, мазурку, например.

— Вы шутите, — засмеялся Максим. — Я играю на совершенных инструментах, лучших образцах мировых производителей, а это, извините, уже «топчан», как говорят профессионалы. Наверняка разболтанные колки, трещины в деке. Такой антиквариат хорош лишь как мебель, время, несомненно, сделало свое дело, да еще, по выражению Леонида Ефимыча, на нем «брэнчали» все, кому ни лень. Нет уж, давайте я не буду травмировать ни ваш слух, ни свой собственный.

— И все же я настаиваю, — сурово произнес Сила Михалыч. Взгляд его снова стал чьим-то чужим и неодолимо властным. — Обещаю, что вы будете удивлены: такого звука, как у этого пианино, вы не услышите нигде и никогда.

Максим с трудом отвел от него глаза — нет, не было никакого гипноза, то была сила духа, непреклонная воля действеннее всяких слов.

Он сел на банкетку, оглядел клавиатуру — слоновая кость пожелтела, кое-где виднелись зазубрины, — затем все-таки, прежде чем взять аккорд, решил проверить звучание каждой клавиши.

Максим обреченно вздохнул и тронул «до» первой октавы.

В следующую секунду пианист сорвался со стула и грохнулся к ногам Силы Михалыча. Он не сразу понял, что произошло, сидел на полу с бессмысленным видом и медленно приходил в себя после шока. То, что он услышал, могло сбить с ног и более крепкого парня.

Пианино издало чудовищный рев. И был он страшен не только силой звука или спектром звучания, хотя, фактор внезапной оглушительности сыграл немалую роль в падении Максима. То был голос человека, доведенного до животного ужаса. Наверное, так кричат люди при виде палача с раскаленными щипцами.

— Что ж вы так? Не ушиблись? — обеспокоился Сила Михалыч. Он помог Максиму встать и даже попытался стряхнуть соринки с его одежды.

В отличие от музыканта, он отнесся к исторгнутому воплю абсолютно спокойно. Василия заметно покорежило, а Веренский ахнул и закрыл лицо руками.

— Что это было? — Максим не сразу опаматовался, растерянность и ужас породил в душе отчаянный крик. Хотелось бежать куда-то, помочь, спасти, но куда, кого?..

— Попробуй еще какую-нибудь ноту, — не унимался жестокий Сила Михалыч. — Я же предупреждал — звук у антиквариата специфический. Давай из второй октавы, возьми «соль» — сама нежность, чудесное сопрано, ну же, не трусь, Максим, будь мужчиной!

Максим смотрел на него и вновь наливался негодованием.

— Хорошо, раз вам так хочется. Я знаю — все это ваши фокусы, только совсем не смешно, — со злостью проговорил он.

В нем нарастал протест, все возмущало его: насильственный привод, так он расценивал свое появление в усадьбе, периодическое ерничанье или приказной тон странного Силы Михалыча, запуганный чем-то Василий и опустившийся, жалкий Веренский, теперь еще этот дьявольский инструмент.

Только пусть не думает насмешник, что его можно запугать. Конечно, жизнь Максима складывалась удачно, он добился успеха, стал знаменит, едва достигнув двадцати пяти, жил в роскоши и довольстве, но разве не работал он как проклятый, играл по восемь, девять, двенадцать часов! Да и роскоши той особо не замечал, потому что главным для него была музыка. Он был не только исполнителем чужих произведений, но и сам с детства сочинял фортепианные пьесы и с успехом исполнял их на концертах. Нет, никто не смеет назвать его неженкой, баловнем судьбы, и силы воли ему не занимать, пусть другие попробуют — поймут, почем фунт успеха.

Он решительно подошел к пианино и взял «ми» второй октавы. На сей раз воздух сотряс горестный женский крик. Вторая и третья октавы издавали пронзительный визг, звуки лезли все выше и выше, превращались в писк, свист, большая изрыгала трубный рев, контроктава — рычание, вся клавиатура стенала, выла, визжала, хрипела, редела. То была гамма страдания, боли, страха и всех самых страшных человеческих проявлений. В комнате стояла адская какофония, какой не могла бы создать ни одна больная фантазия, никакое изощренное подражание, потому что трагедия здесь граничила с безумием, боль — с агонией, воплями, порожденными конвульсией.

Веренский корчился на диване, зажав ладонями уши. Василию явно было не по себе, но он крепился изо всех сил, Сила Михалыч разглядывал свою блестящую туфлю, при этом крутил носком, руки держал в карманах, только что не насвистывал, до того у него был безразличный вид.

Наконец Максим с треском захлопнул крышку и пошел из жуткой комнаты прочь, пошатываясь, тяжело дыша, с невольными слезами на глазах, прошел через анфиладу и рухнул на диван в гостиной, с опаской поглядывая на белый рояль.

Подкатился Сила Михалыч и с кряхтением опустился рядом.

— Ну как тебе мазурка? — поинтересовался он.

— Прелестно! — отозвался Максим. — Если вы хотели свести меня с ума, то вам это не удалось. Не на того напали, Сила Михалыч. Нервы у меня обнаженные, но крепкие, так и знайте.

— А с чего ты взял, что я не знаю? — Сила Михалыч достал платок и снова

высморкался. — Будь ты истеричным хлюпиком, не сидел бы в этой комнате.

— О-о, я горд как никогда! Благодарю за честь! А еще буду в восторге, если меня здесь прикончат. Вы ведь не исключаете такую возможность, не правда ли?

— Все может случиться, — буднично отозвался Сила Михалыч. — Но в остальном ты зря иронизируешь. Честь тебе оказана великая. Удастся тебе выжить или суждено погибнуть — уже не имеет значения — для тебя, но мне выгодно, чтобы ты выжил. Поэтому выслушай внимательно то, что я тебе сейчас расскажу.

Шаркая тапочками, припелся Веренский. Василий поддерживал старика под руку: тот едва держался на ногах.

— А вот и главный виновник сей неприглядной истории, — оживился Сила Михалыч. — Присядьте, любезный, и будьте добры обстоятельно описать ваши подвиги Максиму Евгеньичу.

Веренский послушно опустился в кресло, Максим наоборот вскочил, подошел к столу и налил из графина воды в стакан.

— Избавьте меня от мемуаров! — сказал он с раздражением. — Лучше объясните сразу, что такое ваше пианино?

— Разве ты еще не понял? — подал голос Василий. — Пианино — это портал.

— Какой, к черту, портал?! — взорвался Максим. — Я современный человек и не верю во всякую потустороннюю чушь! Вы спрятали какой-то механизм внутри, ведь так, Веренский?

— Нет, я только играл на пианино... раньше...когда это еще было возможно.

— Ага, доигрался, — усмехнулся Сила Михалыч. — Что ж, придется описать в нескольких словах жизнь этого человека. Плесни-ка и мне водички в стакан, Максим.

Он расстался наконец со своим пиджаком, ослабил узел галстука, уселся поудобнее и начал рассказывать.

Глава 4

— Беда в том, что Веренский родился бесталанным ребенком, но знатного происхождения. Его покойная мать, потомственная графиня Веренская, никак не могла забыть своих титулованных предков и потому устроилась работать в пансионат Дарьины Ключи медработником. У нее был пунктик на фамильном имении. Вместе с Веренской в пансионате проживал ее сын Леонид. Ему было семь лет, когда мать поселилась в одной из комнат бывшего господского дома. Мальчик носил фамилию матери, о своем отце ничего не знал, однако знал все о бывших владельцах родового имения. Портреты представителей династии Веренских были свалены в подвале, хотя некоторые из них принадлежали кисти известных художников. Лишь бесхозяйственность местных управленцев позволила картинам не покинуть родных стен. Веренская мечтала, чтобы сын стал большим человеком и вернул хотя бы часть семейных реликвий.

Особенно она любила старинное пианино, стоящее в зале. Его перенесли из дальних комнат для развлечения отдыхающих. Дирекция пансионата поощряла тягу Веренской к инструменту, нередко ее просили сыграть для отдыхающих, либо саккомпанировать очередному доморощенному певцу — отказа никогда не было. Поэтому, когда маленький Леня поступил в музыкальную школу, Веренская без труда выпросила у начальства разрешение на занятия в пустующем зале, чтобы в определенные часы мальчик разучивал гаммы и упражнения на фортепиано.

У потомка знатного рода обнаружилась склонность к занятиям музыкой, он выказал трудолюбие и усидчивость, никто не заставлял его садиться за пианино, как это случается со многими детьми, со временем он стал справляться с довольно сложными произведениями, учителя его хвалили, мать все твердила о его происхождении и высоком предназначении.

Юноша поступил в музыкальное училище, затем в Московскую консерваторию.

К сожалению, из Леонида, вопреки прогнозам, получился приличный пианист, но не

выдающийся. Педагоги ни разу не выдвинули его на конкурс исполнителей, поскольку какими-то блестящими способностями он не обладал. Молодой человек страдал невыносимо, ему казалось, что его зажимают, подсжиживают, что чья-то зависть не дает ему стать известным музыкантом.

О, эта мнимая видимость успеха, собственной исключительности: с раннего детства похвалы матери, родственников, знакомых, учителей, пятерки на экзаменационных концертах в музыкальной школе и в училище, затем успешное преодоление такого барьера, как конкурс в столичную консерваторию — и вот уже не только мать, но и сын уверовал в то, что он гений. И все же собственный слух не мог его обмануть: слушая игру великих пианистов, он вынужден был признать, что не обладает таким мастерством и проникновенностью исполнения.

После долгих мытарств, постигнув всю глубину отчаяния, он прекратил попытки выбиться в знаменитости, отказался от равнодушной к нему столицы и вернулся к матери, которая по-прежнему жила и работала в пансионате. Консерваторское образование сгодилося Леониду на то, чтобы его наняли пианистом в ресторан. Так они и жили с матерью в усадьбе на птичьих правах. У Леонида были женщины — в связях он был неразборчив, любовниц изводил капризами и жалобами на завистников, стал мизантропом неприятным в общении. Однако среди русских женщин всегда найдется преданная и сердобольная душа, способная обласкать мужчину, сделать из него кумира, жить для него и дышать только для него...

— Я тоже ее любил, — всхлипнул в кресле Веренский. — А когда узнал, что Галя беременна, не колебался ни минуты. Мы поженились...

— О да! Вы поступили благородно, Леонид Ефимыч, ведь тогда вы были сравнительно молоды, и что-то здоровое, не тронутое цинизмом и разочарованием еще ютилось в вашей душе.

Так вот, вскоре у супругов родилась дочь. Девочку назвали Елизаветой.

— Лиза! Доченька моя! — приглушенно прорыдал Веренский.

— У Галины имелся в собственности деревенский домишко с огородом и курятником, в свободное от работы время непризнанный гений поправлял забор, латал крышу, с которой виднелись строения дворянской усадьбы, и день за днем червь горечи и обиды на несправедливость судьбы разъедал его душу. Он начал выпивать, и вероятно, спился бы со временем, не случись в его жизни непредвиденного события.

Мать его все еще жила в семейной усадьбе — уже без разрешения, так как пансионат тоже превратился в бывший, в нем оставался лишь сторож-пьяница, которого женщина задабривала водкой. Она устроилась медсестрой в местную больницу, но переехать к невестке в дом не захотела. Теперь весь заброшенный особняк оказался в ее распоряжении. Она фанатично оберегала портреты предков, лучшие из них тайком перенесла из подвала в свою комнату, и однажды, когда сын пришел ее навестить, стала показывать ему бабушек, прабабушек, пращуров...

Пойдем со мной, Максим, — прервал рассказ Сила Михалыч. — Я тоже хочу показать тебе один портрет.

Они прошли несколько комнат и вошли в спальню с широкой кроватью, украшенной альковом в соответствии с общим оформлением интерьера. Сила Михалыч подвел Максима к большому живописному полотну в массивной золоченой раме, висевшему на стене.

На картине во весь рост был изображен знатный вельможа, полный, стареющий, но нарумяненный и с завитыми волосами, одетый роскошно — в светло-коричневый, густо шитый золотым позументом мундир, поверх него — шелковый кафтан, опущенный легким коричневым мехом. Одной рукой он опирался на полированную поверхность какого-то предмета мебели, в другой держал книгу в темно-красном сафьяновом переплете. Книгу он поддерживал снизу, так, что видны были тисненные золотом слова названия. Выше более мелкими буквами тем же шрифтом сообщались, вероятно, сведения об авторе.

Граф словно показывал книгу зрителю.

Художнику удалось отобразить на полотне внутренний мир своей натуры. Лицо мужчины было надменное, женственно холеное, он выглядел изнеженным барином, но легкая усмешка выдавала волевого человека, и в то же время скрытного.

— Приглядишься, Максим, не увидишь ли на картине чего любопытного, — сказал Сила Михалыч.

— Если не ошибаюсь, его правая рука лежит на злосчастном пианино, — с неудовольствием констатировал Максим. Сила Михалыч кивнул, но продолжал смотреть на него с ожиданием. Максим сосредоточился на картине. — Что-то еще? Ничего больше не вижу... Пойдите... книга! Ну конечно, надпись та же самая, что на проклятом инструменте! — Максим заволновался, его заинтересовало открытие; с мерцающего потускневшими красками портрета пахнуло вековой тайной.

— Вот-вот, точно так же в один из своих посещений Леонид Веренский разглядел на портрете вельможного предка тайнопись, которая в детстве постоянно маячила у него перед глазами. Одна и та же надпись на двух предметах — это должно было что-то означать. Воображение нарисовало ему тайники с сокровищами, клады, несметное богатство, оставленное заботливыми предками для потомства.

Надо было найти книгу, ведь в ней могли содержаться сведения, указания, не зря же ее демонстрировал с фамильного портрета граф Веренский.

Мать принимала деятельное участие в поисках.

Сначала Леонид обследовал внутренность пианино, но ничего не нашел. Тогда настала очередь той комнаты, где оно стояло до того, как попало в зал. Ему чудилось, что надпись на пианино — и есть главная подсказка. Поиски длились целый год. С фанатичным упорством Леонид обследовал каждое помещение заброшенного имения. Ничего не нашел и решил показать надпись специалисту. Он сделал хорошие снимки с пианино и всех надписей с книги на портрете, поехал в Москву, пустил в ход прежние знакомства и вышел на опытного дешифровальщика.

То, что представил ему специалист, ничего не сказало Веренскому, но еще больше заинтриговало.

Итак, надпись на пианино и на книге гласит: «Врата величия и бездны дарует кровь». Более мелкие слова на переплете действительно означали имя и титул графа.

Максим молчал, обдумывая услышанное.

— Вернемся в зал, — предложил Сила Михалыч. — Ты умный мальчик и сам поймешь смысл фразы, поскольку уже имеешь представление, о чем идет речь, но Веренский тогда ничего не понял.

— Да, после недавних экзерсисов на фортепиано можно предположить, что слово «врата» как-то связано с пианино. А «кровь»? Неужели надо было окропить инструмент кровью?

— Извини, Максим, но это стандартное мышление. Именно так поступил Веренский, вернувшись в имение. Он даже потер надпись на крышке фортепиано своей кровью, припомнив всевозможные примеры из литературы.

— Лампу Алладина, например, — добавил Максим. — Интересно, как бы он повел себя, явись перед ним настоящий джинн.

— Тебе кажется, ты пошутил? — усмехнулся Сила Михалыч. — Только джинн — безвольный дух и красочный образ из арабских сказок. Но мы, увы, не на востоке. Надеюсь, остальное Веренский нам расскажет сам. Кстати, ты обратил внимание, что часы пробили девять раз? Сейчас тебе предстоит увидеть очередной шокирующий акт драмы.

Мужчины вернулись в гостиную. Что-то неуловимо в ней изменилось. Стены словно покрылись плесенью; неясное зеленоватое свечение тонкими нитями, как паутина, оплетало комнату и все предметы. Несмотря на то, что в большой люстре под потолком горели все лампы, свет их притух, спираль внутри едва теплилась, как бывает при очень слабом напряжении. Сгустившийся полумрак призрачно мерцал, оттого Максим не сразу разглядел, что в комнате появился новый персонаж.

Хозяин дома все еще сидел в кресле. Он обхватил себя руками и раскачивался из стороны в сторону. Перед ним стояла девушка. Трудно было сразу ее разглядеть в неверном сумеречном освещении комнаты. Видно было, что она худа; волосы, длинные и спутанные, падали ей на лицо, почти скрывали его, но глаза, устремленные на сидящего в кресле, испуганно горели. Из одежды на ней была легкая ночная сорочка, отороченная кружевами; под ней угадывалось худое девичье тело, белые руки безвольно висели, ноги были босы.

Василий стоял в стороне в напряженной позе, в руках держал наготове ружье.

Максим и Сила Михалыч остановились в дверях. Девушка тем временем вдруг яростно вцепилась в остатки волос на голове Веренского и принялась таскать несчастного из стороны в сторону, сопровождая свои действия визгливым рычанием.

— Бей, бей меня, Лизонька, бей изо всех сил, — бубнил сквозь рыдание Веренский и полз за девушкой на коленях. — Я все готов стерпеть, только вернись... Умоляю, девочка, вернись! Без тебя мне не жить. Сердце мое, радость моя, вернись, заклинаю...

Фурия тем временем начала избивать свою жертву ногами; чем сильнее была старика, тем больше ярилась, пена выступила у нее на губах. Василий не двигался, смотрел с жалостью, но было очевидно, что он наблюдает подобное зрелище не впервые.

Сила Михалыч решительно вышел на середину гостиной, и свет сразу же вспыхнул с прежней силой. Истязательница выпустила старика и воззрилась на вошедшего с неприкрытым ужасом. Теперь можно было рассмотреть ее отчетливо, но составить определенное мнение о ее внешности мешали мертвенная бледность и искаженные злобой черты лица. Каштановые волосы давно не знали расчески, кожа на видимых участках тела — сплошь в кровоподтеках, царапинах и ссадинах, ногти черны и сломаны. Тем не менее, следовало признать, что даже в таком растерзанном виде она была красива дикой, необузданной красотой, в ней угадывалась грациозность юного существа, тончайший батист рубашки обрисовывал крепкие девичьи груди, кисти и ступни у нее были маленькие, ноги стройные, волосы густые и длинные.

— Не подходи, — завизжала девушка, выставив открытые ладони перед Силой Михалычем. Она пятилась от него, он наступал. — Я все равно здесь ни останусь. Прочь! Ты меня не остановишь!

— Доверься мне, Лиза. — Он протягивал ей руку и преграждал путь, она шарахалась от него из стороны в сторону. — Позволь мне поговорить с тобой, и все кончится, слышишь?

— Нет, — трясла она головой. — Я должна вернуться. Он ждет меня... Это все ты! — снова истерически закричала она на Веренского. — Ты заставляешь меня возвращаться сюда снова и снова. Мерзавец! Ничтожество! Ты мучишь меня своим подлым упрямством. Я ненавижу тебя!

Прокричав еще несколько раз «ненавижу», она бросилась в темный зев анфилады и пропала.

Веренский скулил, сидя на полу.

— Вставайте уже, — сварливо посоветовал Сила Михалыч. — Свою порцию побоев вы на сегодня получили. Выпейте коньяку, взбодритесь, и расскажите Максиму Евгеньевичу, как вам удалось отыскать книгу, и что произошло потом. Предысторию он уже знает.

Веренский, всхлипывая, ползком добрался до стола, трясущейся рукой налил себе рюмку коньяка и выпил залпом. Не останавливаясь, опрокинул еще две рюмки, утер рот полотняной салфеткой и взобрался в кресло, откуда его недавно стащила дочь.

— Присядьте, Максим Евгеньевич, — надтреснутым голосом предложил он. Даже в столь щекотливой ситуации отпрыск древнего рода не утратил хороших манер. — Не откажите в милости выслушать злополучного отца.

Книгу я нашел в совершенно неожиданном месте, хотя, возможно, другой кладоискатель додумался бы раньше меня. Усадьба, как вам известно, называется Дарьины ключи. Однажды в дом к Галине, моей жене, зашла соседка за какой-то ерундой, старушенция под девяносто, но бойкая, из тех, кто не упустит случая пошамкать о чем угодно, лишь бы тема была. Не знаю, что мне стукнуло в голову, и почему раньше не

приходило на ум, но тут я возьми и спроси, что означает название — Дарьины ключи.

Оказалось, что бабке известно местное предание, которое не знала даже моя мать.

Дескать, сиятельный граф Веренский, в то время красавец-кавалергард, взял к себе в опочивальню девицу Дарью из крепостных. Девица, хоть и не по своей воле к барину пошла, сильно к нему привязалась и любила молодого господина до безумия. Барин же с Дарьей вволю натешился и после выдал ее замуж за своего стремянного, о молодежи более не вспоминал, а для утех альковных взял к себе в дом другую крепостную девуку.

Сделалась Дарья безутешной. Все у нее валилось из рук, и в поле работать не могла и в домашнем хозяйстве не годилась. Муж ее бил для порядка, родители стыдили — ничего не помогало. Горемычная Дарья хаживала к дальней часовне за большим прудом, истово молилась и просила Боженку вернуть ей любовь молодого повесы. Часто садилась она на скамью у часовни и лила слезы, глядячи на окна спальни барского особняка, отражающегося в пруду.

Однажды застала она своего милого в парке на гарцующем жеребце. Дарья бросилась к всаднику, не убоившись копыт разгоряченного скакуна, и прильнула щекой к сапогу наездника. Коник взвился на дыбы, а гордый аристократ с размаху огрел замарашку по лицу хлыстом — знай, мол, свое место. Бранился при этом крепко: коня испугала негодная. Возмущенные наездник и конь умчались как ветер, а Дарья побежала да и бросилась в пруд. Только пузыри пошли.

Погоревали дворовые о Дарье, а молодой граф лишь нахмурился, как узнал о кончине крепостной, и все бы ничего, только доложили ему через день, что на том месте, где Дарья слезы проливала, родник пробился из-под земли. А вскоре выяснилось, что ключ этот целебный. Удивительная весть постепенно облетела всю округу, стали люди шушукаться, о чуде судачить, креститься; к роднику потянулись паломники. Тот факт, что целебный источник нашел выход рядом с часовней, придавало образу погибшей Дарьи ореол святости. Часовня и чудотворный источник особенно почитались с тех пор, народ приходил сюда на молитвы вплоть до революции.

Но бытовала и другая легенда о том, что умершая Дарья стала по ночам являться к графу в опочивальню и требовать любви. Граф на этой почве ударился в мистику, вступил в какое-то тайное культовое общество и со временем прослыл чернокнижником, только все это предания старины глубокой, что правда, что ложь — поди разберись.

Веренский прервал свой рассказ и попросил Василия поднести ему еще рюмочку.

— Вася, ты зачем ружье взял наизготовку? — воспользовался паузой Максим. — В девушку собирался стрелять?

— Господь с вами, Максим Евгеньич, я Лизоньки готов следы целовать, — неожиданно признался Василий. — Ружье держал против тех, кто ее мучает. Да и то так, для уверенности за ствол схватился. Знать бы, кого в гости ждать...

— Однако не отвлекайтесь, Леонид Ефимыч, — резко перебил Сила Михалыч. — Этак мы до ночи будем предаваться воспоминаниям.

— Словом, рассказ старушки натолкнул меня на мысль, что надо поискать книгу в часовне.

Строение стояло заброшенным, в годы советской власти часовню использовали как склад для нужд пансионата. Иконостас разворовали, настенная роспись была побита, сохранились лишь разрозненные фрагменты. Когда я вошел вовнутрь, там еще валялись пустые ящики и куски штукатурки. Кладка стен кирпичная, кое-где рассохлась; представьте, мне особо искать не пришлось, в одном месте большой пласт штукатурки обвалился и несколько кирпичей лесенкой выдвинулись вперед. Там-то и оказался тайник. Сейчас часовня отреставрирована, во время работ тайник обязательно бы обнаружили мастера — лучше бы так, потому что в чужих руках книга опасности не представляла.

— Объясните, что вы имеете в виду? Что означает ваша последняя фраза? — насторожился Максим.

— Книга обретает силу только в руках прямого потомка.

— Понял! — воскликнул Максим и снова вскочил с места. — Ну конечно! Слово «кровь» в тайнописи означает «представитель рода», скорее всего — потомок, наследник, в чьих жилах течет кровь графов Веренских! Я прав?

— Я же сказал, что ты умный мальчик, — одобрил Сила Михалыч.

— Пойдите... вот еще: «врата величия и бездны дарует кровь»... — Максим вдохновился, в нем вспыхнул азарт исследователя, одна догадка за другой озаряли мрачные секреты старинной усадьбы. — «Врата величия»... путь к богатству и славе... да-да, несомненно... другого объяснения нет... — Взбудораженный, он принялся ходить по комнате. Затем остановился, глядя на Веренского с изумлением. — Леонид Ефимыч, как вы стали знаменитым музыкантом? Неужели талант все-таки проснулся?

— Дорогой Максим, вы оставили без внимания еще одно слово — «бездна», — с горечью усмехнулся Веренский.

— Нет, я о нем помню. Это слово должно было стоять в начале фразы как основополагающее. Сначала «бездна», затем все остальное, не так ли?

— Вы правильно все поняли, Максим. Поправлю вас в одном: понятие «врата» тоже в первую очередь относится к слову «бездна».

— И вы открыли врата, — прошептал Максим.

— Увы! Я был жаден и честолюбив. Меня не коснулась божественная искра, но вопреки собственной природе я хотел раздуть пламя из сухой головешки, согласен был сделать это любой ценой.

— Молчите! — воскликнул Максим. — Мне теперь стало по-настоящему страшно. Ничего больше не желаю слушать! К тому же я убедился со всей очевидностью — что бы вы там не натворили, наказание вас уже постигло. Не пойму только, зачем вы меня пригласили в этот дом! Чего вы все от меня хотите?

Несколько секунд в комнате царила тишина.

— Ты должен закрыть врата, — сказал Сила Михалыч и встал.

Он вдруг показался Максиму стройным и высоким. Облик его размылся на мгновение, словно на глаза Максиму надели чужие оптические очки, неясная фигура повисла в воздухе, струилась и колебалась, как отражение в нестойкой воде. Максим замигал и торопливо протер глаза; человек перед ним снова проявился, обрел четкие очертания и стал таким, как был минуту назад.

— Мне надо присесть, — пробормотал Максим и пошатнулся. — Я что-то неважно себя чувствую. В глазах рябит, и голова кружится.

Подоспел Василий, подхватил музыканта и усадил на диван.

— Все с тобой в порядке, — зашептал он на ухо Максиму, — и ничего тебе не мерещится. Я тоже видел. Не зря я тебя предупреждал. Лучше молчи и делай, как он велит.

— Продолжайте, Леонид Ефимыч, — приказал толстяк. — Иначе Максим Евгеньевич нас не поймет. Вернемся в 1989 год.

— Я вскрыл тайник. Книга лежала в окованном серебром деревянном сундучке. Миниатюрный висячий замок помешал мне немедленно извлечь сокровище. В нетерпении я побежал в дом и сбил замок молотком.

Книга была датирована 1840 годом, но, несмотря на то, что пролежала в заточении полтора века, хорошо сохранилась, листы по краям потемнели от сырости, но содержание страниц не пострадало.

Почти всю книгу занимал рукописный текст. Это был пространный трактат о звуке. Мне не составило труда разобраться в дореволюционной русской орфографии: почерк у графа был каллиграфический. Видимо, граф старался, чтобы рукопись была доступна для тех, кому в дальнейшем попадет в руки. Я начал читать, но в своем лихорадочном состоянии не воспринимал смысл текста. Я был уверен, что в книге найду указания на спрятанные сокровища. Я перелистывал страницы, мои глаза бежали по строчкам, пока не уперлись в ноты, ибо несколько последних листов представляли собой запись неизвестной мне фортепианной пьесы.

Я непочтительно швырнул книгу на стол и погрозил кулаком портрету сиятельного предка. Он сыграл со мной злую шутку, так я подумал тогда. Однако, вглядываясь в капризно-порочное лицо аристократа, я не увидел насмешки. Он смотрел с легким прищуром, но в глазах светилось что-то бесовское, дикое, он был полон дерзкой отваги, и, предлагая книгу, как будто советовал рискнуть мне самому.

Побуждаемый этим взглядом, я снова открыл книгу и стал вчитываться в текст.

Для наглядности я прочту вам выдержку из текста, когда-то я перепечатал часть на пишущей машинке, чтобы было легче воспринимать смысл написанного. Книгу я вам показать не могу — она спрятана в надежном месте, извлекать из нового тайника ее нельзя, иначе я уже никогда больше не увижу свою дочь.

При упоминании о дочери Веренский не ко времени опять расстроился, начал всхлипывать и размазывать слезы по щекам.

— Она приходит за книгой, — тихо пояснил Василий Максиму, — а он ее не дает. Она требует отдать книгу и бьет его, а он терпит, лишь бы она не ушла безвозвратно.

— Почему она это делает? — в тон ему спросил Максим.

— Кто-то ее заставляет. Боюсь, в один ужасный день этот «кто-то» сам явится сюда, и тогда нам всем несдобровать. Я даже думать боюсь, что может случиться.

Василий поколебался, неровный румянец выступил на его веснушчатых щеках:

— Признаюсь вам, Максим, мы с Лизой любили друг друга и собирались пожениться. Я уже готовился просить ее руки у Леонида Ефимыча, как вдруг случилось это несчастье...

Ему пришлось замолчать, так как Веренский доковылял до старинного бюро, извлек из выдвижного ящичка несколько листов бумаги и начал читать:

«Путем размышлений, длительных исследований, наблюдений и экспериментов, а главное — глубокого всестороннего познания пришел я к выводу, что благополучие материального и духовного мира зиждется на Великой Гармонии, дарованной Творцом, и одним из главных составляющих гармонии всего сущего является звук. Ибо звук присутствует во всем, в любой подвижной и неподвижной субстанции, потому что любой даже самый твердый и неживой предмет несет в себе вибрацию мельчайших частиц, его составляющих. И всякая вибрация есть голос, он передается от одного предмета другому, с которым соприкасается, и тот передает собственную и приобретенную от другого предмета вибрацию уже в новом объединенном качестве следующему предмету, и так они все вместе вибрируют — каждый по-своему и в то же время в идеальном соответствии с предметами, их окружающими. И даже воздух, земля и вода передают звуки и участвуют в общем согласном хоре всего, что есть на земле. Любой голос или звук, даже давно утихнув, оставит свою вибрацию и воздействует на предмет, коего он коснулся, на долгие времена. И ежели по какой-либо причине нарушится совместное звучание, ворвется в него губительная дисгармония и начнет ломать стройное равновесие, устоявшееся веками, то многое разрушится, и откроются пространства враждебные миру, и будут приходить оттуда силы темные, неразумные, мятежные, дабы умножить долю зла необоснованно и себе в угоду.

Дисгармония может случиться в одном отдельно взятом предмете или живом существе, когда чья-то чужеродная вибрация влияет на него разрушительно, тогда предмет может сломаться, гора рассыпаться, а живое существо начнет болеть и угасать. И часто человек не знает, что надо всего лишь избавиться от вещи в доме, платья, украшения или общества другого человека».

Веренский замолчал, чтобы перевести дух. В доме было необыкновенно тихо, не слышалось ни единого шороха. Максим подумал, что должно быть уже очень поздно, достал по привычке из кармана мобильник и убедился, что телефон отключен. То-то ни одного звонка! Ярик наверняка сейчас рвет и мечет.

Он нажал на кнопку, но телефон, к его удивлению, не включился, хотя всю ночь оставался на зарядке.

— Не мучайся зря, не включится, — посоветовал Сила Михалыч. — Будет нам мешать, сам понимаешь.

— Вы испортили мой телефон?! Да вы знаете, сколько я за него заплатил? — заершился Максим.

— Вот уж не думал, что выдающийся музыкант кичится дорогими игрушками, — поддел толстяк.

— Это называется «понты», Сила Михалыч, — услужливо подсказал Василий.

— По... понты? Ну и словечко! Я уже заметил, что появилась масса непонятных слов. Хоть заново учи язык. То, что написал прапрадед Леонида Ефимыча, я гораздо лучше понимаю, даже в оригинале.

— Ничего он нового не написал! — заносчиво возразил Максим. — Хотя, возможно, для того времени... Послушайте, на дворе ночь, мобильник не работает, а мне надо в отель. Есть в этом доме телефон, или все уже окончательно провалилось в черную дыру под названием «пианино»?

— Провалится, если ты, наконец, не осознаешь, насколько все серьезно. Ты никуда не поедешь, Максим, — жестко заявил Сила Михалыч. — И будь добр, оставь свои... понты. Я очень тебя прошу. Будешь жить здесь неделю, месяц, год — сколько потребуется, понятно тебе? Сейчас у нас еще есть возможность спасти Лизу. Однако, задача наша даже не в спасении одной человеческой жизни, а в том, чтобы предотвратить дальнейшее ужасное разложение. Дыра начинает расти, последствия будут катастрофические.

— Нет, это черт знает что такое! — окончательно вскипел молодой человек. — Натуральное насилие! Объясните, наконец, я-то вам зачем? Что, собственно, я могу сделать?

— Закрыть дыру, — тоном наставника пояснил Сила Михалыч. — Ты должен из этих страшных, терзающих слух звуков создать идеальную гармонию, музыкальную пьесу божественного звучания, и тогда ворота закроются.

Максим откинулся на спинку дивана и расхохотался:

— Ну и шутник же вы, Сила Михалыч. Из этих воплей, верещания, рычания — божественную гармонию?... Из визга, сатанинского хохота, стонов умирающих... Я похож на мазохиста?... Так, все, я ухожу, с меня хватит. Вася, пошли, ружье у тебя есть, заповедник ты знаешь, доберемся как-нибудь.

Он встал и твердой поступью направился к выходу. Сила Михалыч молча, без движения смотрел ему вслед. Василий топтался на месте и с нерешительностью переводил глаза с одного собеседника на другого.

— Иди, Вася, как бы Максим Евгеньевич не заблудился, — кивнул толстяк. — Ему через неделю в Карнеги-холле играть, билеты распроданы, полнейший аншлаги. Дамы и господа его отсутствия не переживут.

Максим обернулся от самой двери:

— Да, представьте себе! И авиабилеты в Нью-Йорк заказаны. Вы предлагаете мне все бросить?

— Кто же откажется от выступления в Карнеги — холле? — согласился собеседник. — Надо быть законченным безумцем.

— Тонкое замечание! Сделайте одолжение, оставьте ваш ехидный тон!

— Помилуйте, Максим Евгеньевич, не в моих правилах оказывать давление, — пожал плечами толстяк.

— Неужели?! Да вы прямо потребовали, чтобы я пренебрег своей карьерой ради какой-то дикой, сумасшедшей затеи! При этом даже не гарантируете мне жизнь!.. Создать гармонию... Кому такое под силу, вы хоть отдадите себе отчет?..

Оппонент внимательно разглядывал паркет. Максим злобно ругнулся и вышел, с силой захлопнув за собой дверь. Он быстро прошел по коридору, спустился с лестницы, ступил на дорожку темного сада, в тягучий ночной аромат и сонный шепот громадных деревьев. В свете луны тускло проявлялись аллеи, не горел ни один фонарь, но Максим не чувствовал страха, нет, но было нечто другое, что мешало ему делать каждый следующий шаг. Он слышал звуки пианино. Они продолжали терзать его изнутри. Они жгли, рвали его душу на части. И снова какое-то неосознанное чувство протеста росло в нем, но теперь Максим не

мог разобраться, против кого или чего оно было направлено.

В оставленной им комнате стояла тишина. Веренский вдавился в кресло и почти сросся с ним. Сила Михалыч стоял у камина, облокотившись о стойку. Вид у него был отстраненный, словно его не касалось происходящее. Василий смотрел на него вопросительно, а снаружи были слышны быстрые удаляющиеся шаги.

Так и не получив от толстяка инструкций, Василий тяжело вздохнул и понуро потащился к двери, чтобы проводить гостя, не пускать одного в неведомый путь, но не успел выйти, как тот буквально вбежал обратно и остановился перед Силой Михалычем. Максим часто дышал, на его обычно бледных щеках выступил неровными пятнами румянец.

— Вам легко рассуждать, — заговорил он с горячностью, нервно жестикулируя. — Кто я такой? Музыкант, пианист, но не волшебник!

Сила Михалыч молчал.

— Ну как, как вы это себе представляете? Я вас спрашиваю!.. Проклятье! — Максим вернулся к дивану, сел и надолго глубоко задумался. Мучительные сомнения отражались у него на лице. — Невозможно, это форменное безумие, — пробормотал он спустя четверть часа и снова погрузился в тягостное раздумье.

Сила Михалыч ему не мешал, медленно и неслышно ходил из стороны в сторону, заложив руки за спину.

— Я так полагаю, что если я откажусь, вы принудите меня каким-нибудь способом, — прервал затянувшуюся паузу Максим.

— Вот тут ты ошибся. Нельзя создать великое по принуждению. Вдохновение, истинное творческое озарение приходит свыше, когда его готовы принять все струны души.

Разве не чувствовал ты в минуты гениального прозрения нечто похожее на столб света внутри себя, как будто невидимый поток энергии связывает тебя с чем-то высшим, непостижимым и необъятным?

— Это правда, я испытывал такое не раз, — хмуро подтвердил Максим.

— Если ты не ощутишь эту связь, не настроишь себя на светлое, прекрасное, доброе, не откроешь сердце Великой Гармонии, ты не сможешь закрыть портал. Ты понимаешь меня, Максим?

— Понять не сложно, — буркнул тот. — Если бы еще можно было осуществить.

— Ты можешь это сделать! Главное — твой талант, воля, вера, способность соединения с высшим. Тебе придется туго, порой невыносимо. Я не имею права скрывать от тебя истинное положение вещей: работа предстоит опасная, невероятно тяжелая, тебе придется трудиться на износ. Хочу, чтобы ты знал заранее, на что идешь. Я постоянно буду рядом, потому что настанет миг, когда тебе захочется умереть. Ты должен подготовиться психологически к тяжелейшим испытаниям, так мне будет легче тебя вытаскивать, потому что в одиночку ты в любом случае не справишься.

Максим посмотрел на него исподлобья:

— Вы ведь с самого начала знали, что я соглашусь, не так ли?

— Да, я изучил тебя давно, когда ты еще не был со мной знаком.

Максим продолжал пристально разглядывать собеседника, выражение его глаз постепенно менялось, в них заиграли веселые искорки, угрюмая недоверчивость, раздражение растаяли, уступив место любопытству.

— Послушай, Михалыч, — сказал он уже с улыбкой, — все хочу спросить — что у тебя за странный прикид?

— А что? — искренне удивился тот и подошел к зеркалу. — Чем плохо? Вроде, приличный костюм. И внешность неброская. Вид солидный, что и требовалось.

— Так ведь жарыща, и лес кругом, надел бы футболку, треники что ли... А кольца, камни зачем? Ты что в гости на Рублевку собрался? Да и там засмеют, учти на будущее.

— Откуда ж мне знать? — вздохнул Сила Михалыч. — Я здесь давно не бывал. Слышал, что встречают по одежке, вот и обрядился. Самому тошно.

— Ладно, пошли, покажешь, где я буду спать. Только чур — телефон мне оживи, я сам

его буду отключать, когда потребуется. По рукам?

— По рукам, — согласился Михалыч.

Глава 5

Ночь прошла спокойно. Впрочем, Максим так вымотался, что спал как убитый. Бродят ли ночью по дому привидения, он не узнал, но почему-то присутствие Силы Михалыча вселяло в него спокойствие. Что-то крепкое, основательное исходило от этого крепыша с детской улыбкой. Была в нем удивительная харизма, несмотря на потешную внешность, и уж совершенно бесспорно, что при необходимости он мог проявить настоящий деспотизм, и тогда совсем не казался смешным.

Убедиться в этом Максиму пришлось очень скоро.

Не успел он проснуться, ознакомиться с ванной комнатой — роскошной, надо признать, — как со двора послышался шум подъезжающих машин, захлопали дверцы, затем раздались громкие мужские голоса; среди них выделялся баритон Ярика. Группа воинственно настроенных мужчин собралась перед парадным входом. Не дожидаясь штурма, Максим сбежал по лестнице и вышел наружу.

Ярик, помимо обретших разум телохранителей, привез с собой двух милиционеров.

При виде Максима он радостно вскрикнул и кинулся к нему с распростертыми объятиями:

— Слава богу! Ты как, в порядке? Они ничего тебе не сделали? Напугал же ты меня, брат...

— Вы — Максим Смирнов? — казенным тоном обратился к пианисту сержант милиции.

— Он самый, — подтвердил Максим.

— К нам поступило заявление от Фомичева Ярослава Кузьмича, что вас похитили. Вы подтверждаете факт вашего похищения?

— Ни в коем случае, — улыбнулся Максим. — Никто меня не похищал. В этом доме я нахожусь добровольно.

— Добровольно?! — загудел Ярик. — А то, что охранников оболванили, как называется? Где этот Кашперовский? Я ему ноги пообломаю.

Сила Михалыч, как нарочно, появился в дверях. Максим посмотрел на него и чуть не прыснул. Михалыч, видимо, прислушался к совету и облачился в тренировочные штаны и футболку необъятных размеров — где только ее раздобыл, — будто мешок надел, оттого стал выглядеть еще толще и забавнее. От украшений освободился, только часы на руке оставил.

— Вот он! — злорадно гаркнул Ярик. — Это он напустил порчу на ребят. Вы только взгляните, настоящий скоморох! Дешевый фокусник с ярмарки.

Служители закона проследили направление, указанное обвинителем, но определенно никого не увидели, судя по их недоуменной реакции.

— Ты кого-нибудь видишь? — спросил один другого.

Напарник покачал головой с многозначительной ухмылкой.

— Пить надо меньше, гражданин Фомичев, — посоветовал сержант.

Милиционеры сели в служебную машину и укатили.

Ярослав остался с разведенными руками, в тяжелой растерянности.

— Паша, что происходит? Либо менты прикидываются, либо мозги у них набекрень. Хотя вы задайте перцу негодяю.

— Не понимаю, кого вы имеете в виду, Ярослав Кузьмич. — Павел и охранники озадаченно переглянулись.

— Опять крыша поехала? — рассвирепел Ярик и повернулся к Михалычу. Тот весело ему подмигнул. — Ну все, паршивец, ты меня достал. Закопаю собственными руками! — пообещал Ярослав и ринулся всей своей внушительной массой на низенького «паршивца».

Но всего в каких-нибудь двух шагах от обидчика вдруг поскользнулся, мелькнул ногами в воздухе и приземлился могучим задом на мраморный пол портика.

— Здесь надобно ходить с осторожностью, — наизидательно произнес над ним Сила Михалыч. — Нашел на Леонида Ефимыча упрямый стих — выкладывай крыльцо мрамором. Я его не раз предупреждал: поотбивают себе копчики дорогие гости.

— Максим, — простонал Ярик. — Едем отсюда. Помоги мне дойти до машины.

Максим присел рядом на корточки:

— Я не поеду. Мне придется задержаться на неопределенное время. Так надо. Отмени все концерты. Как только будут новости, я тебе сообщу.

— Хочешь меня доконать, да? У меня, к твоему сведению, может, и вправду копчик сломан, мне медицинская помощь нужна, а ты жестоко издеваешься над другом.

— Вставайте, Ярослав Кузьмич, на сей раз пронесло, обошлось без переломов, — успокоил Сила Михалыч. — Лучше проявите благоразумие и уезжайте.

— А вот не стронусь с места! Не уеду без Смирнова, хоть режьте! — заявил Ярик и вытянулся во весь рост на полу, руки сложил на груди и застыл, придав лицу выражение полной непричастности к происходящему.

— Ну так оставайтесь, я не возражаю, — миролюбиво согласился Сила Михалыч. —хлопот с вами будет много, с другой стороны поддержка ваша может оказаться весьма полезной. На самом деле, Ярослав Кузьмич, я отношусь к вам положительно — за то, единственно, что вы искренне привязаны к Максиму Евгеньевичу, хоть и не в силах не приворовывать. Однако я согласен простить вам эту скверную слабость, учитывая другие достойные свойства вашей натуры. Охранников отправьте в Москву, их услуги вам здесь не понадобятся.

Ярослав завел глаза кверху и недоверчиво следил за перемещениями Силы Михалыча — тот ходил у него над головой.

— Решайся, Ярик, пока Михалыч не передумал, — подбодрил Максим. — Закончу здесь свои дела, потом уедем вместе. А раньше даже не проси, бесполезно.

— Ладно, что с тобой поделаешь, — заворочался на полу Ярик. — Только учти: по твоей милости мы разоримся. Что за блажь на тебя нашла? Придется звонить, отменять концерты. Представляю, сколько дерьма мне придется проглотить.

— Скажи, что я заболел, имею право?

Телохранители, так и не разглядев, с кем разговаривал шеф, поехали по его приказу за вещами в отель, а после того, как чемоданы были доставлены владельцам, отбыли в Москву. Последнее распоряжение вызвало недовольство Павла, но спорить с Яриком не приходилось.

Василий подогнал уазик, бывший в хозяйстве лесничества, с тем, чтобы ездить за покупками в ближайший гастроном. Выяснилось, что для Василия проживание в усадьбе дело привычное. Раньше он часто навещался к Веренским ради встреч с Лизой, теперь же, когда случилось несчастье, не раз коротал время с безутешным отцом. Василий готов был оказывать любую посильную помощь лишь бы вернуть девушку в реальный мир.

После завтрака Сила Михалыч внезапно исчез, не предупредив об уходе, Василий уехал по служебным делам, а новые постояльцы в сопровождении хозяина отправились бродить по саду для дальнейшего ознакомления с бывшим дворянским гнездом Веренских. Липовые аллеи, окутанные облаком нежного медового аромата цветущих крон, привели их к целебному источнику. Над ним соорудили деревянную кровлю на столбах, украшенную народными умельцами искусной резьбой. Рядом высилась каменная шатровая часовня, заново побеленная и оштукатуренная, с золоченой маковкой и крестом. На фронте часовни сохранилось изображение Богородицы с Младенцем. Утопанные тропки вели к часовне с разных сторон: Веренский объяснил, что местные жители ходят сюда молиться и пьют воду из источника.

Чудесный проточный пруд раскинулся за домом, его облюбовали дикие утки. Дворянский дом отражался в воде как в зеркале, большая верба полоскала ветви в пруду,

кругом стояла благодатная душистая тишина, лишь утята попискивали, взобравшись на толстую корягу, да журчала струйка родника — чистая, холодная; как сказал Веренский, температура воды в источнике не менялась ни зимой, ни летом.

Под вербой выдвинулись в пруд мостки с перилами. Когда-то дамы и кавалеры развлекались тем, что удили здесь рыбу. Правда, именно с этих мостков прыгнула в пруд несчастная Дарья.

— Небось, всю рыбу распугала, — вывел из рассказа Ярик.

— Рыба есть и поныне — караси, карпы, так что если придет охота, и вы можете здесь порыбачить!

— А можно нам зайти в часовню, Леонид Ефимыч? — спросил Максим.

— Разумеется, часовня открыта для всех, теперь это исторический памятник, охраняемый государством.

Внутри часовни сохранились фрагменты настенной росписи. У главных образов горели лампы. Вошедшие перекрестились на образа. Максим не был религиозным человеком, но Русскую Православную Церковь ценил и уважал — более из патриотических чувств, нежели по причине набожности — и не раз жертвовал ей внушительные суммы от концертов.

Уцелевшая в неглубокой нише бережно отреставрированная фреска привлекла его внимание. На ней был изображен Архангел Михаил, верховный архистратиг — предводитель воинства ангелов, стоящих на страже закона Божьего, как объяснил несведущим в теологии спутникам Леонид Ефимыч. Архангел, облаченный в воинские доспехи, с копьем в руке, был изображен на белом коне. Копыта скакуна попирали извивающееся тело змея с открытой пастью. Несмотря на схематичность рисунка, лик Архангела был одухотворенным и прекрасным, в то же время неизвестному художнику удалось передать грозную силу и ощущение неотвратимости возмездия во всем облике небесного воеводы. Вокруг кипела битва — ангелы с тяжелыми мечами и копьями сражались со скопищем темных причудливых фигур — так художник изобразил падших ангелов.

— И много у Михаила ангелов в войске? — заинтересовался Ярик. — Вот это я понимаю, а то изображают крылатых птенчиков с молитвенно сложенными ладошками и возведенными горе глазками, не поймешь, — парень или девушка. А тут настоящие воины, такие спуску не дадут. Конкретные ребята, доспехи, мечи, просто блеск!

— Здесь изображена сцена низвержения с неба Темных ангелов вместе с их предводителем, как описана она в Откровении Иоанна Богослова: «И произошла на небе война. Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе», — процитировал Веренский. — Ангелы-воители из войска Михаила всегда на страже, всегда борются со злом и Темными ангелами — демонами.

— Надо же, какие премудрости вы знаете, — уважительно заметил Ярик. — А я в богословии ни бум-бум. Да и зачем эти сказки современному человеку? Однако о войне красиво написано, впечатляет!

— Моя библиотека к вашим услугам, есть и религиозная, и научная, и популярная литература. Найдете много интересного по любой теме.

— А что, времени навалом, воспользуюсь обязательно.

Максим продолжал рассматривать фреску.

— Поразительная живопись, — высказался он, — кажется, художник старался придерживаться канонов, принятых в изображении библейских сюжетов, но собственные чувства взяли верх: движение и экспрессия преобладают в картине. Взгляните — ангел на переднем плане с занесенным мечом, сколько в нем мощи, огня, он весь так и дышит боевой отвагой. Сразу становится ясно, что ни один демон против него не устоит. Эх, сделать бы хороший снимок!

— Все отснято специалистами, Максим Евгеньевич, скопировано художниками, занесено в реестры шедевров церковной живописи. У меня есть репродукции, могу одну подарить вам.

Максим обрадовался, сцена небесного сражения его несказанно притягивала, будоражила воображение, пробуждала возвышенные чувства, как исполненное романтической героики музыкальное произведение. Неуловимой струйкой творческого предчувствия возникла тема, стала шириться и постепенно разрослась в грандиозный поток. Максим оцепенел на время, захваченный неслышимой для других полифонией, и пожалел, что спутники вырвали его из мира музыкальных грез.

В дом они вернулись одновременно с Силой Михалычем. Тот показался в конце подъездной аллеи — его без труда можно было узнать издали по утомительной походке. Казалось, он плохо справлялся с собственным весом и делал резких усилий гораздо больше, чем требовалось для передвижения.

— Блошиный цирк, — проворчал Ярик. — Знаешь, Макс, я готов терпеть твои закидоны, только объясни бога ради, чем тебя очаровал этот циркач.

— Ярик, ты не поймешь. Долго объяснять, а времени, похоже, в обрез. С прозвищами поосторожней, Михалыч не такой добряк, каким представляется. Или хочешь в другой раз шмякнуться?

— Да уж сообразил, что мужичок не прост. Макс, ты ему не верь насчет воровства, парень напаслину гонит. — Максим посмотрел на него и беззлобно усмехнулся. — Ну хорошо, признаюсь, было дело, но провалиться мне на этом месте, если я тащил для себя. Хочешь, по копейке отчет представлю? Опять же на Веньку и Ляльку прорва деньжищ ушла, на баб не напасешься, сам знаешь...

Он замолчал, так как подошел Сила Михалыч.

— Где это вас носит, милейший, позвольте полюбопытствовать? — спародировал его манеру речи Максим. — Эге, Михалыч, да не тебе лица нет. Случилось что?

— Пойдем, Максим, нам надо торопиться, довольно прогулок. К тому же погода портится, лучше укрыться в доме.

Мужчины посмотрели на небо. Над головой было ясно, но с севера подбирались полчища туч, словно миллионы черных когтей цеплялись за небесную твердь и наползали сплошным клубящимся фронтом, уже слышался предостерегающий рокот в недрах гневного нашествия.

— Сейчас как вдарит! — поежился Ярик. — Бежим скорей, я с детства грозы боюсь.

Не успели дойти до крыльца, как в округе потемнело, воздух стал вязким. Сверкнула молния, прямо у дома оглушительно треснул разряд. Ярослав охнул и с облегчением захлопнул за собой входную дверь.

Начался ливень, сопровождаемый яростными раскатами грома.

— Что, Михалыч, мне уже надо приступать? — спросил Максим, когда вся компания собралась в гостиной. — Может, выпить коньяку для храбрости?

— Нет! — жестко отрезал Сила Михалыч. — Нельзя туманить ум в важном деле.

— Слушайте, а все-таки кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит? — возмутился Ярик.

— Действительно, Леонид Ефимыч, — поддержал Максим, — вы так и не закончили свою историю. Как вы умудрились довести инструмент до такого состояния?

Веренского передернуло: было очевидно, что воспоминания для него мучительны. Тем не менее, он занял свое кресло и продолжил прерванный рассказ:

— Я упоминал, что в конце книги граф Веренский разместил две музыкальные пьесы собственного сочинения. Граф серьезно увлекся черной магией. Причиной, очевидно, послужил тот факт, что его одолевал призрак Дарьи. То ли дух самоубийцы не мог успокоиться, то ли виновника ее гибели мучили галлюцинации, но в книге приходы умершей граф описывал как реальные события. В стремлении избавиться от назойливого приведения граф не придумал ничего лучшего, как отправить бедняжку навсегда в потусторонний мир самостоятельно и так, чтобы вернуться несчастная больше не смогла. Он заинтересовался оккультными науками. Постепенно граф увлекся настолько, что стал проводить собственные

изыскания. — Веренский прервал устный рассказ, чтобы прочесть еще одну выдержку из скопированного текста. — Послушайте, что пишет граф дальше: «С незапамятных времен шаманы и маги использовали силу слова и звука. Они знали, что разные слова имеют разную силу, и, помимо значения, немалую роль в воздействии слова играют составляющие его звуки. Сочетание звуков в слове, частое их повторение, ритм, напор, все может привести к хорошему или бедственному результату. Слова, служащие заклинанием, выбираются магами по этому принципу. Это навело меня на мысль, что определенное сочетание музыкальных звуков также должно оказывать различное воздействие на все, что нас окружает. Я стал экспериментировать со звуком, вот когда пригodiлось музыкальное образование, обеспеченное мне незабвенной матушкой».

— Довольно! — прервал Михалыч. — Чтение займет слишком много времени. Если вкратце, то дело обстоит так: графу удалось создать магическую пьесу с помощью злосчастного пианино. Предварительно посредством заклинаний он вложил в инструмент магические свойства, необходимые для осуществления задуманного.

Примечательно, что в дальнейших записях упоминаний о Дарье нет. Либо дух страдальцы успокоился, либо граф, всецело увлекшись своей идеей, забыл совершенно о побудительном мотиве, как о несущественном обстоятельстве перед лицом открывающейся бездны. Бедная Дарья, она ничего не значила для графа — ни живой, ни мертвой.

Пьесу, открывающую дверь в потусторонний мир, граф записал в книге. Однако, пробив брешь в гибельное пространство, надо было как-то еще ее закрыть. Тогда он пишет вторую пьесу.

Я обращался к архивам и материалам краеведческого музея. Из разрозненных сведений, мне удалось установить, что обедневшее к сороковым годам девятнадцатого столетия семейство Веренских внезапно и необъяснимо разбогатело. Однако сам граф в скором времени застрелился. Причины мне выяснить не удалось, но, проследив генеалогическое древо, я выяснил, что любимица графа, его младшая дочь, Аделаида, исчезла в возрасте восемнадцати лет незадолго до самоубийства отца.

— Мне все-таки непонятно, — вмешался Максим. — Допустим, что трагические события произошли из-за того, что графу удалось осуществить свой преступный замысел. Зачем же он оставил книгу, почему не уничтожил оба компонента — книгу и пианино?

— Дорогой Максим, тебе незнакома честолюбивая гордость ученого, открытие было его детищем, плодом кропотливого труда, выстраданным и возвращенным, уничтожить его он не мог. Он спрятал книгу в надежном хранилище, так, чтобы темные силы не могли до нее добраться — в святом месте, сознавая всю опасность сохранности ключа в неведомое, но с тайной надеждой, что когда-нибудь его труд будет найден и оценен потомками, и имя великого магистра прославится в веках. Как часто тщеславие ученого пересиливает благоразумие.

Михалыч печально вздохнул и положил руку на плечо Максиму:

— Пора, друг, остальное обсудим позже.

Они пошли вдвоем сквозь все здание, Михалыч продолжал давать наставления, а у Максима рос страх в душе, словно ему предстояло обезвредить мину, но как это сделать, он не представлял.

— Ты сказал, что в книге есть вторая пьеса. Почему Леонид Веренский не закрыл врата? Ведь, судя по всему, его предку это удалось.

— После, после, Максим, сейчас уже некогда. Веренский поведаст нам обо всех событиях, но не сейчас.

У комнаты, где стояло зловещее пианино, Максим остановился, собираясь с духом.

— Главное настройся, как я говорил, — напутствовал Михалыч. — Освободись от посторонних мыслей, открой душу великому, внимай совершенству, тогда все придет само. Ты должен быть один, поэтому в помещение я не войду, но буду неотлучно находиться здесь, за дверью. При малейшей опасности сразу вон из комнаты, запомнил?

Максим кивнул. Массивная дубовая дверь издала пронзительный ржавый скрип, когда

он вошел; казалось, все в этом кабинете было пронизано отвратительными звуками. Максим задохнулся на миг при виде пианино. Все его существо в который раз взбунтовалось, ноги налились свинцовой тяжестью. Пересиливая себя, он с огромным трудом сделал несколько шагов к инструменту и опустился на банкетку.

Кто-то, должно быть Веренский, положил нотную тетрадь и карандаш на столик. Так было предусмотрено, чтобы записывать новую пьесу. Здесь же заботливый хозяин оставил графин с водой и стакан.

Ощущая мучительный гнет во всем теле, Максим поднял крышку, установил тетрадь на пюпитре.

— Совершенную гармонию... — пробормотал он. Во рту пересохло, руки плохо слушались. — Ладно, держись, старик, — сказал сам себе и взял первую ноту. Вздогнул, зажмурился, услышав звериный крик. Еще одна нота — очередной дикий вопль. Все у Максима внутри оборвалось, в мозг словно впились гвозди, и таких гвоздей, игл, раскаленных стрел было предостаточно в этом пианино.

Он выпил воды прямо из графина, клацая зубами о стакан. Попытался успокоиться. Ничего, ничего, любой звук должен с чем-то сочетаться, не бывает такого, чтобы не нашлось в лад. Звук не может быть гармоничным или негармоничным сам по себе, лишь соотношение одного звука с другим создает гармонию или диссонанс.

Стиснув челюсти, он стал исследовать каждую клавишу по отдельности, потому что каждая скрывала в себе разнообразные крики, стоны, рыдания. Обнадеживало то, что звуки, при разной окраске, имели одну высоту в соответствии с клавишей. Непостижимым образом возник магический симбиоз голосов и пианино, голоса были привязаны к клавиатуре и лишены свободы модуляции, то есть перемещения в другую тональность. С другой стороны громкость звука не зависела от силы удара, даже самый легкий контакт порождал необузданный рев.

Промучившись с час, Максим понял к своей огромной радости, что в страшном инструменте существует некая закономерность. Например, ля первой октавы при первом касании издавало самый интенсивный звук, затем, словно постепенно выдыхаясь, звуки слабели, нисходя до чуть слышного роптания.

Вот этот хриплый звук малой октавы — невыносимо отталкивающий, но если взять одновременно си бемоль первой, дожидаться жалобного нежного стоны, одного из многих звуков, подвластных клавише, получится странное, но интересное созвучие. Хриплый звук усиливает печаль, но не создает диссонанса. А первый, отчаянный, надо отдать в созвучие пятому по очередности ми из второй октавы. Значит, главное распределить звучание так, чтобы добиться максимальной совместимости. Задача практически невыполнимая, вот тут пианисту пригодится его феноменальная работоспособность и упорство.

Да, он создаст реквием, в нем будет бездна трагизма, отчаяния, временами яростного напора, последнего призыва, проблеска надежды и жажды жизни, в нем будет сложная гамма чувств, рожденная живыми голосами, но какофония уступит место слаженному хору. Сами того не подозревая, бесплотные голоса будут петь — да так, что мир содрогнется от восторга.

Он схватил карандаш и записал первое созвучие на нотном стане. Придется разработать дополнительные значки, нумерацию каждого оттенка, иначе можно запутаться. Начнется пьеса в любом случае с диссонанса, пианино надо разыграть, запустить чередование ужасных звуков, но дальше... дальше полетится настоящая музыка, и это будет великой победой таланта и силы духа над губительным хаосом, порождением зла.

Максим работал и не замечал, что в комнате становилось все холоднее. Из-за плинтусов, из щелей, из-под мебели тонкими струйками потянулся морозный пар. На каждый удачный аккорд, словно в раздражении, выбрасывалось облачко сизого пара, но Максим был настолько поглощен своим занятием, что не ощущал, как леденеют ноги.

За три часа работы ему удалось создать с десятков созвучий, но нервная нагрузка была чересчур велика, он вынужден был прерваться, и лишь тогда понял, что почти не чувствует

ног. Он был измотан до крайности, у него кружилась голова, подкатывала тошнота к горлу; он едва доковылял до двери и буквально вывалился из комнаты на руки Михалычу.

Толстяк оказался неожиданно силен и не дал молодому человеку упасть, тут на подмогу подскочил Ярослав; Максима отнесли и положили на диван все в той же гостиной.

— Тетрадь, заберите нотную тетрадь, — тревожился Максим.

— Тетрадь у меня, — успокоил Веренский. — Что это, Максим Евгеньевич? Диковинные обозначения, я мало что понимаю в вашей записи.

— Михалыч, ты внушал мне, что надо отрешиться от себя, стать одним целым с вселенской симфонией... но ты не знаешь, чего требуешь. — Максим пока не мог обуздать дыхание, голос его прерывался. — Вот полюбуйся, сколько технических барьеров, мало того, мне приходится вести счет, как тренеру с секундомером, забудешься тут.

Михалыч посмотрел на исчерканные строчки:

— Я в этом ничего не понимаю, у меня другая специальность. Забудь на время о нотах, тебе надо отвлечься сейчас, поспать. А вы ступайте все, ступайте, — погнал он присутствующих. — Дайте человеку отдохнуть.

Он взял шерстяной плед и хорошенько укутал парня — того трясло от холода.

Максим, отдаваясь заботам Михалыча, почувствовал, как сердце успокаивается, глаза слипаются. Ему почудилось, как накануне, что воздух густо потек прозрачными волнами, подхватил его и начал приятно укачивать. Он думал, что задремал, но в действительности проспал крепким сном больше двух часов.

Проснулся Максим посвежевшим. В комнате никого не было, кроме Михалыча. Тот сидел в дальнем кресле у раскрытого окна. По-видимому, сидел так давно, без движения и без какого-либо занятия.

Дождь прекратился; с омытых, сверкающих листьев клена, скатывались запоздавшие капли и грузно шлепались на подоконник. В густой кроне уже голосила птица, защелкала вторая. Максим улыбнулся: все давящее, мрачное ушло без следа. Он встал, до боли потянулся всеми мышцами, затем подошел к белому роялю. Легко пробежался пальцами по клавишам, словно проверял, нет ли и здесь порчи. Струны отозвались чистым, мелодичным звуком. Максим радостно засмеялся: после страшной клавиатуры пение струн отлично настроенного инструмента казалось ему возвращением к светлой, прекрасной жизни.

— Говори, Михалыч, что тебе сыграть. Концерт по заявкам, исключительно для одного слушателя. Ах, да, ты не по этой специальности. А кто просил сыграть Шопена? О музыке красиво говорил? А, Михалыч? Ты, случаем, не прикидываешься незнайкой?

— Каждый должен делать свое дело, — спокойно возразил тот. — Ты музыкант, а я...

— Ну-ну, кто ты? Что замолчал? Колись, Михалыч, а то я теряюсь в догадках.

— Я ... твой друг. Сыграй что-нибудь из Рахманинова. Ты ведь славишься исполнением Рахманинова.

— Тогда пошли в зал. Я видел там концертный Стейнвей. А что, Михалыч, — расспрашивал он по пути в залу, — Веренский еще в состоянии исполнить фортепианную пьесу?

— Я запретил ему играть. Это фикция, как искусственные цветы, нет, много хуже, те не имеют запаха и не источают любви, как живые, а его музыка — сладкая ложь, губительный обман. Кажется, она чарует, в действительности разрушает, как замедленный яд, как наркотик, который дарит блаженство, но верно ведет к смерти.

— Неужели можно сотворить такое из произведения великого композитора?

— Конечно! Важно, что вкладывает исполнитель в произведение, даже если оно написано гением. Музыка — огромная сила по воздействию на внутреннюю сущность человека. Вспомни, что пишет граф Веренский в своей теории звука: мысль, направленная на любой объект, является жизненной силой, одновременно ее можно назвать вибрационной силой. Тело человека — живой резонатор. Тот, кто снабдил Леонида Веренского искусственным мастерством исполнения, передал ему многое — недоброе, незримые волны

разрушения, а лже-виртуоз как проводник разнес губительную вибрацию посредством звука чуть ли не по всему миру, ведь куда только он не ездил с гастрольями.

— Я понимаю, о чем ты говоришь. Сам размышлял о том, что музыка, находя отклик в душе человека, скорее всего, попадает в такт и ритм с его духовной сущностью и потому имеет такое огромное воздействие.

— Заметь, не только с духовной, но с психической и физической. Поэтому музыка может быть как благом, так и грозным оружием. Я уверен, много вреда принесли концерты тщеславного исполнителя, вреда скрытого, неопознанного. Тот, кто занемог и тихо угас от вполне известной болезни, не мог предположить, что причиной тому заезжий пианист.

Они вошли в обширную залу, их голоса отдавались эхом в помпезном помещении, хранившем воспоминание об уездных балах.

Михалыч занял зрительское место на антикварном стуле с высокой спинкой. Максим встал у рояля лицом к единственному зрителю и с шутиливой торжественностью объявил:

— Сергей Рахманинов. Соната номер два!

Затем сел за рояль, сделав движение, будто откидывает фалды фрака и начал играть.

С первых же тактов он, как обычно, унесся в иное измерение, сросся с инструментом, стал с ним одним целым; не рояль звучал, не струны пели, послушные пальцам пианиста, а все существо Максима отзывалось каждой клеточкой, он пропускал звуки через себя и становился чувственным излучением, пульсаром страстности и нежности, пылких исканий и мучительных надежд, он был музыкой, красотой парящей во вселенной. Сейчас исполнение любимого произведения было для него отдохновением, терапией измученной, травмированной души; искаженная реальность обретала стройные формы; изуродованное, подвергшееся надругательству звучание фортепиано таяло без следа в глубоких голосах басовых струн, в хрустальной россыпи оживших молоточков.

Какое это было наслаждение!

Когда отзвучала последняя нота, в разгоряченное лицо пианиста резко пахнуло ветром, какой-то шум, несколько не похожий на привычный всплеск аплодисментов, раздался у него за спиной, будто стая крупных птиц снялась по команде вожака.

Как, опять?! И здесь не выдержать желанной тишины!

Максим обернулся. Большой зал был по-прежнему пуст, но в помещении еще ощущалось движение необыкновенно свежего воздуха. Михалыч сидел на том же месте, опершись локтем о колено и задумчиво водил по подбородку кончиком белого лебяжьего пера.

Максим обошел зал, озираясь по сторонам:

— Михалыч, я слышал непонятный шум. Откуда сквозняк при закрытых окнах?.. Да-а, усадьбу отхватил себе Веренский — с паранормальными явлениями, девушки приходят ниоткуда, потом бесследно исчезают, летает кто-то, я уже не говорю о пианино. — Он поднял с пола большое белое перо, такое же, как в руке у Михалыча. — Ты что-нибудь видел?

— Видел? Нет, я превратился в слух. А если и был здесь кто-то еще, то лишь затем, чтобы тебя послушать. Играешь ты божественно, и это неоспоримо, даже если я ничего не смыслю в музыкальной грамоте.

— Правда? Тебе понравилось? — заулыбался Максим. Он сам не мог понять, по какой причине ему, избалованному успехом и поклонением публики, высокими оценками авторитетных критиков, особенно важна была похвала смешного, никому не известного Михалыча.

Глава 6

Вечером повторилась сцена с явлением Лизы. Хозяин дома и все жильцы собрались по совету Михалыча пить чай на большой кухне, расположенной на первом этаже. Леонид Ефимыч включил электрический самовар, Василий разложил на столе конфеты и пряники.

Ярик посмотрел и фыркнул:

— Здесь не хватает толстой купчихи с блюдцем в руке. Где-то я видел такую картину.

— Вы, вероятно, имеете в виду картину Кустодиева, — заметил Сила Михалыч, разливая по-хозяйски чай в расписные фарфоровые чашки, — а находится она в Русском музее в Санкт-Петербурге.

— Слушай, Михалыч, кончай выкать. Ну, сшиблись разок, вернее, ты меня сшиб. Я сторона пострадавшая, и то не обижаюсь.

— Вы, Ярослав Кузьмич, покуда не откажетесь от дрянной привычки хлопотать в свой карман в ущерб Максиму Евгеньевичу, другом мне быть не можете, отсюда и соответственное к вам обращение, — нудным тоном ментора отвечал тот.

Ярик только открыл рот, собираясь оправдываться, как кухонная дверь начала медленно отворяться. Все притихли. В щель сначала просунулась рука, покрытая синяками и ссадинами с запекшейся кровью. Потом показалось лицо Лизы, на сей раз на нем было больше испуга, чем злобы.

— Почему ты здесь? — по-кошачьи зашипела она на отца. — Прячешься за чужую спину? — Она крадучись пробралась в кухню, но близко к столу подойти не решилась, лишь указала перепачканным пальцем на Силу Михалыча. — Он тебе не поможет, не надейся. Лучше отдай книгу по-хорошему. Так-то ты меня любишь? Посмотри — мне больно, я страдаю!.. — Она вдруг заплакала, стоя посреди кухни, жалкая, грязная, в тоненькой замызганной рубашке.

— Это кто же так мучит девушку? — загремел Ярик, который увидел Лизу впервые и слышал о ней лишь мельком. — Гляди-ка, хорошенькая дочка у тебя, Веренский. Негодный же ты папаша, если позволяешь над ней измываться. А ну иди сюда, красавица, расскажи, кто тебя обижает.

Гневную тираду напористый Ярик произнес, деловой походкой направляясь к Лизе. Она отскочила, но Ярик не привык церемониться с девушками; он успел перехватить беглянку и, видимо, вознамерился доказать ей и каждому, что от Ярика так просто не уйдешь. Девушка стала биться в его руках как дикий зверь в петле; она лягалась, царапалась, норовила укусить. Наконец ей удалось впиться зубами Ярославу в подбородок; бедняга взвыл и отказался от намерения спасти невинную жертву, а та вырвалась из медвежьих объятий и бросилась к двери.

Прежде чем исчезнуть, бесноватая обернулась и, глядя на Максима, прокричала окровавленным ртом:

— А ты берегись, музыкант! Лучше не лезь не в свое дело. Сгоришь заживо, обуглишься как чурка в костре, так и знай!

Дверь за ней со стуком захлопнулась.

Максим поспешил к Ярославу, у того по шее стекала кровь на рубашку. Василий открыл шкафчик с лекарствами. Похоже, он лучше хозяина разбирался в домашней утвари. Ранки, оставленные зубами, промыли, обработали йодом и заклеили пластырем. Максим ожидал, что Ярик будет ругаться, но тот только сопел и безропотно сносил лечебные процедуры.

Перед сном Максим предложил ему прогуляться. Они снова пошли к пруду, сад был тих, глянцевая чернь воды лежала неподвижно, в ней неясными пятнами отсвечивали окна особняка, за коньком крыши луна была не видна, но освещала ночное небо золотистым полукругом.

— Смотри, какие звезды: яркие, как бесчисленные глаза ночи, — вдруг выдал Ярослав.

Максим даже споткнулся от неожиданности: услышать такое от Ярика! Тот не был склонен к поэтическим сравнениям вне зависимости от сезона, времени суток или обстоятельств. Такого законченного прагматика трудно было сыскать. Даже исполнительским мастерством Максима он восторгался как человеком, который в состоянии оценить чужой талант, но вряд ли музыка трогала его глубоко, если вообще трогала. Обычно, пока Максим играл на сцене, Ярик за кулисами улаживал текущие дела по телефону, изредка

с умным видом сидел в партере, да и то украдкой глазел по сторонам в поисках нужных знакомых.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — забеспокоился Максим. — Как бы рана не воспалилась. Может, у тебя температура?

— Если бы от женщины у мужика случалась температура, мы бы все давно перемерли.

Но до чего хороша чертовка! Знаешь, Макс, укусы мне приходилось сносить от баб, чего они только не вытворяют в порыве страсти, но чтобы с ненавистью... Это, брат, что-то изысканное. У-ух! До сих пор пробирает.

— Ты серьезно? Тогда не все потеряно: она каждый день приходит. Будут тебе острые ощущения. Главное — пластырем запасть.

— Не смейся, старина, я такой девушки никогда не встречал. Разве ты не заметил? Она же писаная красавица!

— Ну, если ее хорошенько отмыть... может быть...

Утром, позавтракав, Максим дал себе час послабления, после чего отправился в «эксекUTORскую комнату» — такое название он дал кабинету Веренского.

День был солнечный, Максим раздвинул шторы, открыл окно и впустил веселые лучи в помещение, но только он это сделал, как едва не ослеп. Глаза защипало, потекли слезы, лучезарность летнего утра в помещении превратилась в резкий, ослепительный свет; он был белым, ненатуральным, не таким как на улице.

Максим выбежал в коридор, он тер глаза и морщился.

— Михалыч, у меня что-то с глазами. Свет режет, сил нет терпеть.

— Ты открыл окно? Ох я чурбан безмозглый! Забыл тебя предупредить! Дневной свет в комнату впускать нельзя, в ней все искажено, все преломляется. Рядом с пианино самая большая концентрация, остальное с каждым часом расплзается по дому. Вот почему я тебя тороплю.

— Почему ты не можешь зайти со мной в комнату? Мне было бы спокойнее.

— Рано еще. Зайду, когда придет мой черед. Сейчас могу помешать, растревожить гнездо раньше времени. Иди, Максим, закрой окно, задерни шторы и включи электричество. Возьми платок, у тебя слезы текут.

Максим практически наощупь добрался до окна, задернул плотные занавеси; в полумраке зрение начало восстанавливаться. Он включил бра рядом с пианино; лампочка горела тускло, но в достаточной мере освещала ноты на пюпитре и клавиатуру.

Максим приступил к своему тяжелому занятию. Как и накануне каждый звук терзал ему нервы, временами он скрипел зубами, когда душевная боль переходила в физическую. И все же звуки слагались в аккорды, в неожиданную, но уже слышимую музыкальную тему, в оригинальную мелодию, самобытную, чем-то запредельную и потому невероятно притягательную. Максим вошел в состояние творческого подъема, он чувствовал, что рождается невиданное по своей значительности произведение, когда звуки ада, гибели и разложения вопреки логике, законам мироздания и воле тех, кто эти звуки породил, начинают звучать в гармонии с созидательными силами природы.

Стало еще холоднее, чем в прошлый раз, однако Максим, наученный первым опытом, захватил свитер. Он не хотел прерывать работу, но отвлечься пришлось, чтобы натянуть свитер на себя.

И тогда он почувствовал, что в комнате кто-то есть. Дверь не открывалась, иначе он услышал бы противное скрежетание петель, значит, никто не входил, но Максим спиной ощущал чье-то присутствие. Он медленно повернулся на стуле и оторопел.

Перед ним стояла Лиза, но совершенно не похожая на ту, что приходила по вечерам. Сейчас она выглядела девушкой высшего света, только что побывавшей в салоне красоты. Ее кожа сияла белизной и здоровьем, от синяков не осталось следа, блестящие волосы спадали на плечи крупными локонами, словно их искусно завили, губы и щеки алели, брови и ресницы лоснились как дорогой черный мех, и глаза с большими карими зрачками казались

черными в полумраке. На ней был длинный бледно-серый хитон, надетый на голое тело, полупрозрачный, позволявший видеть груди совершенной формы и волнующие очертания талии и бедер, остальное угадывалось, неясно вырисовывалось в складках воздушной ткани. Эта неясность делала фигуру девушки невероятно соблазнительной.

— Лиза? Зачем ты здесь? — растерянно пробормотал Максим.

Она подошла, изящно ступая маленькими босыми ступнями, и опустилась на пол у его колена.

— Ты устал, я вижу, нельзя столько играть, даже великому пианисту. — Она скользнула узкой ладонью в рукав его свитера. — Какие у тебя красивые руки. Пальцы длинные и чуткие. Я слышала, как ты играешь. Видела тебя по телевизору...

Она говорила Максиму какие-то преувеличенные комплименты, при этом гладила его руки, прижималась тугой грудью к его ноге, вскидывала шелковые ресницы и смотрела снизу влажными глазами, невинными и искренними, а он смотрел на нее глазами Ярика, и Василия, и любого другого мужчины, оказавшегося наедине с обольстительной, практически обнаженной женщиной. Ее красота больше не казалась агрессивной, напротив, одухотворенной, исполненной тихой прелести и кротости.

Он не заметил, как она оказалась у него на коленях, его сознание было занято осязанием, обонянием, глаза превратились в увеличительные розовые стекла, руки скользили вдоль знакомых, всегда притягательных для него изгибов женского тела, а эта девушка была пленительна как никто. Теплая, душистая, податливая, она льнула к нему, гладила и целовала его с нежностью глубоко любящей женщины.

— Пойдем на диван, — шепнула она и легонько укусила его за мочку уха.

Он потянулся за ней, как теленок на веревочке, уставившись на округлости упругих ягодиц; несмотря на холод, содрал с себя свитер и продолжал лихорадочно сдирать все остальное, уже дрожа от нетерпения. Не владея собой, схватил девушку, разорвал на ней легкую ткань и повалил на диван.

Ему казалось, что она отдается ему самозабвенно, сладострастно стонет, вскрикивает от блаженства, бурно отвечает его желанию, но он не мог видеть, как рука ее, будто свесившись в чувственной истоме, извлекла из-под дивана длинный кинжал — все из тех же старинных вещей неугомонного графа, снабдившего недоброй аурой все, к чему он прикасался.

В тот момент, когда она отвела руку, намереваясь ударить любовника в бок, дверь резко распахнулась и ворвался Михалыч. Притворщица перестаралась, слишком громко изображала блаженство — вероятно, была уверена, что стоны и крики, и без нее наполнявшие комнату ежесекундно, не вызовут подозрений у стража за дверью.

Она еще попыталась ударить Максима кинжалом, довести злодейский замысел до конца, но пальцы ее против воли разжались, кинжал со стуком упал на паркет, а рука повисла как плеть.

Михалыч бесцеремонно обхватил поперек туловища увлеченного любовника и стащил на пол. Девушка завизжала, вскочила, пытаясь как-то прикрыться разорванным хитоном, что ей плохо удавалось одной рукой — вторая была парализована. Максим вообще находился в невменяемом состоянии, он готов был Михалыча убить. Никогда еще в его личную жизнь не вторгались столь грубо.

— Глупец, она хотела тебя зарезать! — Михалыч потащил молодого человека к выходу и вытолкнул за дверь, вслед полетела одежда Максима, потом спаситель торопливо захлопнул дверь и сунул ему в руки кинжал. — Вот полюбуйся. Еще секунда, и реквием пришлось бы исполнять на твоих похоронах.

— Не верю, там не было кинжала, где ты его взял? — Максим был вне себя, но все же растерялся при виде сверкающего клинка.

— Одевайся, гладиатор. Воистину ты лишился разума и инстинкта самосохранения, как тетерев на току. Моя вина, что я не предусмотрел такой опасности.

— Ты испугал девушку, изверг! — Максим натянул на себя кое-как одежду и,

оттолкнув Михалыча, вбежал в комнату. Она была пуста. — Лиза!.. Где она?.. Лиза, не прячься. Иди ко мне. Тебя никто не обидит!

— Негде ей прятаться, — сказал, стоя за порогом, Михалыч. — Не будь простаком, Максим. Ты попался на древнюю как мир приманку. Успокойся, забирай тетрадь, и пойдем отсюда.

Максим все-таки заглянул под диван и за шторы, там никого не было, защелки окон никто не открывал, — больше, действительно, спрятаться было негде.

Во второй половине дня Максима стало знобить, поднялась температура. Ярик потребовал вызвать бригаду скорой помощи, но Сила Михалыч заверил, что у Максима нет простуды или какой-либо инфекции. Всею виной было нервное перенапряжение.

— Отдохнет, выпится, завтра все пройдет.

— Если так будет продолжаться, я увезу его отсюда силой, — кипятился Ярослав. — Искалечишь мне парня. Ты вообще в курсе, что он трижды лауреат, пианист с мировым именем и вообще гений?

— Я рад, что вы его любите, Ярослав.

— Ты его зомбировал, сознайся. И почему он сегодня как потерянный?

— Лиза хотела его убить. Вот этим кинжалом, взгляните.

Ярик потрогал пальцем острый кончик клинка и поднял глаза на небо за окном.

— Неужели Макс ей нравится больше, чем я? — задумчиво произнес он.

— Да-а! Ну и дурдом, — сказал Михалыч. — Не торопись с выводами, браток, посмотрим еще, как она обойдется с Василием. Если, к примеру, проломит ему череп топором, стало быть, любит больше всех.

А если серьезно, то послушайтесь моего совета, ухажеры. Лиза сейчас — ведьма. Очарование ее бесовское, поэтому вы все на ней помешались. Она — оружие в руках врага, а вы отключили, как всегда, мозги и ведетесь другим местом.

Максим поднял голову с подушки и позвал слабым голосом:

— Михалыч, поди сюда. Ярик, оставь нас, будь другом, мне надо с Михалычем поговорить наедине.

— Дожил! Уже от меня секреты, — обиделся Ярослав, но спорить не стал, вышел за дверь.

— Михалыч, ты все знаешь, — с горячечной требовательностью заговорил Максим, — откуда она приходит и куда исчезает? Я должен ее найти!

— Максим, ты одурманен, эта любовь — колдовская. Порча, а не любовь, поверь, я знаю, что говорю.

— Я не мальчишка, и кое-что соображаю не только в музыке. Сознайся, как ты отличил ее голос от остальных? Ведь что-то тебя насторожило?

— У меня тонкий слух, — ответил собеседник уклончиво.

— Увиливаешь, пытаешься выставить меня простофилей, которого с легкостью окрутила коварная женщина. Хочешь, скажу, что ты услышал? Стоны, в которых звучало блаженство! Вот что тебя встревожило, ведь до тех пор в криках, доносившихся из-за двери, была одна мука. А теперь ты пытаешься меня убедить, что девушка притворялась, что я ей безразличен!

— Максим, не обижайся, но ты самонадеян как все мужчины. Скорее всего, она испытывала радость от мысли, что замысел ее удался. Многие убийцы получают удовольствие от процесса преступления, неважно каким способом оно совершается.

Однако доводы его разбивались о неверие: музыкант находился во власти чар прелестницы и отказываться от сладостного рабства не желал.

— Позови Веренского. Пусть расскажет, что с ней случилось, ведь мы так и не выяснили до конца все обстоятельства. Мне необходимо разобраться во всем, что касается Лизы.

— Несчастный отец вдвойне: воображает, что его дочь невинна, — покачал головой Михалыч.

Максим в ответ лишь сверкнул глазами.

Видя, что молодого человека не унять, и учитывая, что нервная лихорадка — верный союзник болезненной вспыльчивости, Михалыч привел Леонида Ефимыча.

Чувство вины заставило Максима отвернуться от обманутого отца: он избегал смотреть на человека, чью дочь взялся спасти, а вместо этого вступил с ней в сексуальные отношения.

Веренский не заставил себя упрашивать и приступил к следующей части своего повествования.

Когда он осилил текст до конца и полностью разобрался в смысле наследственного послания, до него дошло со всей очевидностью, что путь к желанной славе заключен в пианино и магической пьесе, начертанной в книге. Граф, тем не менее, с предельной ясностью описал возможные последствия: исполнение пьесы влекло за собой сношение с силами ада; осуществление честолюбивых чаяний подразумевало роковой сговор и определенную плату. Существовала вторая пьеса, призванная закрыть ворота, поэтому Веренский колебался недолго. Он был уверен, что граф позаботился о потомке и дал ему шанс перехитрить любую темную сущность.

В тот день, когда Леонид решился на эксперимент — так он относился к исполнению пьесы, ибо содержание книги воспринял с определенной долей скепсиса, — он явился в особняк, имея при себе большую бутылку водки. Пианино уже стояло в нынешнем своем убежище, но Леониду необходимо было полное уединение. Поэтому он отослал мать к невестке и внучке, сторожа спойл до бессознательного состояния и остался один на один с пианино.

Книгу он не взял, так как обе пьесы к тому времени выучил наизусть, они были довольно велики по объему, но для такого технаря как Леонид не представляли никакой сложности. Он решил, что старинный фолиант не следует без надобности лишний раз переносить с места на место, так книга будет сохраннее.

Пианино было в приличном состоянии: за день до судьбоносного события Веренский привел настройщика. Он продумал все заранее, чтобы не было осечки, ведь любая фальшь, любое отклонение в звуке могло привести к провалу дерзкого плана. Предварительно зашторил окна, зажег свечи, создал необходимый антураж — все так, как предписывал автор в своем послании.

Он начал играть и порядочно увлекся: старый граф написал неплохую музыку, хоть и не был профессиональным композитором, не зря, как видно, потратил несколько лет на изобретение магической мелодии. Она была странная, с частыми секвенциями, настойчивым повторением отдельных нот или созвучий, периодически вкрадывался диссонанс, как незванный гость и вдруг причудливо ломал музыкальную фразу, но общей темы не портил, наоборот, придавал ей выразительность и своеобразную характерность. Каденция была неожиданно бравурной, как долго сдерживаемый всплеск эмоций. Пьеса бала сыграна в точности так, как ее задумал автор, со всеми нюансами, паузами, в указанном ритме.

Веренский отнял пальцы от клавиш и усмехнулся своим растаявшим надеждам. Ничего не произошло, ровным счетом ничего. Как он мог поверить в бредни ударившегося в мистику фантазера? Пресыщенный аристократ с легкостью убивал время на пустые измышления, все имел в избытке: богатство, женщин, почет, положение в обществе. Зачем ему было заботиться о правнуках или праправнуках? Знал бы гордец, во что превратятся графские хоромы. Не законные наследники, а последыши его крестьян и дворовых будут укладывать свои плебейские туши на фамильные кровати и колотить немытыми пальцами собачий вальс на пианино.

Он уже хотел задуть свечи и выйти из комнаты, как вдруг огненные язычки на всех фитилях накренились в одну сторону. Окно и дверь были плотно закрыты и исключали сквозняк; Леонид на секунду остановился, потом решил, что сам создал движение воздуха и снова нагнулся к ближайшей свече. Но тут ему резко пахнуло в лицо могильным холодом — именно такое напрашивалось сравнение. Так пахнет в склепах, в промозглых заброшенных подвалах старых зданий — смесь сырости, затхлости и тления.

Свечи сами притухли, но огоньки теплились, по стенам поползли вкрадчивыми щупальцами зеленоватые побеги какой-то плесени. Стало холодно, как в глубоком подземелье.

Леонид в растерянности озирает комнату, наблюдая все новые изменения. Он начинал догадываться, что становится свидетелем таинственных процессов, вызванных действием музыки.

Посреди комнаты начало вихриться темное облако, сгусток черного пара или дыма с запахом серы, скорее, это была концентрация какой-то мрачной энергии, так как внутри тяжелой тучи красными искрами вспыхивали разряды.

Черное облако все сворачивалось, сгущалось, уплотнялось к оси и вытягивалось в высоту, постепенно начало приобретать более четкие очертания, принимать человеческий облик; стала вырисовываться голова, плечи — так фигуристы вращаются на льду, вытянувшись в струну, но этот фантом вращался хоть и низко, но не касался половиц. Уже можно было разглядеть пурпурную мантию; развивающиеся полы отбрасывали в стороны ключья бурого тумана.

Наконец воздух успокоился, дым собрался к центру, и перед Леонидом предстала высокая фигура, на вид — человек, одетый в длинные одежды. В расцветке необычного одеяния преобладало сочетание черного с оттенками красного, от пурпурного до густо-бордового. Волосы у него были темные, спутанные, спадали на плечи космами, лицо смуглое, со впалыми щеками, глаза горели черным огнем, белки глаз воспаленные, в красных жилках, как у человека, который мало спит. Он был, вероятно, когда-то красив, следы былой красоты еще проступали во всем облике, но время явственно наложило на его черты печать порочности, лицемерия и жестокости.

Тем не менее, при виде Леонида незнакомец рассмеялся, сделав руками приветственный жест, как будто увидел старого друга.

— Ну наконец-то, я уж заждался! Не подвел старый греховодник, оставил-таки наследство. Передал, стало быть, все честь по чести. Люблю, когда держат слово. Будет за это твоему предку послабление. — Он захохотал — на этот раз жутко, издевательски, так, что у Леонида подломились ноги в коленях. Его обдало чем-то ужасным, чего он даже представить себе не мог. Веренскому с назойливым постоянством снился один и тот же сон: он разговаривает с женой и вдруг по наступившему молчанию, по остановившемуся взгляду женщины, понимает, что за спиной у него стоит что-то чудовищное, неведомое, жарко дышит в затылок и только ждет мгновения, когда жертва обернется.

Сейчас у Леонида было точно такое чувство.

Посетитель расселся на диване, закинув ногу на ногу.

— Присядь, приятель, потолкуем. Догадываюсь, что тебе небезразличен мой приход.

— П-простите, кто вы? — заикаясь, произнес Леонид.

— Можешь звать меня Себ, — с благосклонной улыбкой отвечал собеседник ...

На этом месте рассказа Сила Михалыч вдруг ахнул, резко поднялся со стула и ушел куда-то в коридор. Отсутствовал он порядочно, наконец возвратился и занял прежнее место, вид у него был настолько подавленный, что Максим справился о его самочувствии.

— Со мной все в порядке, — неверным голосом ответил тот. — Продолжайте, Леонид Ефимыч, простите, что перебил вас. Я уже слышал эту историю, только почему вы в первый раз не называли мне имя вашего собеседника?

— Вы не спрашивали, и, помнится мне, я тогда обрисовал событие лишь в общих чертах.

— Да-да, вы правы. Продолжайте, прошу вас.

— Вам знакомо это имя? — заинтересовался Веренский.

— Возможно, — проговорил Михалыч — голос у него снова дрогнул. — Возможно, я знал того, кто так себя называет. Когда-то очень, очень давно. Тогда у него было другое имя...

Впрочем, не будем отвлекаться. Так что же сказал Себ?

— Не стану утомлять вас дальнейшими подробностями. Он предложил мне славу и богатство в обмен на книгу. Всего лишь! Я боялся, что он потребует что-то гораздо более значимое для меня... душу, например, ведь выходцев из преисподней, как правило, занимает именно сей банальный предмет.

Однако, как человек современный, получивший атеистическое воспитание, я, несмотря на исходившую от посетителя потустороннюю жуть, не до конца был уверен в правдивости происходящего. Укоренившийся скепсис по отношению к любым верованиям заставлял меня воспринимать посулы незнакомца с подозрительностью. Когда я жил в столице, несколько раз становился жертвой мошенников, и всякий раз обман был обставлен с подлинным артистизмом и знанием психологии.

В голове моей завертелись ядовитые мысли: а вдруг в книге скрыто такое, что мне не известно, но сведущему человеку покажет путь к сокровищам; в самом тексте могла содержаться разгадка. Мало ли у кого из родственников сохранились сведения о книге, ведь я был не единственным Веренским на свете. Все эти соображения комом завертелись в моей голове, обрастая все новыми подозрениями. Я уже смотрел на гостя злыми глазами, его одежда казалась мне балаганным одеянием, а запах серы и затхлости, гнетущий полумрак — хитро продуманной декорацией.

— Зачем вам книга? — сухо спросил я. — Она предназначена наследнику. В руках чужака — это простая бумага.

Себ язвительно прищурился:

— Обо всех деталях я позабочусь сам, твое дело отдать мне рукопись и забыть о второй пьесе.

— Мне нужны гарантии, — начал я упрямо торговаться: пусть не думает, что меня можно облапошить. — Покажите ваше умение, великий маг, и я принесу вам книгу.

— Не называй меня магом. — Себ растянул рот в хищной улыбке; зубы у него были крепкие, но какие-то звериные, как у волка. — Нельзя сравнивать песчинку с необъятным. Однако я прощу эту легкомысленную вольность, учитывая твое невежество. Что касается такой мелочи как слава, то ты заработаешь ее сам... — Он встал и шагнул ко мне. — Если не откажешься подать мне руку, — добавил он, полыхнув огненными глазами так, что мне захотелось немедленно бежать из дома.

— Что, прямо сейчас? — оробел я.

Прикасаться к нему мне совсем не хотелось. Пальцы у него тоже были хищные, узловатые, с загнутыми внутрь ногтями, более напоминавшими острые когти. Так и чудилось, что ему ничего не стоит чиркнуть и перерезать этими когтями человеку горло.

Он шел ко мне с протянутой рукой, я невольно пятился, опрокинул стул.

— Ну что же ты, ресторанный пианист, струхнул не на шутку? А может, не надо тебе на большую сцену? Продолжай брэнчать в ресторане — под чавканье, топот, пьяный смех, радуйся, когда тебе подносят рюмку и суют столик в карман от щедрот своих. А потом пропьешь те деньжата втихаря, чтобы жена не узнала, ведь так? Я в чем-то ошибаюсь?

Я живо представил все, что он говорил. А потом увидел себя в огромном концертном зале, на сцене, рояль завален цветами, розы падают к моим ногам, я раскланиваюсь, публика беснуется от восторга, вспыхивают нацеленные на меня камеры репортеров... Неужели все это близко, на расстоянии вытянутой руки?

Судите сами: возможно ли отказаться от столь чарующего видения?..

Я медленно поднял руку и вложил ее в страшную когтистую лапу.

— Вот и славно, — сказал Себ.

Его глаза, где царилась ночь и тлел неземной огонь, оказались совсем близко. Я почувствовал, как язычки черного пламени, подобно изворотливым змеям, расползлись по всем моим венам, сосудам, ввинтились в мозг, стали частью моего естества. Огонь этот не грел, но наполнял каждую клеточку моего тела тяжелой энергией. Она не давала радости, но какая-то странная, надменная сила росла в моей груди. Я чувствовал, как дух мой крепчает, набирает незнакомую доселе мощь, как растет во мне презрение к жалким людишкам,

которые меня не замечали. Они были глупы, бездарны, а я всемогущ; я мог топтать их, давить, теперь мне ничего не стоило отомстить за свое унижение.

Восхитительное сознание собственного превосходства вознесло меня над людьми и обстоятельствами. Мне все было по плечу.

Я выпрямился и уже смотрел на Себя без страха.

— Вот и все, — произнес тот и выпустил мою ладонь. — Видишь, как легко это делается. Теперь ты сможешь покорить мир своей игрой. Только не обольщайся, таланта я тебе не дал, я могу многое, но не все подвластно отверженным. — Он устремил вновь воспламенившийся взгляд в невидимую даль, на лице проступило выражение неукротимого злобного упрямства. — Тиран по-прежнему торжествует. О, как я их всех ненавижу! Но недолго им осталось распоряжаться. Всему приходит конец, вот чего они не учли — великие мудрецы, созидатели. — Он остановил на мне отрешенный, еще горящий ненавистью взгляд, несколько минут разглядывал, потом язвительно расхохотался: — А ты мне нравишься, музыкант. Такие, как ты, вселяют надежду. Ты ведь безбожник и карьерист. Тебя не пугает отсутствие таланта, тебе плевать на истинное искусство. Тебе плевать на *истинное*. Не опускай глаза, не надо ложной скромности. К тому же, кто сказал, что правы они, а не мы? Гордись собой, мой дерзновенный друг. Успех, власть, независимость, свободная воля должны править в мире. Знай, мы в конце концов победим! Их нудный, хваленый порядок давно себя изжил.

С восторгом победителя я впитывал в себя его слова.

— Итак, прощай, — сказал Себ и завернулся почти до бровей в свою черно-красную мантию. — Завтра в это же время я жду тебя здесь с книгой. И учти — обманывать меня нельзя. Не советую. Должок рано или поздно придется вернуть. А ждать я умею. Впрочем... — он тоскливо вздохнул и прямо на глазах начал растворяться в воздухе, — ...время невыносимо... как и бесконечность.

Слова распылились в пространстве, пропала тень, последними потухли зрачки, и я остался стоять посреди комнаты один.

Веренский надолго замолчал, отдавшись течению безрадостных мыслей. Сила Михалыч выглядел не менее удрученным. Максим кусал в нетерпении губы. Он не хотел подгонять рассказчика, но желание узнать подробности о несчастье с Лизой пересиливало деликатность.

Неожиданно вернулся изгнанный Ярик:

— Макс, кранты! Венька с Люськой заявили, причем не одни. С ними толпа репортеров. Павел, балбес, что-то ляпнул лишнее, а девчонки сделали свои выводы. Насторожились, что я охрану отослал, да еще все концерты отменил. Они решили, что дело нечисто, и приехали нас спасать. Газетные ищейки на взводе, собрались у порога.

Максим застонал и упал на подушки.

— Ярик, уладь это как-нибудь. Пусть они все уедут.

Предпринять, однако, ничего не успели: в коридоре раздался дробный стук каблучков. Венера с видом воительницы направилась прямо к ложу больного; Людмила, не столь боевая по натуре, заискивающе взяла под руку Ярослава.

— Макс, ты весь горишь! — воскликнула Венера после того как покрыла чело молодого человека бурными поцелуями. — Есть в этом захолустье врачи? Надо немедленно вызвать бригаду.

— Не вздумай! — Максим отворачивался от ее преувеличенных ласк. — Зачем вы приехали? Немедленно возвращайтесь назад!

— Ну уж нет, в таком состоянии я тебя не брошу. И не надейся на своего цербера. — Венера презрительно скривилась в сторону Ярика. — Хватит! Натерпелись! Вызывай врачей, пусть сделают назначения, дадим Максиму лекарств и повезем в Москву. Здесь ему незачем оставаться.

В дверь бочком пробрался один из репортеров и прежде чем его выставили, успел

сделать несколько снимков лежащего Максима и присутствующих. Ярослав с криком ринулся на беднягу и чуть его не побил. Фотограф еле ноги унес, а с ним и остальные желающие пробиться к спальне Максима.

— Ты что натворила, дрянь? — Ярослав накинулся на Венеру с бранью.

— Ну давай, ударь меня! — пошла она высокой грудью на Ярика. — Устрой спектакль для представителей прессы. Я с удовольствием буду позировать. В газеты, в интернет попаду, да хоть с синяками, сейчас все в ходу! Прославлюсь благодаря тебе.

— Уже прославилась! Теперь все узнают, с кем спит Максим Смирнов. Ты ведь все рассчитала, заботливая наша. Ничего, даром тебе это не пройдет.

Сила Михалыч, до того хранивший молчание, заговорил, как всегда, негромко своим надтреснутым тенорком:

— Я бы не считал себя вправе вмешиваться в личные отношения, если бы девушка, величающая себя Венерой, хотя бы в малой степени соответствовала тем моим представлениям, кои необходимы подруге Максима Евгеньевича.

— Михалыч, кончай глушить нас высоким штилем! — возмутился Ярик. — Объяснись по-человечески. Что значит «величающая себя»?

— Зовут эту бойкую женщину Зинаидой Печкиной. Вы, Ярослав, как-то заказали эскорт-услуги в одном так называемом модельном агентстве. Не правда ли? Девушка вам понравилась, и вы решили познакомить ее с Максимом, не подразумевая для него серьезных отношений с вашей протеже, а лишь приятное времяпровождение. Он сам вас просил об этом по причине своей занятости.

— Все верно, и что? Даже если она не Венера Таврическая, а просто Зинка?

— Зинаида Печкина находится в розыске с 2006 года за соучастие в убийстве своего работодателя, крупного бизнесмена. Она работала в его загородном доме горничной и, возможно, так бы и осталась Зинаидой, если бы ее тайный муж, вор-домушник Сева Печкин не подговорил жену ограбить богатый дом в отсутствие хозяев. На беду в момент ограбления хозяин непредвиденно вернулся домой. Я не стану перечислять все подробности этого прискорбного события. Последствия таковы, что Сева Печкин, не будучи мокрушником, хозяина все же вынужден был убить, чтобы тот не выдал семейную пару правосудию. Совершив преступление, чета в панике бежала, оставив множество улик. Правда, им посчастливилось скрыться, изменить внешность и приобрести поддельные паспорта благодаря связям Севы в криминальном мире. Должен вас предупредить, Ярослав, что Зинаида продолжает поддерживать связь со своим законным супругом. Вы сослужили Максиму Евгеньевичу плохую службу, я бы даже сказал, создали угрозу его жизни.

Свой монолог Сила Михалыч произнес в присущей ему манере, — расхаживая из стороны в сторону, глядя в пол, заложив руки за спину, как учитель, диктующий задание.

Уличенная Венера-Зинаида от потрясения не могла выговорить ни слова. Что касается Максима, то на него сообщение Михалыча не произвело никакого впечатления: в данный момент Венера была ему совершенно безразлична, мысли его были заняты другой.

— Вот те на! — первым опомнился Ярик и захохотал. — Так ты, значит, Зинка? В розыске?! Макс, это мы попали с тобой! Нарваться на уголовщину! Но кто же знал? По виду никогда не скажешь. А зачем тянуть? Сейчас сдадим ее в милицию, пусть разбираются.

— Нет! — нервно выкрикнул Максим. — Не делай из меня фискала! Пусть она просто уйдет. И все пусть уходят! Я хочу остаться один!

— Столько денег на нее грохнули! — не мог прийти в себя Ярик. Он с подозрением уставился на Людмилу. — Эта тоже ненастоящая?

— По поводу вашей подруги вы можете быть абсолютно спокойны, — заверил Сила Михалыч.

— Фу-у! Чуть инфаркт не схватил... Все равно пошла, обе пошли, и чтобы я вас больше не видел.

Девушки бросились бежать, Ярослав шел следом, голос его гремел в доме, потом донесся со двора — он воевал с газетчиками.

Сила Михалыч присел рядом с Максимом. Тот был беспокоен и учащенно дышал.

— Ох уж эти женщины, — сказал Михалыч и положил руку на лоб больного. — Покамест у тебя жар, но все сейчас пройдет. Поспи, сон лечит, после поговорим.

Максим остановил на нем страдальческий взгляд. Постепенно дыхание его выровнялось, трагические складки на лице разгладились, мучительное наваждение отодвинулось вдаль. Образы, пульсирующие в воспаленном мозгу, потускнели, уступив место вполне здоровой любознательности.

Новый друг продолжал его занимать, тем более что оказался скрытен и упорствовал в своей скрытности. Расспросы о себе игнорировал, отвечал лишь тогда, когда считал нужным. После бурных событий прошедшего дня у Максима накопилось много вопросов, и он наверняка знал, на какие из них не получит от упряма ответа.

— Михалыч, сколько тебе лет? — задал он самый простой, но и тут наткнулся на молчание. — Попробую прикинуть. Сорок два, сорок три, угадал?

— Нет, намного больше, — пробурчал тот. — Почему ты спрашиваешь?

— Глаза у тебя необычные. Как у ребенка. Ясные, сияющие, чистейшей голубизны. Как такое может быть?

— Таким уродился.

— Ты как будто молодой внутри. Не то чтобы выглядишь старым ... я другое хочу сказать... Ты только не обижайся... Говорят, у людей есть аура. У тебя, во всяком случае, точно есть. Я ее чувствую.

— Правда? И что же ты чувствуешь?

Максим помедлил с минуту и ответил:

— Музыку.

Михалыч улыбнулся и убрал руку со лба Максима.

— Не удивительно, будь ты художник, видел бы меня в красках. — Он поправил под головой Максима подушку. — Все, температура спала. Давай-ка засыпай. Тебе надо набраться сил. Самое трудное в твоём сочинительстве впереди. Ты как, не передумал сражаться с вредоносными голосами?

— Нет, — сонно отозвался тот. — Нельзя давать им волю. Они несут деструкцию, убивают красоту... — Глаза его начали слипаться. — Музыка не должна исчезнуть. Тогда наступит хаос, распад, черная пустота. А моя жизнь превратится в бессмыслицу...

Неслышно вошел Ярослав. Максим спал, во сне выглядел умиротворенным, со щек его пропал болезненный румянец.

Михалыч сделал Ярику знак следовать за ним.

— Мне придется неотлучно находиться при нем — и днем и ночью. Найди Василия, пусть он также останется на ночь в особняке. Напряжение растёт, нам надо объединиться, чтобы выстоять. Я рассчитываю на тебя, Ярослав. И прошу, сообщай мне о любом событии немедленно.

— Михалыч, я уже понял, что здесь творится какая-то чертовщина. А ведь я был уверен, что рассказы о полтергейсте — измышления разных шизиков. Ты, видно, специалист по всяким таким штукам. Кстати, откуда ты узнал про Венеру? Девчонка драпанула без оглядки; ясно, что ты попал в точку.

— Узнал случайно, теперь пригодилось. Так не подведи, будь начеку. Звони Василию, пусть приезжает.

Глава 7

Следующий день прошёл спокойно, Максим с утра работал, Михалыч сидел на стуле под дверью. Дурная комната вела себя как обычно, шипела холодным паром, нагоняла промозглый воздух, иногда Максиму чудились какие-то тени, запахи, те самые — гнилостные, которые описывал хозяин дома, но ничего экстраординарного на сей раз не произошло. Максим, конечно, как и в предыдущие дни вымотался чуть не до потери

сознания, но результатом был доволен: композиция ширилась и обретала мистическое, но прекрасное звучание.

Среди ночи, как и опасался Михалыч, в усадьбе началось невообразимое. Какие-то невидимые силы вырвались на свободу, но активнее бесчинствовали в саду, чем в особняке. Сила Михалыч объяснил это тем, что его присутствие в доме является сдерживающим фактором.

Все жильцы собрались в одной большой комнате. Михалыч посоветовал перетащить сюда кровати и довольствоваться казарменным положением, так как безопасность каждого в отдельности он обеспечить не мог.

Веренский припелся на ночлег избитый: его успела навестить дочь. Сегодня ему досталось меньше, чем обычно — у Лизы плохо действовала правая рука.

За окнами волновался старый сад, и царила непроглядная тьма. Все наружные фонари и лампочки были разбиты еще раньше; Леонид Ефимыч жаловался, что прекратил тщетные попытки каждый раз обновлять фонари. Луна не светила: небо обложили плотные тучи. Снаружи бушевал ураган, ветви деревьев хлестали в стекла. По словам Веренского, в такие же безлунные ветреные ночи несколько раз случался разгул неведомых вандалов, именно они сорвали створки ворот с петель, били беседки, фонтаны, ломали деревья, парковые постройки. Лишь часовня и источник не подверглись разбойному нападению.

За окнами помимо завывания ветра слышался хруст ломаемых ветвей, какие-то хриплые вопли, кличи, злорадный хохот, удары, будто кто-то колотил кувалдой по камню.

— Они не побьют нам стекла? — забеспокоился Ярик, отодвинул штору и попытался разглядеть что-нибудь в кромешной тьме за окном.

— Не посмеют, — спокойно отозвался Михалыч.

Ярик в этот момент резко отпрянул от окна: с другой стороны к стеклу на миг прильнула ухмыляющаяся жуткая рожа с раззявленным щербатым ртом, с черными обводами вокруг выпученных глаз, обрамленная торчащими пучками волос.

Ярослав поспешно задернул шторы:

— Зараза! Они что, по стенам лазают? Здесь же второй этаж. Мне бы твои нервы, Михалыч. Не пойму, с какой стати они должны тебя бояться. Кое-что ты, конечно, умеешь, но неизвестно, сколько их. Судя по звукам, орудует целая шайка хулиганской нечисти. Хорошо, что у Васи есть ружье. В доме я тоже слышу какой-то шум.

Словно в подтверждение его слов в зале задребезжал рояль — так, будто кто-то прыгал на клавиатуре.

Максим рванул с места: это было выше его сил.

— Они испортят Стейнвей, гады! — Он подбежал к двери.

— Стой! — Михалыч схватил его за руку. — Подожди, я сам схожу. Сейчас прогоню их, а завтра рояль передвинем сюда. Не переживай.

Он вышел, захлопнув за собой дверь. Через секунду из залы донесся визг, запахло чем-то паленым; топот, вой, скрежет — и все стихло.

Михалыч вернулся, оглядел себя, стряхнул со штанов какие-то пылинки.

— Погань мелкая, — проворчал он. — До утра к роялю не сунутся. Это он специально всякий сброд подсылает, прощупывает, не знает пока, с кем имеет дело.

— Ты о ком, Михалыч? — спросил Максим.

— Да так, мысли вслух, не обращай внимания. Лучше пусть Леонид Ефимыч продолжит прерванный рассказ, это поможет нам скоротать время, пока шушера не расплзется по своим норам, а то развели бедлам — не заснуть.

В комнате имелся большой камин с решеткой. В нем были сложены горкой березовые поленья, как видно, впрок: летом камин не разжигали. Но теперь всем неудержимо захотелось, чтобы в комнате играли отблески веселого пламени; ненастье и враждебное окружение к тому располагали. Василий взялся разжечь камин, остальные подсади поближе к огню и приготовились слушать следующую часть повествования Веренского.

— Итак, после встречи с таинственным Себом я отправился домой, и по дороге все люди, которые попадались навстречу, казались мне смешными и ничтожными. Многих я знал, за исключением туристов, но среди местных почти все были знакомыми, приятелями, нередко собутыльниками; так обычно и бывает в маленьком городишке. В тот день я проходил мимо, не здороваясь, презрение и заносчивость переполняли меня, я был велик, а они мелки; я вознесся неизмеримо высоко, а они были копошащимися насекомыми, занятыми проблемами своего никчемного существования.

Как раз было время идти в ресторан на работу. Я вошел в зал и обвел взглядом жующих, пьющих, гогочущих толстосумов с их тупыми размалеванными телками, всю эту похотливую свору, которую необходимо развлекать пианисту, прежде чем они набьют себе брюхо и улягутся в постель. Раньше я их всех ненавидел, теперь же они вызывали во мне неудержимую брезгливость, как жирные черные тараканы.

Играть для них я больше не собирался, но меня тянуло к роялю, не терпелось испытать новые возможности, которые я в себе ощущал, ведь дома у меня не было инструмента, я давно перестал заниматься или просто играть для себя.

Я пришел раньше времени, мои подельники еще не явились — скрипач и виолончелист, такие же несчастные лабухи, как и я, но мне ни к чему было их дожидаться. Я направился напрямик к эстраде, сел за рояль и ни секунды не раздумывая, не выбирая из прошлого репертуара, а чисто по наитию начал играть Грига «В пещере горного короля».

С первых таинственных басовых звуков клиенты перестали жевать и умолкли все как по команде. Я видел, что со всех сторон в зал крадутся тролли, озираясь, вертя по сторонам уродливой башкой. Скоро на мордах сатиров появилось любопытство, они заметили людей, и оскалились — издевательские улыбки растянули их хищные пасти. Движения их стали более уверенными и дерзкими. Они почуяли добычу и оживились. Я видел отчетливо все, что происходило в зале, но мои застывшие слушатели не видели страшилищ, да им и ни к чему было, я знал, что монстры сожрут их незаметно. Свирепая радость наполнила мое сердце, рояль уже звучал под моими летающими пальцами как целый оркестр, тролли исполняли дикую, разнузданную пляску на столах в безудержном ликовании от предстоящего пиршества. Рояль гремел в бурном престиссимо, я слышал, что играю на уровне музыкантов с мировым именем, нет — в тысячу раз лучше! Я был в тот момент всесильным горным королем, да что там — самим дьяволом, и, когда отзвучал последний аккорд, обреченные глупцы встали и начали аплодировать. Я поднялся, оскалился как тролли и захохотал этим жирным ублюдкам в лицо!..

Веренский замолчал, он часто дышал, заметно было, что воспоминания захватили его полностью.

— Ну ты даешь, Веренский! — не выдержал Ярик.

Леонид Ефимыч вздрогнул, словно пришел в себя.

— Простите, — съежился рассказчик. — Я лишь теперь осознаю свою низость, но честно пытаюсь передать вам чувства, которые мной владели.

— Хм, что-то ты не в меру вдохновился, папаша, — скептически высказался прямолинейный Ярик. — Не знаю как другие, но у меня создалось впечатление, что чердак у тебя по-прежнему забит хламом.

— Какой чердак? — не понял Сила Михалыч.

— Башка то бишь. Всему тебя надо учить, Михалыч.

— Благодарю за ликбез, Ярослав, но все же попрошу тебя воздержаться от дальнейших замечаний. По твоей вине Леонид Ефимыч потерял нить повествования.

— Нет-нет, я помню все, до последней мелочи, — воспрянул Веренский, — тем не менее, годы своего триумфа описывать не буду. Я стал лауреатом международных конкурсов, начал концертную деятельность, ездил с гастрольями по миру, всюду мне сопутствовал успех, поклонение публики, я зарабатывал большие деньги и вскоре выкупил

родовое имение у государства.

— Пойдите, — перебил на этот раз Максим. — Насколько я понял, книга все же осталась у вас. А как же плата, которую потребовал мифический Себ?

— Не говорите так, — испуганно зашипел старик. — Себ — далеко не миф, он так же реален, как мы с вами. Мне пришлось встретиться с ним еще раз, и этой встречи я не забуду никогда. После нее моя жизнь стала невыносимой. Если бы не слабая надежда вернуть Лизу, я бы давно повесил себе камень на шею и последовал за бедняжкой Дарьей в пруд. Клянусь, меня не раз посещала такая мысль.

Я вижу, дорогой Максим, что вы, несмотря на противоестественные явления, происходящие в этом доме, все же сомневаетесь в потустороннем характере моего мнимого благодетеля. Я испытывал столь же противоречивые чувства, покинув усадьбу в день роковой встречи с загадочным Себом. С одной стороны, мой исполнительский профессионализм вознесся на небывалую высоту, я смог убедиться в этом тотчас же в ресторане, как вам известно. С другой стороны, я до конца не верил в какое-либо чудо. Обретенное мастерство я скорее склонен был считать дремавшими и вдруг пробудившимися свойствами своей натуры. Не отрицая определенного воздействия Себа, я больше приписывал всплеск музыкальных способностей самовнушению. Здесь могло слиться воедино все: история с книгой, пианино, завещание прапрадеда, мистический вид неизвестного гостя и сила собственного воображения: стоило мне на миг глубоко поверить в чудо — и оно произошло. Только при чем здесь какой-то Себ, пожимал я плечами, рассуждая сам с собой. В человеке заложены огромные возможности, которых он в себе не подозревает, иногда достаточно случайного толчка. Короче, я начал ловчить, убеждать самого себя, приводить оправдательные доводы, лишь бы книгу не отдавать, так как продолжал подозревать подвох.

Но самое поразительное: мне хотелось сознательно обвести грозного пришельца вокруг пальца. Я шел на обман со жгучим пылом, с азартом, с наслаждением. А все дело в том, что меня, неудачника и начинающего алкоголика, Себ сделал сильным, волевым негодяем, и его подарок обернулся против него самого...

Веренский по-стариковски захихикал, видимо, он действительно вошел в роль и до сих пор испытывал удовольствие от своей бесчестной выходки:

— Задним числом я понимаю, что Галя, моя жена, оказала мне неоценимую услугу. Не найдя в нашем деревенском домишке подходящего места для объемистого фолианта, она приспособила книгу как подставку под образа, доставшиеся ей от родителей. Накрыла книгу кружевной скатеркой, сверху поставила иконы, лампаду и осталась весьма довольна своей сообразительностью. В сущности, что стоило Себу самому добраться до книги, но он этого не сделал. Теперь я знаю — почему. Это открытие помогло мне в дальнейшем спрятать книгу в еще более надежном убежище.

— Так вы закрыли ворота в первый раз? — спросил Максим.

— Как я понял, ворота уже однажды открывались, затем графу удалось их закрыть, при этом он лишился дочери и позже покончил с собой, но все это лишь догадки. Правды мы уже никогда не узнаем.

— Граф спрятал книгу в часовне, не потому ли, что тоже искал для нее безопасное место?

— Совершенно верно, я думал об этом. Все страшно запутано. Я не могу проследить мотивов его поступков. Он заплатил за дочерью, но книгу не отдал, можно предположить, что в нем пробудилась совесть, и он испугался последствий своего ужасного открытия.

— Тогда почему граф не уничтожил книгу и завещал ее потомкам?

— Не знаю, — покачал головой Веренский. — В этом кроется еще одна тайна.

— А Лиза, что случилось с Лизой? — допытывался Максим.

— Она ушла за Себом. Она и теперь каждый раз уходит к нему, я не могу ее удержать. Он свел с ума мою девочку, отомстил мне за обман. Лиза предана ему, как собачонка, и готова целовать следы его ног.

— Жесть! — выразился Ярик. — Все равно не верю в окултную бредятину. Сейчас аферисты до того обнаглели, что объявляют себя знахарями, ведьмами, магами. Достаточно почитать объявления в газетах и журналах. А что, дураков полно. Платят шарлатанам деньги, смотрят им в рот. Полный отстой!

Короче, надо действовать и вырвать Лизу из лап проходимца. Нынче всяких гуру развелось, что крыс в канализации, компостируют девушкам мозги и заставляют заниматься с собой сексом для пущего просветления. Зря мы отослали Пашу с ребятами, надо изловить мерзавца и проучить, чтобы впредь неповадно было.

Снизу под окном раздался душераздирающий вой — звериный или человеческий трудно было определить. Сразу вслед хором закаркали вороны, заухал филин; снова хохот, определенно женский, радостные крики, беготня, возня. Ветер стих и шум из сада стал слышнее, хотя по всем признакам бесчинствующие элементы удалялись куда-то вглубь.

— Ведьмочки развлекаются, — пояснил Михалыч. — А дочь ваша верховодит, Леонид Ефимыч.

Ярослав, Максим и Василий одновременно метнулись к окну. Облака рассеялись, взошла луна и осветила бледным светом открытую площадку перед входом и ближние аллеи. Максим бесстрашно распахнул обе створки оконной рамы, повеяло ночной прохладой.

В темной глубине сада блуждали огоньки, оттуда слышался смех, приглушенный гомон и даже чудилось нестройное пение.

— Айда, посмотрим, — загорелся Ярик. — Нет такой бабы, которая могла бы меня напугать. Будь она хоть трижды ведьма. Можно подумать, я ведьмы не видал.

— Я за! — поддержал Василий. — В крайнем случае, пальну из ружья пару раз для остротки.

— Эй, парни, а ну назад! — прикрикнул Михалыч. — Одних я вас не пущу, и Леонида Ефимыча оставить нельзя. Прикажете мне разорваться?

Молодые люди остались глухи к доводам Силы Михалыча. Их неудержимо влекло в сад, образ Лизы мерещился вдалеке призрачной порхающей тенью.

— Да что уж там, я с вами пойду, — с криком поднялся Веренский. — Правда, с Лизонькой я уже сегодня встречался... — он морщась потер бок, — ... но лишний раз увидеть ее не откажусь. Бедное дитя — она не ведает, что творит.

— Ох, не советовал бы я вам, Леонид Ефимыч! — разворчался бдительный страж. — Что за оказия? Все словно с цепи сорвались. Ладно, пеняйте на себя, доставлю вам такое удовольствие. Идемте, только фонарики прихватите...

Мужчины прошли сквозь пустынные комнаты второго этажа, здесь было тихо, разгулявшиеся ночные гости переместились в парковую зону.

Однако в саду тоже никого не оказалось, огоньки впереди мелькали уже за пределами усадьбы. Разудалая компания, натешившись в парке, теперь углубилась в лес. Судя по скоплению скачущих среди деревьев огней, шествие двигалось к реке.

Михалыч призвал своих спутников вести себя как можно тише и держаться на приличном расстоянии от преследуемых.

— Все равно догоним, дальше реки они не пойдут, — пояснил он.

Василий уверенно шагал впереди по исхоженным тропинкам; в просветах между лиловыми стволами уже серебрилась лента реки. Луна стояла высоко, гляделась в реку ясным круглым лицом, поэтому фонарь не включали — так было безопаснее.

Путники приблизились к реке и затаились в зарослях у самого берега.

То, что они увидели, было похоже на постановку сказочного фильма. Прекрасные девушки танцевали или сидели на траве, другие плескались в реке. Все они были обнажены по пояс, лишь на бедрах непрочны держались прозрачные накидки; у каждой на голове красовался венок из крупных белых цветов, с шеи свисало такое же благоуханное ожерелье. Казалось, множество лесных нимф веселилось под светом луны. В них была бездна грации, утонченности, все были красавицами, как на подбор. В воде они чувствовали себя русалками, свободно резвились, брызгались, смеялись.

Те, что были на суше, держали в руках веточки, которые загадочным образом светились — фосфоресцировали бирюзовым светом. Девушки напевали хором и качали ветками из стороны в сторону в такт песне, обеспечивая аккомпанемент танцующим.

— Шутник ты, Михалыч, — просипел Ярик. — Если это ведьмы, то я согласен, чтобы они съели меня с потрохами.

— Не зарекайся, Ярослав, именно это с тобой и сделают милые пташки, стоит нам зазеваться.

— А где Лиза? Я не вижу ее, — беспокоился Василий.

Максима волновал тот же вопрос, но при Васе он воздерживался проявлять излишний интерес. Мало того, что обманул отца — еще и жениха!

Он незаметно отделился от товарищей, увлеченных созерцанием девичьих прелестей, и пробрался в сторону вдоль прибрежной поросли, чтобы поискать Лизу самостоятельно. Красавицы между тем стали водить хоровод — изящно, пристойно, как деревенские девушки в старину, только, в отличие от них были практически раздеты. Они пели о любви нежными голосами, мечтательно смотрели вдаль, словно призывая возлюбленных.

Максим был уверен, что Лиза плавает в реке, оттуда неслись всплески, звенел смех мелодичными бубенцами. Максим совершил рискованную перебежку к воде и спрятался за прибрежным кустом.

Он пытался высмотреть Лизу в темной воде, услышал шорох и обернулся. Она стояла перед ним, совершенно нагая, с развивающимися волосами, в них белели цветы, источающие сладкий дурманный аромат, глаза ее сверкали в ночной мгле, в них горела неистовая страсть, обмануться было невозможно.

Максим воровато оглянулся, схватил ее за руку и потащил в чащу, подальше от отца, жениха и вездесущего Михалыча.

Друзья не сразу обнаружили отсутствие Максима. Сцена на берегу полностью захватила их внимание. Количество танцующих резко увеличилось. Из леса стали выбираться какие-то существа. Даже при скудном лунном освещении можно было разглядеть, насколько они безобразны. Они были серыми в ночи, лишь светились белки глаз. Одеждой им служило грязное рубище, волос у многих не наблюдалось вовсе, у остальных торчали клочьями. Фигуры у них были скрюченные, но в узловатых туловищах ощущалась звериная мощь. Ходили они, переваливаясь с ноги на ногу, тем не менее, приблизившись к девушкам, пустились в пляс. Новые танцоры принялись выделять карикатурные, неуклюжие коленца, притоптывая кривыми лапами под аплодисменты танцовщиц.

Один прошел совсем близко от убежища непрошеных зрителей и остановился, как будто почуял что-то. Он стал припихиваться и повернул шишковатую голову в сторону затаившихся мужчин. Лицо его поистине ужасало, если можно назвать лицом столь отталкивающую морду: грубая мертвенная кожа, словно изрытая оспой; сплюснутый, с вывернутыми ноздрями нос больше напоминал рыло, из беззубого рта торчали клыки, один глаз заволокло бельмом, другой горел злобой. Жилистые руки с длинными когтями свисали до земли. Ступни заросли шерстью, из нее торчали когтистые пальцы ног.

Василий непроизвольно впился ногтями в плечо Ярика, тот был потрясен не меньше: страшилище смотрело им прямо в глаза. Его нос по-свинячьи двигался, втягивая воздух. Василий стал медленно стаскивать ремень винтовки с плеча.

Но тут женский голос окликнул серого гостя. Урод мерзко осклабился и заковылял к девушкам.

— Мама дорогая! — прошептал Ярик. — Я сплю или уже впал в маразм?

— Ты в здравом уме, Ярослав, — сказал Михалыч. — Во всяком случае, я на это рассчитываю.

На поляне в это время начался, по-видимому, второй акт ночных игрищ. Акт — в полном смысле слова, так как девушки скинули с себя последние покровы и бросились в объятия отвратительных существ, заполонивших берег. Мужчины, сидя в укрытии, стали свидетелями массового разнузданного совокупления; партнеры при этом не оставались друг

с другом надолго — все было стихийно, беспорядочно, дико. Разгул невообразимого распутства сопровождался животным рычанием, сладострастными криками, стонами. Бесстыдство участников превосходило возможности самой извращенной фантазии. Сплошная движущаяся масса копошилась на берегу, казалось, земля шевелится, вздымается и опадает в пароксизме страсти, в этом месиве выделялись белые женские тела, мелькали изящные ножки, серые спины вдруг отсвечивали под луной, будто морские гады, всплывающие из пучины.

Оргия набирала силу, принимала садистский характер: монстры впивались клыками в нежную плоть красавиц, полосовали когтями, затем с довольным урчанием, громко чавкая, слизывали кровь. Женщины при этом извивались, стонали от наслаждения, не забывая в свою очередь терзать безобразных любовников.

Веренский задрожал и в который раз разрыдался. Мужчины, испугавшись, что он выдаст всю компанию своими всхлипываниями, схватили старика и поволокли в лес подальше от реки.

— Что с вами, Леонид Ефимыч? — осведомился Михалыч. — Я ведь вас предупреждал — зрелище не из приятных.

— Я все понял, — задыхался тот от слез. — Я думал, Лизу кто-то избивает, а на самом деле...

Лучше бы я умер, но видел этого ужаса. Вася, прости, я знаю, ты любил ее... Боже, какое жестокое испытание!

— Вспомнили Бога, Леонид Ефимыч? Припозднились, я бы сказал, — не смягчился вредный Михалыч. — Нагадили вы, извините, основательно, а нам с Максимом разгребать... А где Максим? — встревожился он. — Ярослав, Вася, где Максим?..

— С нами был... — развел руками Ярик. — Вот те раз! Слиял, что ли? Вася, ты куда смотрел?

— Туда же, куда и ты, — со слезами в голосе отозвался молодой человек. Он был подавлен открытием не меньше отца своей невесты.

— Надо искать Максима, — постановил Михалыч. — Только я буду искать один. Вы мне мешаете. Василий, веги их к себе домой, без меня вам в усадьбе находиться опасно.

А сейчас помолчите, мне надо сосредоточиться.

Он закрыл глаза и на короткое время выпал из действительности. Спутники терпеливо ждали, Василий прислушивался к лесным звукам, сжимая в руках двустволку.

— Все, ребятки, разбежались, — встрепенулся Михалыч. — Утром встретимся в усадьбе.

Глава 8

Максим, отбежав с Лизой на порядочное расстояние, очутился наедине с искусительницей в кромешной тьме, место было глухое, самые дебри, деревья росли плотно и смыкались над головой густыми кронами, лишь цветы в волосах Лизы слабо светились, и соблазнительно белело тело в темноте; этого распаленному любовнику было достаточно.

— Я люблю тебя, — говорил он, изнемогая от желания, целовал ее и пытался увлечь на землю, но она сегодня не была столь покладиста, как в прошлый раз. Пылко отвечая на его поцелуи, она тем не менее уворачивалась с кокетливой грацией, играла с ним, то манила, то отталкивала, дразнящее смеялась, возвращала поцелуи и тут же ускользала, сильнее разжигая в нем и без того иступленную страсть.

Максим дрожал и чувствовал, что уже готов на все, даже на насилие. Никогда прежде он не испытывал ничего подобного, не узнавал самого себя. Из отдаленных, замурованных уголков сознания здравый рассудок еще посылал предостерегающие сигналы, но ток воспаленной крови сносил любое напоминание об опасности.

Он стал настойчивее, ласки его принимали грубый характер, он терял над собою власть, как вдруг непонятно по какой причине оказался на земле у дальнего дерева, больно

ударившись о ствол спиной: незримая сила оторвала его от Лизы и швырнула наземь.

Сразу же вокруг все начало меняться, как в кадрах фантастического фильма. Деревья закружились, слились в сплошную серую круговороть — и пропали. Окружающее пространство раздвинулось, посветлело и стало сизым с черными разводами, словно Максим находился в центре застывшего смерча, воздух теперь совсем не двигался, был тяжелым и удушливым. Максим как будто лежал на земле — во всяком случае, осязал под собой твердую поверхность — но ни земли, ни травы не было видно: все заволокло дымным клубящимся покровом. Максим видел неясно Лизу, рядом с ней вырисовывался еще один высокий силуэт, и третий чуть в стороне, все трое были неразличимы в вязком пасмурном тумане.

Молодой человек попытался встать — и не смог: что-то давило на грудь, он с трудом мог дышать.

— Лиза, — через силу позвал он, — помоги. Что происходит? Я не могу встать.

Ответа не последовало. Туман вокруг молчаливых фигур начал рассеиваться, вскоре серая дымка в центре растаяла совершенно, теперь Максим отчетливо видел Лизу и стоящего рядом с ней мужчину. Максиму достаточно было взглянуть на его пурпурно-черное одеяние и демонические черты лица, чтобы понять, с кем он встретился.

— Себ, — выдавил он и попробовал сесть, приложив невероятные усилия, но попытка оказалась неудачной.

Третий персонаж был худ, невысок, волосы гладкие, блестящие, сзади собраны в длинный хвост. Стар или молод, не понять, так как лицо у него было загримировано, глаза подведены; напояженный рот резко выделялся на искусственной белизне кожи. Черты лица у него были тонкие, он походил на романтических киногероев тридцатых годов. Одет был в обтягивающее трико, красные сапожки до колен и шелковую рубашку с широкими рукавами. В руке держал длинный кнут из мелко свитых ремней, вернее, это был бич, каким щелкают укротители на арене цирка. На шее у него был кокетливо повязан платок, пропитанный свежей кровью.

— Так значит, ты слышал обо мне? — насмешливо отозвался на свое имя Себ и сделал несколько шагов к Максиму. — Я вижу, старикан времени даром не терял. И что же он обо мне наплел?

— Что ты сманил Лизу. Ты растлитель и вор, воображающий себя героем-любовником.

Себ расхохотался с некоторым даже добродушием:

— Чему я обязан за столь низменное представление обо мне? Не равняй меня с погаными людишками, музыкант. Неужели ты думаешь, что я опущусь до шашней с вашими женщинами? Любая может заинтересовать меня лишь на миг, потом становится моей рабыней, и тогда любовников я им назначаю в соответствии с их рабской похотливой сущностью.

— Громкие слова! Верни девушку, упырь, у нее чистая душа, она не для таких как ты.

— Вот это в точку, для меня она слишком ничтожна. Ты все-таки не понимаешь, с кем разговариваешь. — Себ подошел ближе и осмотрел музыканта с долей любопытства. — Невежество порой спасает, но сегодня тебе придется расстаться с иллюзиями. Начнем хотя бы с Лизы. Хочешь взглянуть, кому достаются сокровища чистой души?

Он щелкнул пальцами. Из висячих завихрений грозовой облачности выдвинулось несколько монстров. Подобострастно кланяясь, они приблизились к своему господину. Идущий впереди сунулся облобызывать подол длинного одеяния Себа, но тот пнул ногой бугристую голову:

— Пошел прочь, пёс! Я не затем вас позвал. Берите девчонку и развлекайтесь. Можете заделать ее до смерти, меня это, пожалуй, позабавит. Подойди, Лиза, покажи своему пылкому поклоннику, как хорошо ты мне служишь.

Укротитель с кнутом вдруг разразился визгливым женским смехом, и как бы в восторге достал девушку бичом по обнаженной спине. Лиза вздрогнула, но даже не обернулась. На белой коже осталась багровая полоса.

У Максима помутился рассудок. Он увидел, как Лиза подошла к чудовищу и стала целовать его омерзительную рожу. Остальные скверно ощерились, с желтых клыков закапала слюна, они потянулись к девушке жадными пальцами и зарычали от скотского вожделения. Преданно глядя на Себа, Лиза позволяла им все более смелые ласки.

Укротитель подскочил к ужасной группе и с лютой радостью оттянул бичом уродов по серым спинам. Те огрызнулись, взъярились, но ярость направили на свою жертву.

Максим увидел, как острые когти вонзились в нежную кожу, как брызнула кровь. Укротитель еще раз пустил в ход бич. Рычание стало громче, и Лиза не выдержала, закричала.

Максим захлебнулся спертым воздухом, рванулся на помощь девушке, но злая сила давила его к земле.

— Как ты думаешь, надолго ее хватит? — заинтересованно спросил Себ. — А коли выдержит и не подохнет, позову других.

Максим снова попытался встать, и снова упал. Ему было плохо, от отчаяния и бессилия хотелось умереть.

— Я могу это остановить, — продолжал мучитель. — Если мы сумеем договориться. Более того, ты получишь Лизу, а я больше не стану тревожить вас своим присутствием.

— Говори, чего ты хочешь, только прекрати это! — прохрипел Максим.

Себ подал знак. Укротитель свернул бич и встал в стороне в ожидании. Гнусные твари с недовольным ворчанием выпустили жертву и уползли в стоячую пелену.

— Далеко не уходите, — с издевательской улыбкой напутствовал их господин. — Посмотрим, насколько сговорчивым окажется наш друг.

— Не друг ты мне, — нашел в себе силы возразить Максим. — Говори, что надо, и освободи девушку.

— Знаю, знаю, у тебя появился новый друг, неожиданный покровитель. Как зовут его, музыкант? Меня давно мучает любопытство.

— Не знаю, кого ты имеешь в виду, — буркнул Максим.

— Кто помогает тебе? — Себ подошел совсем близко и склонился к пленнику.

Максим уставился в беспросветные черные глаза. На миг сердце у него остановилось. Нельзя было смотреть в эти глаза, это было намного хуже, чем голоса в пианино. Он больше не сомневался, что беседует с потусторонней сущностью, только с кем именно — боялся спросить. Страх сковывал язык, сколько бы Максим не крепился.

И все же он призвал все свое мужество, подавил страх и собрал воедино бессвязные мысли: не следует раздражать изверга, надо отвечать на его вопросы, ведь Лиза еще здесь и ожидает своей участи. И этот садист поигрывает кнутом, не терпит в ход пустить.

— Мне помогают друзья — Ярослав, Василий, Михалыч, — старательно перечислил он.

— Михалыч?! — Себ отпрянул в изумлении. Казалось, он не находит слов. — Значит, Михалыч?! — Он снова рассмеялся низким злым смехом. — Остроумно! Они там все Михалычи — рыцари, преданные слуги. Немудрено, что не назвался, ловчит бессмертный, только и я не простака, все равно дознаюсь. Рыцарь, а сражается с закрытым забралом, близко не подпускает, хочет показать, что брезгует. Ничего, я сорву с тебя маску, мы еще посмотрим, чья возьмет! — Он сжал кулаки и на миг забылся, глядя перед собой расширенными глазами. Желчное лицо его исказилось гневом, затем на нем отразилось страдание, было заметно, что он переживает какие-то яркие воспоминания.

Вскоре он вернулся в настоящее и остановил на обездвиженном пленнике пронзительный взгляд:

— Итак, мы отвлеклись от сути. Мне нужна книга. Можешь притворяться, что продолжаешь экзерсисы на пианино, чтобы усыпить бдительность стража, но потребуй книгу, скажи, что тебе она необходима для работы. Нет ничего проще, тебя он послушается. Только занеси ее в кабинет, остальное не твоя забота.

— Зачем тебе, всесильному, какая-то книга? — усмехнулся Максим. — Разве не

можешь ты уходить и приходить, когда тебе вздумается? Да и вся твоя нежить, как видно, гуляет не впервой.

— Ты действительно наивен, — ответил тот. — Неудивительно, ведь ты служитель искусства, романтик, оторванный от постижения тайн бытия. Знай, есть в этом мире, на этой планете законы, тесно связанные с ее обитателями, от вас, людей, неотделимые, и лишь человек может вторгнуться в окружающее его пространство, среду обитания и нарушить ее целостность. Самодержец не зря вложил мозги в ваши бранные головы, нет-нет, да и блеснет сокровище ума, недоступное даже бессмертным.

Вот ты можешь подточить дерево изнутри? Нет, а древоточец может.

— Зато я могу прийти и срубить дерево. — Максим тянул время и намеренно поддерживал разговор.

— Зачем? — пожал плечами Себ. — Не ты его растил, не тебе и рубить. Пусть тот садовник, что хотел создать благоуханную крону для птиц, пищу для жуков и червей, раздолье для личинок, увидит, как дерево гниет, и признает свое поражение.

— И что тогда?

— Придет другой садовник.

— Знаешь, Себ, — позволил себе иронический тон Максим. — Все это мы уже проходили. Ты презираешь людей, а сам живешь по избитой схеме, или презираешь за то, чему учишь сам?

В глазах Себа заиграли злые искры:

— Хватит болтать, мы уклонились от темы. Согласен ты принести книгу?

— Я должен знать, зачем она тебе, — уперся Максим. — Я имею право знать, какие последствия может иметь мой поступок.

Он понимал, что страшно рискует, и съежился невольно, ожидая удара.

У Себа дернулась щека, он недобро сощурился, но все же снизошел до ответа:

— А ты упрямый. Не боишься? Я могу сжечь тебя заживо, и тогда отпадет всякая надобность знать тебе что-либо. Но перед тем как ты станешь живым факелом, Чаритта отделает тебя кнутом, он хорошо с этим справляется, а я не люблю лишать его удовольствия. Подойди, Чаритта, и представься знаменитому музыканту. Кстати, Чаритта был тоже весьма знаменит в свое время. Ах, как давно это было! Он был укротителем тигров, имя его гремело, пока тигрица по кличке Чаритта не перегрызла смельчаку горло. Думаю, укротитель слегка переусердствовал с хищниками. Они, как и люди, не любят жестокости. С тех пор укротитель охладел к животным. Кроме того, я не могу поставлять ему львов и тигров. А без работы артист хиреет. Пришлось ему слегка переквалифицироваться. Как ты думаешь, из чьей кожи сделаны ремни в его кнуте? Недавно жаловался, что ремни поизносились, надо бы заменить.

Чаритта заинтересовался последней фразой Себа, придвинулся, его взгляд как паук пополз по лицу Максима, тот даже почувствовал, как множество жестких ворсинок кольнули кожу. Чаритта провел концом рукоятки кнута по щеке музыканта и одобительно прищелкнул языком:

— Сгодится. Молодой, крепкий, как раз то, что надо. — Голос у него был далеко не чарующий, напротив — сиплый, леденящий, а глаза абсолютно мертвые.

— Да пошел ты, ублюдок! — брезгливо мотнул головой Максим. Руки он поднять не смог, все тело было налито страшной тяжестью. — Убери своего холоуя, Себ. Так у нас разговор не получится. Не запугивай меня, объясни толком, зачем тебе нужна книга.

Себ отослал жестом Чаритту в сторону.

— Так и быть, отвечу на твой вопрос, — сказал он, — убить тебя я всегда успею.

Я предвидел, что они найдут кого-то, чтобы закрыть врата, поэтому мне нужен ключ, чтобы открыть их снова. Я могу тебя убить, но они приведут другого фанатика-Орфея. Если я буду обладать книгой, то все их потуги окажутся тщетны.

— Я понял: ты жаждешь дальнейшего разложения, деформации пространства, отказа от гармонии.

— Да!

— И предлагаешь участвовать в этом мне, музыканту и композитору?

— Глупец, я могу дать тебе славу, несравнимую с лаврами всех пианистов когда-либо живших и живущих ныне. — Себ подтолкнул Лизу к Максиму. — Забирай ее в придачу и оцени мою щедрость.

Лиза смиренно двинулась к Максиму, но не отрывала глаз от Себа, смотрела на него с обожанием.

— Все ложь, — с мукой выдохнул Максим. — Ты поманил меня женщиной, которая ко мне равнодушна, славой лже-исполнителя, наподобие Веренского, хуже — я стану убийцей не только музыки, но и людей.

Себ, очевидно, начал терять терпение. Лицо его сделалось свирепым и почти так же некрасиво, как у его слуг. Он вытянул руку, и струя пламени ударила Максима под ноги. Чаритта, будто того и ждал, подскочил к пленнику со спины и набросил ему кнутовище на шею. Максим почувствовал, как удавка сжимает горло; раскаленные подошвы кроссовок обожгли ступни. Он тоскливо подумал, что это только начало и что ему, скорее всего, не спастись.

— Не воображай, что ты представляешь для меня какую-то ценность, — зловеще процедил Себ, — я могу изжарить тебя прямо сейчас без ущерба своему делу. А потом дождусь очередного слабоумного менестреля.

— А ты — мелкий вор и обманщик! — запальчиво вернул Максим, обидевшись почему-то до смерти на слово «слабоумный». И тут же закрыл голову руками, ожидая неминуемой расплаты за дерзость. Удавка на горле натянулась в ожидании знака Себа.

— Ты прав, Максим, — вдруг раздался звучный, незнакомый голос. — Все его обещания — ложь. Он не отдаст Лизу, хотя и не убьет ее, как грозит: она нужна ему — дочь Веренского, потомок графского рода, без нее книга в его руках бесполезна.

Из висячей гущи ненастного пара выступило новое действующее лицо. Это был высокий юноша, широкоплечий, стройный, мускулистый, одетый как древний спартанец — панцирь поверх короткого хитона, плащ, скрепленный пряжкой на левом плече, на ногах поножи, украшенные чеканными узорами, сандалии с завязками до колен. Своеобразие его оснащения заключалась в преобладании белых и серебристых тонов: инкрустированные серебром доспехи, белый хитон и белый плащ; на боку, на портупее с блестящими бляхами, висел длинный меч в ножнах из слоновой кости.

Воинственный незнакомец был, однако, без необходимого при таком снаряжении шлема, с непокрытой головой. Короткие волосы слегка вились, на лоб спадала светлая прядь, из-под нее твердо глядели ясные голубые глаза.

Появление юноши произвело шокирующее действие на палачей Максима. У Чаритты выпал кнут из рук. Он затрясся, подхватил свое орудие пыток и юркнул за спину Себа. Господин его не шелохнулся, превратился на короткий срок в каменное изваяние. Затем протянул руку, словно хотел дотронуться до юноши в доспехах, и тут же отдернул.

Воин и Себ встали друг против друга. Тишина наступила такая, что Максим усомнился, находится ли он еще на матушке-земле, существует ли заповедник за ватной завесой, есть ли река в стороне. Все словно провалилось куда-то, уступив место душной, мертвенной облачности.

Молчание затягивалось. Наконец Себ глухо произнес:

— Регул...

Он прикрыл глаза рукой, сгорбился и отошел, повернувшись к пришельцу спиной. Тот хмурился, но стоял неподвижно и прямо, левая рука лежала на большой, окованной серебром рукояти меча.

Когда Себ обернулся, его лицо снова было насмешливо, но заговорил он с горечью:

— Так кто же у нас справедлив и милосерден? Кто движим любовью и всепрощением? Велик, непорочен, свят? Или ты станешь уверять, что выбор на тебя пал случайно. О нет, никогда не поверю! Я помню, как изощренно они умеют разить.

Он подошел ближе, с болью глядя юноше в лицо:

— Скажи мне, Регул, ярчайшая звезда в созвездии Льва, знал твой владыка, к кому тебя посылает?

— На что ты сетуешь, Себ? — угрюмо отозвался тот. — К тебе мог явиться любой из нас, я или другой — это ничего не меняет. За себя могу сказать — встреча с тобой не входила в мои планы.

Себ поднял брови:

— Ты даже не хочешь назвать меня по имени?

— Ты — Себ. Твое имя давно забыто, на небе погасла твоя звезда.

— И все же я здесь, перед тобой, и сколько бы ты не строил из себя бесстрастного служаку, тебе нелегко сейчас говорить со мной.

— Я не слуга, тебе это отлично известно, не пытайся меня задеть. У каждого из нас был выбор, свободная воля — на чьей стороне сражаться. Я умолял тебя, сделал все, что мог, чуть в ногах не валялся, ты не забыл? А ныне ты изменился так страшно, так непоправимо и безвозвратно, что я сам не хочу равнять тебя со своими воспоминаниями. Ты тот — кого я не знаю и не знал никогда.

Регул говорил негромко; слова, как видно, давались ему с трудом. Максим, несмотря на шаткость своего положения, с изумлением созерцал колоритного молодца: его уверенные манеры компенсировали кажущуюся молодость, кроме того трудно было ожидать в столь молодом человеке подлинного величия, тем не менее оно сквозило в каждом жесте, взгляде, интонации.

Себ, выслушав приговор, изменился в лице, будто внезапно горестно растерялся, на смуглых щеках выступил темный румянец, кровь ударила ему в голову. Однако вскоре он перемогся, вернул себе надменную осанку и значительную поступь. Он обошел собеседника, оглядывая его с придирчивым сарказмом.

— Ты пришел ко мне с мечом? А я, как видишь, безоружен. — Он развел руки в стороны в доказательство своих слов. — Неужели ты хочешь драться со мной, блистательный Регул? Не погнушаешься обагрить свой меч нечистой кровью?

— Лукавишь, Себ. Кого ты хочешь провести? Полчища тварей прячутся в тумане и ждут лишь одного твоего знака. — Регул вытащил тяжелый меч из ножен и повел сверкающим клинком по периметру. Тотчас раздался вой, неистовый скулеж, беспорядочный топот.

Растерявший апломб Чаритта с воплем бросился на землю и скорчился, чтобы казаться как можно меньше.

Себ изобразил добродушие:

— Хорошо, сдаюсь, ты меня раскусил, и все же мне не дает покоя вопрос: если я попытаюсь спалить музыканта, ты бросишься на меня с мечом?

— Можешь в этом не сомневаться, — жестко ответил воин. — А сейчас верни ему способность двигаться и уходи. Ты меня знаешь, Себ. В отличие от тебя, я несколько не изменился.

— Вижу, — обнажил острые зубы Себ, продолжая все быстрее кружить вокруг Регула как дикий зверь, и глаза у него засветились по-волчьи. — С другой стороны, мне оказали великую честь, назначив тебя моим противником. Видимо, я внушаю кому-то настоящий ужас, раз прислали непобедимого Регула. Меня просто распирает от гордости!

Себ был опасно взвинчен, поэтому Регул зорко следил за каждым его движением. Он переместился в сторону Максима и опустился на одно колено рядом с ним, поддел его сильной рукой и приподнял с земли. Меч держал перед собой в правой вытянутой руке, острый кончик клинка ходил из стороны в сторону вместе с его взглядом.

— И не ошиблись мудрейшие, — не унимался Себ, — сладить со мной нелегко. Ты прав, непогрешимый Регул, узнать меня сложно, ты даже не представляешь, с кем собираешься воевать. Что? Не смотри на меня так! Забирай своего музыканта. Но запомни, сдаваться я не собираюсь, если этот щенок не прекратит музицировать на пианино, я убью

гаденыша, и даже ты его не спасешь.

— Отступись, Себ, — грозно сказал Регул. — Не доводи дело до стычки. Я не хочу биться с тобой, не вынуждай меня. Будь на твоём месте другой, я бы даже не стал с ним разговаривать.

— И на том спасибо! — вскричал тот и несколько раз поклонился с шутовским подобострастием, с каждым поклоном все ниже, разметав по земле свою пышную мантию. — Премного благодарен, уважил, пролил бальзам на рану... Что ж, посмотрим, посмотрим... жизнь все еще преподносит сюрпризы... — речь Себа постепенно перешла в бормотание, вскоре стала совсем невнятной.

Наконец он прекратил свое безумное кружение, схватил за руку Лизу и снова обратился к Регулу:

— Пока что прощай, рыцарь, еще встретимся, раз наши дорожки пересеклись. А там, как судьба распорядится ...

Максима что-то бешено ударило в грудь, вышибло из бедняги сознание. Последнее, что он увидел, прежде чем впасть в беспамятство — крутящиеся в воздухе черные перья, словно невидимый охотник сбил птицу на лету.

Глава 9

За окном щебетала какая-то звонкая пичуга. То щелкала, то разливалась трелями. Из раскрытого окна тянуло утренней прохладой и тонким ароматом липового цвета. В спальне кто-то ходил, скрипели половицы, но Максиму не хотелось открывать глаза. Он медлил с окончательным пробуждением, наслаждался покоем, уютом мягкой постели и руладами маленького певца в саду. В доме было непривычно тихо, не чувствовалось утреннего оживления. Обычно Леонид Ефимыч вставал рано, потом пробуждался Ярик и отправлялся бегать по парковым дорожкам — так он боролся с лишним весом. К девяти приходила убираться женщина из городка, Леонид Ефимыч нанял ее для поддержания домашнего порядка. В десять подкатывал на уазике Василий, привозил продукты, и тогда можно было вставать, разминаться, мыться, завтракать, и...

Максим открыл глаза и резко сел в постели: после завтрака надо было идти в «эксекюторскую комнату»!

Течение мыслей вывело его на цель пребывания в доме. Он почему-то начисто забыл обо всем, а вспомнив, ужаснулся, как в первый раз, когда познакомился с антикварным пианино.

Дверь спальни отворилась, и вошел Михалыч. Сегодня он был на диво уместно одет — в свободные льняные брюки и мягкую фланелевую сорочку с длинными рукавами, закатанными до локтей. Одежда ловко сидела на нем и удачно скрадывала полноту. Как обычно, он был чисто выбрит и немилосердно благоухал дорогим мужским одеколоном из парфюмерии Максима. Последний застал его как-то за процессом тщательного и вдумчивого обнюхивания флаконов и посоветовал взять один себе для тесного ознакомления. Михалыч отнесся к предложению с серьезностью, но парфюмом явно злоупотреблял.

— О-ой, Михалыч, — сморщил нос Максим, — опять вылил на себя полфлакона? Ну сколько можно повторять: одеколон пахучий, надо освежать кожу чуть-чуть. Ты словно с Марса, честное слово.

— А мне нравится. Да брось, я отлил совсем немного. Там еще осталось на два раза.

— Потрясающе! — вытаращился на него Максим. — Слушай, друг, моих запасов на тебя явно не хватит, придется сгонять на местную ярмарку. Ты уж прихвати сразу литровую бутылку, чего мелочиться-то, найдем по потребностям — Пако Рабан на разлив, можно Диор, на крайний случай.

— На разлив продают медовуху, волшебная вещь, настоятельно рекомендую. Я пробовал.

— Да ну? — Максим развеселился, спрыгнул с кровати, потянулся... и, охнув,

сложился пополам.

— Тихо-тихо, — проворно подскочил Михалыч и осторожно усадил Максима на постель. — Тебе вчера досталось малость, ты побереги себя, давай-ка без кульбитов.

— А что было? Я ничего не помню. — Максим сидел скрючившись, держась за живот. — Постой... начинаю припоминать... Лиза!.. Я пошел за ней... О господи!..

— Не надо тебе напрягаться и вспоминать, — с деланной беззаботностью посоветовал Михалыч. — Считай, что это был дурной сон.

— Не дурной, а кошмарный! Если бы ты видел этих чудищ... — Он вспомнил теперь ясно все остальное и не смог продолжать.

— Я сварю тебе кофе, — сказал Михалыч. — Посиди пока, не вставай.

Когда он вернулся с дымящейся чашкой, Максим сидел, сжимая голову руками, совершенно убитый. Вспомнил Лизу, и стало ему по-настоящему нехорошо.

— А как я очутился в доме? Кто меня принес?

— Я. Обнаружил, что тебя нет, и пошел искать. Нашел в лесу без сознания. Это тебе урок: будешь от меня бегать, еще не то случится.

— Хуже того, что было ночью, уже не может случиться. Знаешь, Михалыч... — Максим понизил голос. — Я видел Себа. Он... он не человек, это точно!

— Правильно. Себ — демон, причем один из самых страшных и могущественных.

— Демон?! Михалыч, ты-то откуда знаешь такие вещи?

— Я умею заглядывать дальше обычных людей, — не растерялся тот. — Разве ты еще не заметил?

— Заметил. И хотя ты молчишь как партизан, я догадываюсь, что ты тоже связан с магией. Никогда не верил в магов — ни в черных, ни в белых, и вот влип по самую макушку. Вчера попался в лапы к демону. А в подручных у него Чаритта, садист с рожей эстета и с хлыстом. Жизнь пошла — сплошная развлекаловка!

— Не шути так, друг. Нам повезло, что Себ не расправился с тобой мгновенно.

— Он уже собирался, но тут явился кто-то... в белом плаще, в доспехах. Этот воин встал на мою сторону и потребовал, чтобы Себ отвязался от меня.

— Правда? Значит, у нас появился союзник. Тем более нет причин для уныния!

— Слишком молод, — с сожалением заключил Максим. — Демон разделается с ним в два счета: у Себа жутких тварей полно на подхвате и рука как огнемёт, а этот юноша, Регул, совсем один.

— То есть как это — разделается? — возмутился Михалыч и даже принялся ходить по комнате, подпрыгивая по своему обыкновению и размахивая руками. — Ты судишь поверхностно! Да таких как Себ... гм... и с чего ты, собственно, взял?.. Другое дело, что тут замешаны личные обстоятельства... — Он подсел к Максиму и спросил с беспокойством: — Он что, показался тебе слабым? Ну этот... Регул?

— Нет, парень мощный, сразу чувствуется. И самооценка у него на высоте. Гордый, с достоинством, только что он может — с одним мечом против банды выродков?

— Выродки — ерунда, семечки... — Михалыч погрузился в какие-то думы, приговаривая как бы про себя: — Вот Себ — другое дело, набрался зла, окреп, и ведь хитер стал, коварен волчара... Хотя имеется у него слабость — любит размах, театральность, а уж сейчас особенно захочется ему блеснуть, это надо принять в расчет. Это серьезная брешь, доложу я вам, только воспользоваться вроде как бесчестно... Эх, Себ, Себ...

— А где все? — поинтересовался Максим. — Никого не слышно.

— Я отправил их ночевать к Васе. Они уже на подходе. Одевайся, спустимся к завтраку.

Максим допил кофе и, хватаясь за мебель, пошел в ванную.

— Может, тебе сегодня не играть? — неуверенно предложил Михалыч.

— Расхожусь — поработаю, сколько смогу. Ты же сам говорил — надо торопиться. Себ меня убедил, хотя пытался убедить в обратном.

Михалыч смотрел ему вслед с улыбкой.

— А ведь я его предупреждал, — тихо проговорил он, — одна яркая звезда иссушит океан зла. Вот почему им никогда не победить.

Что-то привлекло его внимание на полу, он слегка подобрался, но не встал с места, продолжал сидеть на краю Максимовой кровати.

На полу взметнулось облачко, словно дым потек из-под половиц. Дымок сбился в кучку, утрамбовался, и появился маленький черт, с едва заметными рожками, уморительной мордой и еще не до конца отросшим хвостом с кисточкой. Он тщательно оглядел себя со всех сторон, стряхнул с плотной шкурки остатки дыма и поднял глаза на сидящего перед ним человека.

Сразу же опасливо попятился, но далеко не ушел, остановился и шаркнул ножкой с пышной манжетой из шерсти на щиколотке, как у пуделя с модной стрижкой. Такие же украшения были у него на запястьях и что-то вроде жабо на шее.

— Приветствую, светлейший, — произнес он щенячьим голоском, и хвостом вильнул совсем как щенок. — Позволь слово молвить.

— Ну здравствуй, — отозвался Михалыч с озорными искрами в глазах. — Экий ты смелый! И учтивый к тому же. Говори, я слушаю.

— Меня Себ прислал.

— Это я уже понял. Что ж такую малявку снарядил? Или постарше не нашлось?

— Со старшим ты не стал бы разговаривать, — с хитрым видом пояснил чертенок. — Мне, светлейший, и то вчера от тебя досталось. Вот смотри. — Он взял в лапу хвост и показал опаленную кисточку. — Еле ноги унес.

— Так это ты прыгал на рояле? В следующий раз я тебе весь хвост оторву.

— Помилосердствуйте, господин, что за черт без хвоста? Я только-только хвостом вилять научился. Черт без хвоста и не черт вовсе, а так, инвалид детства, меня из свиты сразу прогонят, а ведь на редкость удачно устроился.

— Да ты болтун, как я погляжу, и хитрюга с детства.

— Я лучший ученик! — с гордостью заявил чертяка.

— Плохо, — покачал головой Михалыч, — лучших учеников-чертей я совершенно не переносу.

— По правде сказать, я сильно прихвастнул, — тотчас потупил плутовские глазки посланец. — Не далее как вчера старшие выпороли меня за то, что я нюхал цветы в саду.

— А что же, нельзя?

— Рвать можно, а нюхать нельзя, — тоном зубрили поведал чертенок. — Цветы пробуждают добрые чувства. Музыка тоже слушать нельзя и еще эти... — он запнулся и с большим усилием произнес: — ... вз...возвышенные стихи. А еще они сердятся, что я люблю мыться, — совсем уже опечалился мошенник и поглядел так, что у любого от жалости содрогнулось бы сердце.

— Ты мне здесь глазки не строй! — строго сказал Михалыч, пряча улыбку. — Знаю я вас, чертей. — Маленький пройдоха развлекал его: он, по всем признакам, был щёголем, его черная шкурка лоснилась, кисточки на хвосте и лапах были аккуратно расчесаны и взбиты. — Так зачем тебя прислал Себ?

Печальная мордаха тотчас приняла лстивое выражение:

— Господин велел передать тебе, светлейший, что некий вор, преступную жену коего ты уличил, подослал сюда убийц... как их... — киллеров, чтобы они покончили с тобой, а заодно и с твоими друзьями. Тебе, естественно, они причинить вреда не смогут, но музыканта пристрелят за милую душу.

— Надо же! С чего это твой господин так расщедрился, что предупреждает меня об опасности? Что он еще сказал?

Чертенок приосанился:

— Господин велел передать, что поединок с тобой для него дело чести, поэтому он не потерпит вмешательства третьих лиц в сложившуюся ситуацию.

— Передай своему господину: я рад, что он не забыл слово «честь». И последнее: зачем

он предупреждает меня о том, что я и сам узнаю?

Чертенок надулся важностью:

— Он сказал, чтобы ты не вмешивался, это по нашему ведомству.

— Как зовут тебя, маленький негодяй?

— Зет, к вашим услугам, — шаркнул ножкой черт.

— Хорошо, ступай, Зет. Отчитайся перед господином и скажи, что отлично выполнил поручение.

— Можно так и передать? — совсем по-ребячьи обрадовался тот.

— Слово в слово, — серьезно подтвердил Михалыч.

Сорванец подпрыгнул, скрутился винтом и исчез.

— А «до свидания» где? — крикнул вслед Михалыч.

Вошел Максим.

— Ты с кем разговариваешь? — удивился он.

— Был тут один шкет, да вовремя удрал. Так мы идем завтракать?

За день больше ничего не случилось. Обстановка в усадьбе была спокойная, ночные разбойники до времени поутихли. После вечернего чая мужчины пошли, по настоянию Михалыча, к пруду. Максим, как обычно, вымотался в процессе изнурительного сочинительства. Заботливый опекун устранил последствия ночной травмы, но, по его убеждению, общее состояние Максима требовало длительного пребывания на воздухе.

Солнце еще блестело за лесом рубиновым краешком диска, золотые и багровые облака сгрудились над ним, наперебой подставляя бока последним лучам уходящего светила. Воздух был неподвижен, но свеж, прозрачную тишину нарушало едва слышное журчание источника.

Мужчины расположились в беседке, чтобы послушать окончание рассказа Веренского:

— Как я уже говорил, Себ ждал, что я принесу книгу вечером следующего дня. Но я решил схитрить и остаться при своих новых способностях и при книге. Мне хотелось ее тщательнее изучить. Вдруг в ней содержались еще какие-нибудь ценные сведения. Я оправдывал себя: о том, чтобы передать кому-то книгу, в ней не было сказано ни слова, а она, по сути своей, являлась завещанием.

Кроме того, я понимал, что открыл дверь в потусторонний мир, пробил опасную брешь, которая будет расширяться, постепенно стирать грань между несовместимыми реальностями. Да и с какой стати я должен был держать слово, данное какому-то исчадию ада, ведь я не знал достоверно, кто такой Себ. В любом случае, если Себ тот, за кого себя выдает, то его необходимо изолировать, а играть в честность с посланцем преисподней просто смешно.

Взвесив все «за» и «против», я пришел к выводу, что врата надо немедленно закрыть, а книгу не отдавать. Я наивно полагал, что закрыв врата, отрежу путь Себу в наш мир.

Я отправился в особняк днем, предполагая, что силы зла менее активны в дневное время — и не ошибся. Мне удалось исполнить вторую магическую пьесу, так же как и первую, по памяти. То, что музыка сработала, я понял сразу по тому, как в комнате потеплело, и исчезли побеги плесени с потолка.

Я вздохнул свободно и отправился навстречу славе. Последующие годы я уверенно взбирался по ступеням исполнительской карьеры. Весь мир рукоплескал мне, деньги текли рекой, я выкупил имение и перевез в него мою семью. Мама, к несчастью, быстро умерла, не успела вкушать всех преимуществ богатой жизни, зато Лиза росла в роскоши и довольстве. Ее мы, естественно, тоже отдали учиться игре на фортепиано, просто для общего развития, так же как и на танцы, позже она стала посещать компьютерные курсы и уроки английского языка. Я решил держать дочь до двадцати лет дома и лишь потом определить в институт. Мне казалось, что так я смогу оградить ее от преждевременных соблазнов столичной жизни, позволю ей повзрослеть, обрести твердые убеждения, необходимые девушке из хорошей семьи.

Ей только исполнилось девятнадцать, когда она познакомилась с Васей...

Веренский сделал паузу, глядя на молодого лесничего.

— Пожалуй, дальше Вася расскажет лучше меня.

— Не уверен, что у меня получится, — залился краской тот. Откровенничать об отношениях с Лизой в присутствии отца ему было неловко. — Лиза однажды подвернула ногу, — обдумывая слова, заговорил он, — зацепилась за корень на лесной тропинке. Она любила гулять в лесу рядом с домом, дальше ей ходить не позволялось, мало ли какой отморозок объявится. Она была благовоспитанной девушкой.

Поэтому, когда я предложил ей свою помощь, она вначале отказалась, постеснялась незнакомого парня, но я настоял и отвел ее домой, почти отнес. Влюбился я мгновенно, и использовал любую возможность, чтобы наши встречи продолжались. Сначала я выказал деятельное участие: вызвал врачей, близко познакомился с родителями, на следующий день пришел справляться о самочувствии, предлагал помощь под разными предлогами и скоро стал в доме своим человеком. Галина Ильинична ко мне благоволила, но Леонид Ефимыч держался со мной сухо: я был неудобным поклонником. Отец собирался познакомить Лизу с перспективными молодыми людьми, когда, по его расчетам, настанет для этого пора. А тут какой-то егеря с ружьем.

— Это правда, — подтвердил Веренский. — Ты уж, Вася, не обижайся за откровенность, дело прошлое. Мне было непонятно, почему Лиза сразу заволновалась и принялась мечтать о Васе, как о пресловутом принце. Наверное, я сам виноват, воспитывал Лизу, как тургеневскую барышню, все строил из себя потомственного аристократа.

Я был обеспокоен и уже собирался применить родительскую власть — задушить на корню чувства молодых людей, как вдруг Лиза совершенно переменилась к Васе, да так резко и необъяснимо, что вместо радости я встревожился.

Нить повествования снова подхватил Василий:

— Не берусь утверждать, но я предполагаю, что видел однажды Себа. Я пришел в имение под вечер. Лизы не оказалось в особняке. Галина Ильинична направила меня в сад, сказала, что дочь пошла прогуляться. Я пошел искать Лизу и на одной из парковых скамеек застал ее в обществе мужчины. Он был красив, но какой-то порочной красотой. Так выглядят мужчины, пресыщенные любовными похождениями; втайне они презирают женщин, но редко откажутся от мимолетной, пусть даже самой низменной связи. Одет он был элегантно — в черный пиджачный костюм, я даже подумал сначала, что какое-то официальное лицо приехало к Леониду Ефимычу.

Я подошел и ожидал, что Лиза меня представит, но она почему-то этого не сделала. Более того, посмотрела на меня отчужденным взглядом и попросила подождать в доме. Я извинился и пошел прочь, терзаясь мгновенно вспыхнувшей ревностью. Я свернул в аллею и решил подобраться к паре с другой стороны. Мне это удалось, я спрятался за пышными кустами и стал элементарно подглядывать. Жаль, слов не было слышно, а поближе я подойти не мог.

Они говорили о чем-то; я видел четкий профиль мужчины, Лиза сидела ко мне спиной, склонив голову, но иногда поворачивала лицо к собеседнику и смотрела на него дольше, чем мне бы хотелось. Мужчина один раз обернулся в мою сторону, я даже ощутил на себе тяжелый взгляд, хотя видеть меня он никак не мог. Усмешка исказила его чувственные губы, и он снова повернулся к девушке.

Наконец они встали. Он взял руку Лизы и прижал к губам, глядя при этом девушке в глаза. Она задрожала всем телом, выдернула руку — не сразу и с видимым усилием — и побежала по аллее по направлению к дому. Мужчина постоял, наблюдая за ней, затем пошел в противоположную сторону.

Я был поражен, кроме того, убедился, что незнакомец не был гостем в доме, а явился откуда-то извне. Я твердо решил выяснить, кто он такой и откуда взялся, поэтому незаметно последовал за ним. Но стоило ему скрыться за поворотом в боковую аллею, как сей джентльмен пропал, буквально испарился. Я бросился туда-сюда, но спрятаться там было

негде. Даже, если бы он рванул по-спринтерски к заброшенному строению бывшей конюшни, я успел бы его засечь. Я все же заглянул в конюшню и чуть не поплатился за это зрением: огромная черная птица с криком метнулась мне в лицо, выпустив хищные когти, я едва успел увернуться, но зевать не стал, сразу выскочил наружу, не дожидаясь новой атаки.

— А что за птица? — заинтересовался Михалыч.

— Коршун, но необыкновенно крупный. А главное, абсолютно черный. Дело в том, что окраска взрослого черного коршуна на самом деле темно-бурая, брюхо светлее, с пестринами, верх головы светлый. А этот саженно-черный без малейших просветов. Я сам натуралист, но таких крупных и черных особей не припомню, в нашем лесу ничего подобного не водилось. О диковинной птице я вечером рассказал напарнику. Мы пришли в конюшню на следующий день, взяли фотокамеру, но птицы не обнаружили.

— А может, орел? — предположил Ярик.

— Нет, что ты, орлы здесь не водятся.

— А Лиза, что случилось с Лизой? — все не терпелось Максиму.

— С того дня она начала меня сторониться. Мои визиты стали ей неприятны. Она грубила мне, открыто гнала от себя. Я был отвергнут и невыносимо страдал. В то же время она никуда не ходила, ни с кем не встречалась. Для меня ее поведение было загадкой, но я, сам не знаю почему, был твердо уверен, что причина ее холодности — таинственный незнакомец.

— Не могу простить тебе, Вася, что ты не предупредил меня о незваном госте, — посетовал Веренский. — Хотя винить некого: все, что случилось — следствие моей низости, жадности, тщеславия.

Я поздно заметил, что Лиза переменилась. Когда хватился, она была уже почти невменяемой. Она перестала есть, спать, могла часами сидеть и смотреть в одну точку, на расспросы не отвечала. Я решил обратиться к врачам.

Поздним вечером я зашел к Лизе, чтобы уговорить ее лечь на обследование в клинику. Она готовилась ко сну, на ней был легкий пеньюар поверх ночной сорочки. Я стал говорить с ней, но она не отвечала и смотрела на меня как-то странно, напряженно, взволнованно, в то же время не вникая в смысл моих слов.

— Лиза, ты слушаешь меня? — тихо спросил я и взял ее за плечи.

Она отстранилась с непередаваемым выражением, как будто в моем прикосновении было что-то нечистое.

— Лиза, да что с тобой?! — воскликнул я. — Скажи хоть слово, не молчи, умоляю, доченька!

— Я тебе больше не дочь, — сказала она чужим голосом. — У меня нет родителей. Я ухожу от вас к мужчине, которого люблю.

— К кому? — опешил я. — К Васе?

Она зло расхохоталась. Мне не доводилось слышать, чтобы моя дочь так смеялась.

— Она уходит ко мне, — раздался у меня за спиной голос, который я узнал мгновенно. Меня прошиб холодный пот. Я как и в первый раз ощутил дыхание тлена и что-то неимоверно давящее, тоскливое.

Я медленно повернул голову, все еще надеясь, что ненавистный голос мне померещился, но нет — это был он, Себ, во всем блеске своего губительного обаяния, сарказма, сокрушительного притяжения всех низменных соблазнов, он был стихией разрушения, апофеозом зла.

Я закричал и отшатнулся, ужас пронзил меня с головы до ног.

— Прочь, демон, — задохнулся я, отгораживаясь от него руками. Меня трясло, я еле выговаривал слова. — Я перекрыл тебе доступ в наш мир, как ты здесь оказался?

— Жалкий, презренный червь, — зашипел он мне в лицо, словно огромная черная змея. Глаза у него занялись огнем, и чем больше он свирепел, тем огонь этот светлел, пока не раскалился добела, как металл в тигле. — Ты стоишь того, чтобы превратить тебя в кучку пепла. Я ведь сказал тебе, что за обман придется платить. Для начала я заберу твою дочь, а

после придумаю для тебя самую мучительную казнь.

— Ты ждал девятнадцать лет? — беспомощно пролепетал я, плохо соображая, что говорю.

— Глупец, что значат для бессмертного девятнадцать лет? Бестолковый, дрянной человекишка. Ты равняешь меня с собой? Кого ты хотел перехитрить, ничтожный слизняк?

Он подошел к Лизе и властно обнял ее одной рукой, другую положил ей на грудь и сделал это на редкость непристойно, как обращаются с продажной девкой. Лицо у него при этом было циничное, губы искривила грязная улыбка.

— Справная деваха, молочная, откормленная, ты хорошо за ней смотрел, молодец! Есть чем позабавиться. Ты хочешь ублажить меня, Лиза?

Моя девочка, невинная, чистая душа обняла похабника и прижалась к его груди с выражением счастливого ожидания на лице. Он стал грубо ласкать ее, целовать и раздевать на моих глазах, его руки бесстыдно сновали по ее телу, она отвечала ему сладострастными телодвижениями, еще немного, и они совокупились бы у меня на глазах. Представьте чувства отца при подобном зрелище.

Я бросился к ним, пытался вырвать ее из объятий негодяя. Он оттолкнул меня одним неумовимым движением руки, достаточным, чтобы я врезался в стену и долго потом приходил в себя.

Тогда я подполз к ногам Лизы, умолял, плакал, просил не уходить с Себом, но она была отравлена, околдована, ничего не воспринимала, неистово льнула к развратнику и вместо ответа ударила меня ногой в лицо. Все, что было в прошлом, стало ей ненавистно, даже мать. Я позвал Галину, не объясняя, кто такой Себ, надеялся, что она повлияет на дочь. Лиза наговорила ей ужасных, грубых, оскорбительных вещей, я не хочу сейчас этого повторять. У бедняжки Гали и без того было больное сердце, а тут от потрясения у нее случился жесточайший приступ.

— Чего ты хочешь?! — в истерике закричал я Себу, поддерживая бесчувственную жену. — Решил известить мою семью?

— Ступай к пианино и открой врата, — приказал Себ. — Потом ты принесешь мне книгу, как обещал. Я знаю, ты спрятал ее в одном из храмов, которыми забит этот мерзкий городишко. Только после этого получишь обратно дочь и займешься здоровьем жены.

Я умолял его позволить вызвать к Гале врача, но он был непреклонен. Ноги у меня подкашивались, не помню, как я добрался до кабинета, в голове был полный сумбур. И все же магическая пьеса плотно сидела в памяти, мало того — ее помнили мои пальцы.

Я начал играть. Что-то было сводящее с ума в этой проклятой музыке, отчего я забыл жену, Лизу, нависшие надо мной несчастья, слился с роковыми звуками воедино и открыл портал. Комната поплыла, стены перекошились, прямые линии сломались, потекли, вновь повеяло затхлостью и холодом, до меня донеслись издалека какие-то хриплые голоса.

Себ с Лизой были рядом и наблюдали превращения.

Когда зыбкое кружение мало-мальски устоялось, Себ сказал:

— Иди за книгой, а я пока забираю твою дочь с собой. Так что не пытайся снова закрыть врата, иначе она уже никогда не сможет вернуться.

Я поспешил к Гале, но поздно — оставленная без всякой помощи, она умерла. Эта внезапная, совершенно непредвиденная смерть вслед за бегством дочери подорвала мои силы. Я упал на пол и пролежал в беспамятстве остаток ночи. Утром домработница нашла в доме два бездыханных тела и подняла тревогу...

— Книгу вы все-таки не отдали, — перебил Максим, чтобы сократить рассказ Веренского.

— Я провалялся в больнице целый месяц. Вернулся домой другим человеком. За книгой на сей раз я честно собирался сходить, но тут появился Сила Михалыч...

— Я убедил Леонида Ефимыча не отдавать книгу, — вмешался Михалыч. — Себ лжет и не вернет Лизу, она тот же ключ, что и книга. Он понимает, что мы, служители света, сделаем все, чтобы закрыть страшную дверь, и хочет на случай нашего успеха иметь орудие

возврата.

— А что случилось с пианино, почему оно утратило естественный звук?

— Проход слишком долго оставался открытым, деформация коснулась всего, что попадает в зону расширяющейся дыры. Закрыть ее с помощью второй пьесы уже не удастся, единственная возможность — восстановить гармонию в том звене, с которого она начала разрушаться. Понимаешь, это вроде как цепная реакция.

— Тогда почему Себ просто не уничтожил пианино? Ведь это и есть главное звено.

— Сложный вопрос. Он потребует длительных объяснений. Если вкратце, то пианино уничтожать сейчас нельзя, оно с момента открытия портала тесно связано с потусторонним миром, уничтожение пианино может привести к непредсказуемым последствиям и потрясениям как в том, так и в этом мире. Думаю, этого никто не может пока просчитать, поэтому тронуть инструмент Себ не решается.

А вот книгу надо бы уничтожить немедленно, но Леонид Ефимыч почему-то уперся и не хочет отдать ее даже мне.

— Нет-нет! — сорвался на крик Веренский. — Неужели непонятно? Себ узнает, что книга больше не существует, и заберет Лизу навсегда. Он все знает, все чувствует, с ним нельзя юлить, я получил слишком горький урок. Я никогда и никому не скажу, где я спрятал книгу!

— Вы допускаете страшную ошибку! — Михалыч рассердился. — Себ давно охотится за книгой, еще со времен старого графа и в конце концов до нее доберется каким-нибудь способом.

История повторилась. В первый раз, с целью завладеть книгой, он похитил Аделаиду, дочь графа, но тот, вместо того чтобы расстаться с рукописью, покончил с собой. Возможно, нервы старика не выдержали сцены совращения, какую видели вы, ведь нравы тогда были намного строже. Теперь мне стало ясно, почему до нас дошел его опасный труд, он просто не успел его уничтожить, и книга осталась лежать там, где он ее спрятал.

— И что? Где сейчас Аделаида? Исчезла без следа! Проклятый Себ не вернул родственникам даже ее кости. Я не хочу подобной участи для Лизы. Я спасу ее, спасу!

Глава 10

Михалыч проходил мимо ванной комнаты и услышал звук разбившейся склянки. Зашел в помещение. На керамических плитках пола блестели мелкие осколки. Михалыч встал посередине, покрутил головой, затем решительно двинулся к плетеной корзине для белья, запустил руку под крышку и вытащил за шкурку Зета.

— Ты что здесь делаешь, прохвост?

Чертенок болтался на весу, покаянно опустив рожки и свесив лапы.

— Ой-ой, господин, отпусти, — заверещал он. — Твоя рука жжется. Ты спалишь мне шкуру.

Михалыч посадил его на крышку корзины.

— Благодарю, господин, а то каждый норовит попортить мой костюмчик, — пожаловался франт, расправляя на шее пышное жабо.

— А ну отвечай, козявка, что ты здесь вынюхиваешь! Тебя шпионить послали?

— Ни-ни-ни, господин, я сам. Ты меня, пожалуйста, не выдавай. Если старшие узнают, что я хожу сюда самовольно, меня снова высекут. Раньше мы ходили в мир людей только с высшего соизволения и с большими трудностями, а сейчас, когда проход открыт, все стали бегать без спроса. Но все равно запрещено, особенно младшим, если попадусь, меня накажут.

Михалыч присел на край ванны:

— Ну и какого черта тебя носит сюда каждый день?

— Ай-яй-яй, тебе, светлейший, совсем не пристало чертыхаться. Разве ты плохо учился? Вот я хорошо усвоил, что нам можно, а что нельзя, потому что я лучший ученик!

Зет вдруг насторожился и шмыгнул обратно под крышку корзины. Вошел Максим,

осколки хрустнули у него под ногами.

— Доконал-таки флакончик? Ну и черт с ним! Этот аромат меня уже во сне преследует, никогда больше не куплю.

— Чертыхаться нельзя, — назидательно сказал Михалыч. — Чему тебя только учили?

— Да ничему, в общем-то. Так, музыке кое-как. Я тебе помешал?

— Хочу принять ванну, что-то спину ломит.

— Ухожу. Руки только сполосну. Осколки-то смести хоть в сторону, порежешься.

Как только Максим ушел, Зет выбрался из корзины.

— Это твой друг? — кивнул он на дверь. — Я слышал, что он гений. А еще я тайком подслушивал, как он играл. — Чертенюк сокрушенно вздохнул. — Жаль, долго не проживет.

— С чего ты так решил? — Михалыч нахмурился.

— Он добрый гений, а добрые гении наши злейшие враги. С ними необходимо бороться безжалостно, любыми средствами, — наизусть отчеканил Зет.

— Ах, вот оно что! Понятно, — снова улыбнулся Михалыч. — Давай-ка, отвечай урок до конца, посмотри, какой ты способный.

Чертенюк вытянулся и с готовностью затараторил:

— Добро, посеянное гением, живет в веках, и искоренить его практически невозможно. Один добрый гений стоит миллиона мерзавцев, потому что зло не живет долго, а сотворенное гением — вечно и сводит на нет все наши усилия. Поэтому гениев мы стараемся истреблять как можно раньше, чтобы свести их вклад к минимуму.

— Истреблять? Это как же? Убиваете, насылаете порчу?

— Зачем? Все делается с помощью самих же людей. Ты, светлейший, задаешь странные вопросы. Будто сам не знаешь. Наше дело нашептывать людям дурное, а остальное они сделают за нас.

— Да знаю я все, тебя хочу проэкзаменовать. Пожалуй, ты действительно прилежный ученик. Только почему же ты нюхаешь цветы, слушаешь музыку, жалеешь гения? Сдается мне, какой-то у тебя изъян, мелкий лихоимец.

Мордаха Зета плаксиво сморщилась:

— Сам не могу понять. Зараза какая-то. Я из высшей касты чертей, данные у меня отличные, вырасту, стану правой рукой Себа, он сам однажды обмолвился. Себ хвалит меня, говорит, что я сметлив не по годам.

— Вундеркинд чертов, — кивнул Михалыч.

— Не выдавай меня, господин, очень прошу. Я постараюсь исправиться.

— Так зачем ты залез к нам в ванную, проныра?

Зет неожиданно сконфузился совершенно искренне.

— Я... я хотел взять кусочек мыла, — промямлил он, пряча глаза. — Они играли, кидались навозом, а мне совсем не нравится. Я целый час в пруду полоскался, но запах никак не отбить. Даже чесаться начал.

Он украдкой поскреб сухонькой обезьяньей ручкой саднящее место на смоляном боку.

— Да-а, точно ты, пострел, дефективный. Первый раз вижу такого чистюлю в рядах нечисти. Не трясись, я никому не скажу. Бери мыло и проваливай.

Зет бочком приблизился к Михалычу, осторожно, боясь прикоснуться, взял из его руки кусок туалетного мыла, и чинно засеменил к двери, но прежде чем выйти обернулся:

— Можно еще спросить? — Получив поощрительный кивок, продолжал: — Зачем ты надел чужую шкуру?

— Мне так удобнее, — едва не расхохотался Михалыч. Зет несказанно его забавлял.

— Классно! Я бы тоже так хотел. Но такому нас не учат. Это умеют только высшие.

До свидания, господин, — вежливо попрощался чертенюк и, исчерпав весь запас известного ему политеса, с облегчением дал стрекача.

Михалыч еще некоторое время задумчиво смотрел на приоткрытую дверь, затем взял щетку и стал сметать в кучку осколки.

Ярослав с утра засел за свой ноутбук, но завидев Василия, предложил:

— Давай затаримся пивком и пойдем на речку, порыбачим до обеда. Я уже с ума схожу от безделья. Хотели задержаться здесь на два дня, а торчим вторую неделю. Кстати, ты не видел мою красную бейсболку? Мне ее пилот с Формулы 1 подарил — именная. Я уже всех спрашивал, искал, где только мог, пропала бесследно.

Вася бейсболку не видел, поэтому Ярик вынужден был прикрыть лысину от солнца другой кепкой. Друзья взяли удочки, прихватили несколько бутылок пива и пошли через лес к реке, где не так-то просто оказалось найти безлюдное место. Горожане и туристы расположились вдоль берегов для пикника, в воде было много купающихся, в основном, детворы.

Василий рассчитывал по пути добросовестно выполнить свои обязанности: надо было проследить, чтобы не разводили костры. Жара не спадала, днем доходило до тридцати пяти, поэтому опасность возгорания была велика.

Наконец нашли подходящее место и пристроились на берегу с удочками. Рыбалка, однако, не задалась, рыба, как видно, тоже разморилась и попряталась в глубоких плесах. Ярослав предложил раздавить по бутылочке пива — горлышки бутылок торчали из воды на мелководье.

Мужчины прилегли на траве в тени, смотрели вдаль, потягивая пиво. Пока лежали, небо на горизонте стало свинцовым, деревья качнулись под порывом ветра.

— Опять гроза собирается, — заметил Василий. — Хорошо бы! Ливень сейчас не помешает, а то парилка страшная.

Скоро солнце скрылось за большим облаком. За ним теснились более темные сердитые собраты.

— Надо идти, а то польет сейчас, — заключил Василий, не трогаясь пока с места.

— А ты говорил, орлы здесь не водятся, — лениво сказал Ярик: он взялся уже за третью бутылку.

— Не водятся, — подтвердил Вася. — Я что, своего леса не знаю?

— А вон кружит, это кто? Типичный орел.

Ярик указал пальцем вверх, Василий посмотрел в указанном направлении, ахнул и вскочил на ноги:

— Он! Точно он, черный коршун! Тот самый! Братан, очень тебя прошу, бросай все и помоги мне выследить разбойника. Посмотрим, куда полетит, хоть приблизительно.

— Так ведь хлынет сейчас, ты же сам сказал. Дождь еще полбеда, я грозы боюсь.

Пошли скорее домой. Коршун твой как раз в ту сторону полетел.

Черная птица описала круг в пасмурном небе и взяла курс на восток. Рыболовы поспешили в том же направлении, держась опустевшего берега.

В округе потемнело. Тучи полыхали изнутри, вдалеке была видна косая сеть дождя. Коршун еще хорошо был виден в небе, но скоро начал снижаться кругами и пропал из виду.

— Где-то в районе усадьбы сел, — вел наблюдение Василий. — Недаром я видел его в сарае. Ничего, выследим голубчика.

Лесная дорога вывела их к усадьбе. Неподалеку на просеке стоял автомобиль — серый фиат, внутри никого не было и поблизости ни души.

— Загулялись что ли? — сказал Василий. — В грозу бродить по лесу — неудачная затея.

Когда они ступили на территорию усадьбы, упали первые капли дождя.

— Мне все-таки не дает покоя конюшня, давай осмотрим ее еще раз.

— А если он кинется на нас?

— Пальну в воздух из ружья. Испугается. Коршун — не курица, кое-какие мозги имеются.

На всякий случай друзья вооружились крепкими палками, чтобы при необходимости отбить атаку недружелюбной птицы.

В конюшне было мрачно, из узких окон сочился слабый свет. В заброшенном

помещении еще сохранились перегородки между денниками. В проходе валялись деревянные ящики и пришедшая в негодность садовая утварь — старые грабли, лопаты, жестяные ведра, растрескавшийся резиновый шланг.

Снаружи гудел ветер, деревья шумели и гнулись со скрипом. По крыше барабанил дождь, с каждой минутой все яростнее.

Под крышей на стропилах птицы не обнаружилось, поэтому мужчины обследовали по очереди каждый закуток, впрочем, уже без всякой надежды на успех. Сумеречное освещение и завывание ветра настраивало на мистический лад. Обоим вспомнились ночные игрища в лесу, особенно — участники.

Мужчины дошли до конца длинного строения, когда заскрипели дверные петли. Храбрецы, под впечатлением воспоминаний, не сговариваясь, юркнули в ближайший денник и затаились.

Вошли двое. Ярослав и Василий сквозь щель между досками смогли разглядеть, что это, слава богу, обычные люди — прилично одетые парни в кожаных куртках, перчатках; куртки уже мокрые, блестящие от дождя. Один был постарше, другой — молодой, но какой-то облезлый.

— Собачья погода, — сказал старший, отряхивая брызги с рукавов. — Вчера специально смотрел прогноз, обещали небольшую облачность. Придется переждать ливень, потом двинем прямо в дом. Накрыть их в саду уже не удастся. Повезло... — он грязно выругался, — убрали бы тихо, по одному и без лишних проблем.

Ярик и Василий как раз собирались выйти из укрытия и составить компанию попавшим в грозу, но последние слова их насторожили. Они переглянулись, Ярик приложил палец к губам, но незнакомые мужчины больше не разговаривали, присели на перевернутые ящики и, видимо, собрались ждать, пока поутихнет ливень. Прошло полчаса.

— Будем сидеть здесь как крысы? — прошептал Ярослав и приподнялся. — Пойдем выясним, о чем они толковали.

— Смотри, — шипло отозвался Василий и дернул Ярика за рукав.

Парни, за которыми они наблюдали, достали пистолеты, привинтили к ним глушители и встали наготове у распахнутых конюшенных ворот, как бегуны на старте.

Их силуэты четко вырисовывались на фоне непроницаемой стены дождя.

— Дай сюда. — Ярик потянул ружье Василия к себе.

Тот заартачился, вцепился мертвой хваткой в служебное оружие:

— Крыша поехала? Они тебя прикончат в два счета.

— Лучше ждать, пока они рванут в дом? Отдай, говорю.

— Не дам! Лучше звони Максиму, Михалычу... Надо их предупредить, пусть милицию вызывают.

— Дурень! Какая милиция?...

Преподаваясь яростным шепотом, они тащили друг у друга ружье. Если бы не шум дождя, бандиты давно бы услышали негодующее шипение в дальнем углу, но так как стояли они у самой двери, то и слышать ничего не могли.

— Господа, господа, успокойтесь, прошу вас, — произнес вдруг за спиной у спорщиков ржавый голосок. — Как вы, однако, не вовремя здесь оказались.

Ярик и Вася стремительно обернулись и увидели перед собой престранное существо — нечто похожее на обезьянку в черной бархатной шкуре, с шерстистыми манжетами на всех конечностях и пышным жабо вокруг шеи, с хвостом и в красной бейсболке, в которой Ярик опознал свою недавнюю пропажу.

Будь на месте наших героев Михалыч, он сразу узнал бы чертенка Зета, но поскольку ухарски сдвинутая на затылок кепка скрывала основной опознавательный признак — рожки паршивца, то и определить принадлежность расфранченного существа к бесовской породе было крайне затруднительно.

— Это что еще за говорящий лемур? — уставился на него Ярик. — И почему, собственно, в моей бейсболке?

— Твоя? А я и не знал, — не сморгнув, соврал Зет. — Я думал, она ничья, лежала себе, я и взял. Красное с черным шикарно смотрится.

— Да кто ты такой? — продолжал возмущаться Ярик.

— Черт, к вашим услугам. — Зет снял шапочку и с достоинством поклонился.

— Чур меня! — отмахнулся Ярик. — Что тебе надо, мартышка?

— Обижаете, сударь, какая же я мартышка? Любой бес из низшего сословия был бы счастлив иметь мое звание. Я черт, быть чертом почетно, это вам не какая-нибудь нечисть на подхвате или болотная шантрапа — лешие, вурдалаки, кикиморы. Черт — лицо приближенное к демону, когда я подрасту, стану правой рукой Себа.

— Я уже спекся от зависти. Кепку-то отдай, кабальеро.

— Как бы ни так, — проворно отступил нахал. — Это мне плата за ваше спасение. Сейчас сами все поймете.

Стой, Чаритта! — вдруг закричал он кому-то. — Их трогать нельзя, так господин приказал.

У мужчин перед глазами со свистом промелькнуло что-то гибкое, тонкое, раздался хлопок бича прямо под ногами, следом выступил их тени изящный, набеленный Чаритта в красных сапожках.

— Предупреждать надо, — промурлыкал он сквозь зубы. — Я уже собирался выбить им мозги. Ты испортил мне удовольствие, шельмец... Ах нет, вижу еще двоих. Прекрасно, прекрасно! Держитесь вы трое подальше, сейчас начнется потеха!

Он выскочил на середину прохода, заложил два пальца в рот и залихватски свистнул.

Бандиты дернулись, обернулись, выставили дула пистолетов, тут створки ворот у них за спиной со стуком захлопнулись. Стало намного темнее, чем было.

— Что за хрень? — начал браниться старший и двинул плечом ворота. Те не поддались.

— Может, ветер? — предположил напарник.

Бандиты навалились вдвоем на ворота, но створки даже не шелохнулись.

Последовала гнусная брань.

— А кто тут свистел? — сообразил молодой. — Сдается мне, какая-то гнида развлекается.

— Я свистел, — появился перед ними Чаритта и встал стройно, подбоченясь.

Старший не раздумывая пальнул в охальника. На месте Чаритты взвилось дымное облачко, а укротитель возник с противоположной стороны.

Мужики выхватили еще по пистолету и принялись палить в четыре руки. В воздухе распускались пучки дыма, как от разрывов снарядов, а Чаритта неизменно возникал в другом месте.

Ярик и Вася лежали на полу, закрыв руками голову, так как вокруг свистели пули.

Бандиты сменили по обойме в пистолетах, но тут Чаритте наскучила первая часть программы. Представление должно было продолжаться. Конец бича взметнулся несколько раз, и все пистолеты один за другим оказались в руках у бывшего артиста.

Он отбросил оружие с гадливостью:

— Жалкие пукалки, а вы поганые трусы! Что может быть ничтожнее мужчины, стреляющего издалека? Древние презирали лучников за то, что те не сражались мечом. И уж наверняка вы не посмели бы выйти навстречу хищнику. Вы — никчемные, грязные трусы, а посему заслуживаете показательной порки.

Бандиты стояли и слушали в растерянности, без оружия они чувствовали себя беззащитными.

— Заткни хавло, маргаритка, — грубо отозвался один. — Вымой сперва свою размалеванную харю, а после пасть разевай.

— Извольте! — воскликнул Чаритта со сладчайшей улыбкой. — Молчу, молчу. Ни в коем случае не хочу мешать вам, господа. Занимайтесь, пожалуйста, своим делом.

Он стоял неподвижно, лишь постукивал ручкой кнута по ладони.

Бандиты, тем не менее, напасть на разоружившего их наглеца все же не решились,

вместо этого схватили старые лопаты и принялись громить ворота, надеясь разнести дерево в щепы. Им хотелось поскорее выбраться из гиблого места.

Они услышали за спиной шуршание, обернулись и оторопели: у лежащего на земле свернутого поливочного шланга конец поднялся, как голова у змеи, и начал раскачиваться из стороны в сторону. Самый кончик сплющился, слепился в треугольник, на нем засветились два рубиновых глаза, вот уже открылась широкая пасть с ядовитыми клыками и длинным раздвоенным языком.

— Мама, мамочка, — простонал младший и сполз спиной по стенке на пол. Второй вообще потерял дар речи и остался стоять на месте, сжимая в руках черенок лопаты.

Чаритта хлопнул по земле бичом.

Кольца шланга вздыбились, начали перекачиваться, тасоваться в зловещей пляске, понукаемые ударами бича Чаритты, затем молниеносный бросок — и жесткие петли захлестнули несчастных подельников. Они оказались зажатыми в плотных тисках резиновых витков, так что не могли двинуть ни рукой, ни ногой. Младший начал кричать от ужаса. Старший рычал и ругался.

— Так как ты меня назвал? — все с той же сладкой улыбкой напомнил Чаритта. Бич вился вокруг его ног, как живой. — Оскорбление лишь усугубит наказание. Нельзя рычать, огрызаться, бить хвостом, надо учиться повиновению. И я вас сейчас научу стоять на задних лапах. Позабавимся, детки?

Ярослав и Василий заткнули уши и крепко зажмурились, чтобы не слышать отчаянных криков, и не видеть того, что происходит в другом конце конюшни.

Из темного дальнего угла, где они прятались, стали выходить один за другим гориллоподобные существа. Затаившиеся храбрецы уже имели возможность наблюдать их на ночном берегу. Передние остановились, увидев людей в деннике, злобно захрапели, носы у них хищно задергались. Остальные столпились сзади, напирая на передних.

Тотчас перед ними выкрутился из-под земли Зет.

— Чего уставились, тупицы? — твякнул он — Не эти, а те.

Монстры захрюкали и направили кривые стопы в указанном направлении.

— Ох, тупицы, ох, обормоты! — покачал им вслед головой Зет. — Скоты колченогие. Мозгов ни грамма в башке, одна слепая злоба и животная сила. Сваливаем отсюда, ребята. Не терплю крови и грязи. Это уже, пожалуйста, без меня.

Зет ударил ногой в стену, дерево там оказалось трухлявым, открылся проход; мужчины с облегчением выбрались из страшного сарая вслед за чертенком.

Снаружи еще дождило, но значительно слабее.

— Сейчас прекратится, — обнадежил Зет. — Так я пошел, и вам здесь задерживаться не советую.

— Бейсболку верни, ворюга! — крикнул ему вслед Ярослав.

— Ну и жмот же ты, дай хотя бы поносить, — донеслось из пелены дождя.

В тот же день в Москве, в районе Марьино, на восемнадцатом этаже высотки, в скромной двухкомнатной квартире Сева Печкин сидел за кухонным столом и складывал равными стопками денежные купюры. Выложив очередную стопку, Сева подносил ко лбу салфетку и отирал пот со лба и тощей шеи, после чего продолжал свое изнурительное занятие.

— Да-а, удружила ты мне, супружница дорогая. В копеечку влетела мне твоя интрижка. Вместо того чтобы с музыканта бабло рубить, приходится платить за упокой его души. Как подумаю, сколько уже отдал, и сколько еще отдам, честное слово — жить не хочется.

— Идея была твоя, — пожала плечами Зинаида. Она стояла у мойки и мыла посуду. — Раз торгуешь своей бабой, то и не вякай. Все, между прочим, было на мази. Еще немного, и я переселилась бы к Максиму насовсем, а тебя послала бы к едрене фене, козлина беспородный.

— А сама-то кто? — беззлобно осклабился Сева. — Шавка приبلудная. Кабы не я, гнила бы до сих пор в своем Мухосранске. Тоже мне, королева Шантеклера.

— Да пошел ты, устала я от тебя. Жаль, что с Максом сорвалось. Не тебе чета — культурный мальчик такой, чувствительный. И бабки, как ты, целыми днями не считает.

— Гы, а чего ему считать, коли само в руки прет. Тут корячишься день-деньской — и даже задницу прикрыть нечем, а этот сыграл на фортепьяне пару раз, и лишний миллион в кармане. Зажрался, сволочь! Поделом ему, а то получается — одним все, другим ничего. Нувориш проклятый! Я о такой тачке, как у него, даже мечтать не смею. Капитализм, блин! Я как-то поинтересовался, сколько стоят билеты на его концерт. Выпал в осадок в натуре. А мне последнее отдавать. Даже смерть его дорого стоит.

— Дурак ты! Он работает, а ты всю жизнь ловчил — легкие пути искал, сначала аферистничал, потом воровал, пока до мокрухи не докатился. А теперь все у тебя виноватые. Философ сраный! Не-е, с Максом мне лучше было. Если бы выгорело с ним, к тебе вообще бы не вернулась.

Сеу ее слова не задели, так как слышал он их не впервой и считал бабьими капризами, к тому же был занят важным делом. Он сложил наконец все стопки в одну общую, деньги поместил в конверт, конверт завернул в целлофановый пакет и посмотрел на часы.

— Не звонит никто, а вроде пора бы уже.

В гостиной раздался шум, что-то с грохотом упало на пол.

Супруги дружно снялись с места и поспешили в гостиную, которую отделял от кухни маленький коридорчик. Вошли и ахнули.

Посреди комнаты на столе сидела громадная птица, совершенно черная, как ворон, глаза у нее были яркие, тигриные — казалось, светятся два желтых пронзительных огонька. Эти круглые глаза, как у всех птиц, ничего не выражали, но облик пернатого гостя был весьма горделив.

Птица топталась на скатерти, переставляя сильные лапы, увенчанные острыми когтями. На полу лежал разбитый цветочный горшок.

— Мать честная! — пробормотал Сева. — Это откуда ж такой красавец? Похож на орла. Нет, скорее коршун. Во всяком случае, той породы. Зин, надо его как-то изловить. За него кучу денег отвалят. Надо жратвой отвлечь — и накрыть покрывалом. Они что едят, не знаешь?

— Рыбу вроде, цыплят, коршун ведь. У меня есть куриные сосиски!

— Сойдет, неси, быстро, и покрывало тащи из спальни, а я пока попробую закрыть балконную дверь, чтоб не улетел. Цыпа, цыпа, спокойно, хороший мальчик...

Сева сделал шаг к балкону, прижимаясь спиной к мебели, затем второй, третий. Коршун следил за ним желтым глазом. Севе осталось дотянуться и захлопнуть балконную дверь, но тут птица сорвалась с места и вылетела наружу.

Сева невольно шарахнулся в сторону, таким мощным был бросок небесного пришельца. Сева вышел на балкон и с ужасом увидел, что птица уже вылетает из кухонного окна, и в когтях у нее заветный пакет с деньгами.

— Стой! — завопил Сева. — Стой, стервятник! Отдай деньги, мразь!

В голове промелькнуло, что надо бежать за пистолетом, но тогда коршун мог скрыться бесследно вместе с деньгами, а так, по крайней мере, оставалась надежда проследить его маршрут.

Пока Сева в отчаянии лихорадочно соображал, что можно предпринять, коршун бросил пакет на соседний балкон и стал набирать высоту, а там пропал над крышей.

Сева ринулся к соседям, вдавил палец в кнопку дверного звонка.

— Они вчера уехали, — сообщила Зинаида. — В Турцию на пятнадцать дней.

Сева осмотрел замки. Конечно, если повозиться, то замки можно открыть, но момент был неподходящий — площадка длинная, квартир много, и время такое, что соседи возвращались с работы. А ждать до ночи нельзя, Севе могли позвонить с минуты на минуту и потребовать деньги.

Он снова вышел на балкон, осмотрел карниз, прикинул расстояние. Карниз был достаточно широк.

- Давай веревку, привяжусь и полезу, — пришла Севе в голову логичная мысль.
- Откуда? Нет у меня веревки. Жди тогда, схожу в хозяйственный магазин.
- Некогда ждать, дура стоеросовая! Отойди! Никакой пользы от тебя.

Зина со страхом наблюдала, как муж перелез через перила, потом, прижавшись спиной к стене, стал боком передвигаться по карнизу мелкими шажками, при этом старался не смотреть вниз.

И тут налетел этот проклятый коршун. Сева стал махать руками, пытался защищаться, коршун нападал с клекотом, который звучал странно, как птичий смех. Страшные когти и клюв терзали беспомощную жертву. Лицо Севы было в крови, он держался из последних сил, пытался защитить голову, глаза, наконец не выдержал, сорвался с карниза и с диким воплем полетел вниз. Коршун покружил над падающим, словно хотел проследить, как мозги несчастного брызнут на асфальт, затем снова плавно взмыл к балкону, на котором стояла потрясенная Зинаида.

Женщина попятилась вглубь комнаты, а подлая птица, усевшись на перила, нагадила на пол балкона, нагло подмигнула Зинаиде огненным глазом и лишь после этого исчезла окончательно.

Глава 11

Максим последние два дня плохо выглядел. Он осунулся, под глазами залегли тени. Работа с пианино давалась ему тяжело, ценой страшного нервного напряжения. Голоса из преисподней действовали как психическая атака. Чтобы ее выдержать, надо было обладать железными нервами и олимпийской выносливостью. Каждое утро начиналось с неизбывного кошмара — не было ему конца: композиция должна была охватить весь звукоряд, тогда как заставить каждую струну звучать в лад с другими порой казалось непосильной задачей. Случалось, Максимом овладевала паника, он терял веру в себя, ощущал бессилие и начинал сомневаться в своем таланте.

На стене висел портрет Чайковского. Максим попросил Веренского убрать портрет великого композитора с глаз долой: в минуты депрессии он лишь служил музыканту напоминанием о собственном ничтожестве.

Приступы самобичевания и рефлексии накатывали по-разному: он обвинял себя в том, что оказался несостоятельным, едва пришлось столкнуться с настоящими трудностями. Все, что он делал до сих пор, теперь казалось ему слишком простым. Не велика заслуга играть готовые произведения на идеально настроенных инструментах, или сочинять, когда клавиатура поет под твоими пальцами. Ты попробуй создать красоту из пепла, величие из отчаяния, надежду из последней стадии безумия.

Кабинет, в котором он трудился, с каждым днем приобретал все более зловещие признаки связи с потусторонним миром. Теперь уже нельзя было не только впускать дневной свет, но и включать электричество. Приходилось зажигать свечи, это хоть как-то спасало ситуацию. Плесень захлестнула стены и все предметы, бахромой свисала с потолка. В помещении постоянно было сыро, промозгло, пахло заброшенным погребом. Та же картина наблюдалась в двух примыкающих к кабинету комнатах и в коридоре. Линии всех предметов стали нечеткими, временами текли, ломались, тускнели и снова проявлялись, как зыбкий мираж.

Михалыч все еще воздерживался от присутствия в «эксекutorской комнате», зато Ярик потребовал, чтобы ему разрешили входить к Максиму с проверками. Несмотря ни на что, периоды упадка духа сменялись творческим озарением, и тогда молодой композитор забывал обо всем на свете, не чувствовал холода, усталости, не замечал течения времени, рези в глазах, боли в позвоночнике. Случалось, он доводил до полного истощения все свои волевые и физические возможности; Ярику приходилось утаскивать его силой, либо друг сам падал замертво ему на руки, когда становилось совсем невмоготу.

После таких сеансов Максима приходилось отогревать, растирать, отпаивать горячим

чаем, приводить в чувство всеми доступными средствами. Измученный сочинитель засыпал на несколько часов, во сне бредил, Михалыч слушал и мрачнел все больше:

— Поражаюсь, как он держится до сих пор. Любой на его месте давно бы сломался. Я не ошибся с выбором, хоть это радует, но сможет ли он выдержать до конца?

— Михалыч, ты мне зубы не заговаривай, — показал кулак Ярик. — Парень совсем извелся. Я его таким тебе отдал?

— Нет, не таким. Сейчас он другой человек. Он стал мудрым и по-настоящему великим. Таким уже останется навсегда.

— Ох, ох! Сколько пафоса! Да он не сегодня-завтра концы отдаст.

— Это ничего не меняет. Но можешь не беспокоиться, умереть я ему не дам, иначе грош мне цена. Если уж он делает невозможное, то мне сам Бог велел! Да и не в моих правилах отступать! — Глаза у Михалыча вдруг грозно засверкали ослепительной голубизной, Ярик даже рот раскрыл от изумления.

— Ну ты даешь, старик, — сглотнул он. — Все не могу понять, кто ты такой. Чудной какой-то...

Ярослав рассказал Михалычу о происшествии в конюшне. Тот захотел осмотреть место. Как раз подошел Василий, и мужчины втроем направились к строению.

— Если там мертвяки лежат, то у нас будут проблемы с милицией, — тревожился Ярик. — Те серые громилы совершенно безбашенные, наверняка порвали бедняг на куски.

— Бедняги, как ты их называешь, намеревались нас всех перестрелять без малейших колебаний на этот счет. Неужели ты думаешь, что у них в мозгу происходили какие-то мыслительные процессы? Для них убийство — работа, дело техники, и обдумывают они дело только со стороны его исполнения.

— Я понимаю, что они выродки, но смерть их уж больно страшна.

— Смерть для любого человека страшна, особенно насильственная. Они такие же нелюди, как и серые, что их порвали. Не вижу разницы. Для меня они — из другого лагеря и достались тем, кого выбирали. Все по правилам.

В конюшне мертвых тел не обнаружилось. Незаметно было и следов борьбы. Резиновый шланг лежал свернутый на прежнем месте, даже пыль на нем была нетронута. На воротах не оказалось ни замков, ни щеколды или засова, причем скобы были выломаны давно, изъеденное временем дерево в местах слома искрошилось и почернело.

На балках под кровлей Василий засек какое-то движение. Он все еще надеялся отыскать таинственного коршуна, поэтому смотрел вверх, и на сей раз ему повезло. Черная птица прохаживалась по балке, посверкивая глазами, улетать пока не собиралась; поглядев сверху на вошедших, принялась чистить клювом перья с полным пренебрежением к присутствующим.

— Вот он, родной! — обрадовался Василий. — Я как чувствовал, что найду его здесь. Вы только посмотрите, какой великолепный экземпляр!

— Стоп! — перебил Михалыч. — Восторги отменяются. Птичка эта из свиты Себа, не вздумай к ней приближаться. Нет, до чего дошло, а? Среди бела дня шатаются здесь все, кому не лень. Один летает, где вздумается, другой свой кнут поганый распустил, черти шуруют в санузле...

— И воруют ценные головные уборы, — вставил Ярик.

— Говорю же, полный беспредел. А ну, пошел отсюда вон! — крикнул Михалыч птице. — И чтоб я больше тебя не видел! Попадешься на глаза, пеняй на себя!

Коршун забеспокоился, растопырил крылья, вытянул шею и зашипел на врага как склочный деревенский гусь.

Василий чуть ружье не выронил:

— Ну и местечко! Михалыч, лучше отойди, еще кинется.

— Не кинется. Потом перьев не соберет, он это знает.

Коршун сорвался с балки, пронесся над людьми с пронзительным криком и вылетел из

сарая.

Ужинали в садовой беседке. Ярослав настоял. Он сказал, что расточительно и глупо не пользоваться чудесными летними вечерами, торчать в доме, где все исподволь захватывает гниль. Его жизнерадостная натура требовала кипучей деятельности, поэтому он подбил Василия съездить на уазике на местный рынок. Вернулись с мясом для шашлыка, овощами, фруктами и, само собой, выпивкой, раз уж решили кутнуть от души.

— Долой хандру, вытравим водочкой меланхолию, мужики мы или нет? А, Михалыч? Ты что, водки совсем не пьешь? — Ярик снимал ножом сочные румяные куски мяса с шампура и выкладывал горкой на большое фарфоровое блюдо. Рядом лоснились горячим масляным блеском печеные помидоры, перцы и баклажаны, аккуратно очищенные от обгоревшей корочки Василием. — Я тебя спрашиваю, Михалыч! Ты как не родной, честное слово. Не хочешь водки, есть красное вино.

— Михалычу медовуха нравится, — подсказал Максим. Несмотря на жару, он зябко кутался в плед и участия в подготовке к пирушке не принимал.

— Вы меня недооцениваете! — Ярослав торжествующе предъявил друзьям пузатую бутылку медовухи. — Я человек предусмотрительный. Так что, друг Михалыч, сегодня тебе не отвертеться.

— Ох, введешь ты меня в искушение, — улыбнулся тот и махнул рукой. — Ладно, наливай, авось не помру.

Леонид Ефимыч также от водки отказался, но согласился выпить немного вина. Максим сидел нахохлившись, ему никто не наливал — все знали, что строгий покровитель не позволяет ему пить спиртного, но сегодня Михалыч расщедрился, а может быть, хотел как-то взбодрить друга, сам настоял, чтобы Максим выпил с ним медовухи.

Постепенно застолье набирало силу, настроение у всех поднялось. Солнце село, надвигались сумерки, но Василий заблаговременно вкрутил лампочки взамен разбитых, беседку привел в порядок, выбросил отбитые куски камня, вымел щебень, сломанные ветки, и даже хорошенько промыл всю беседку водой из шланга, после чего в нее перенесли из дома садовые столы и стулья.

Ярик был тамадой и предлагал один тост за другим. Не прошло и получаса, как он полез обниматься к Василию и Михалычу.

Трезвее всех оказался Максим, но скоро и он начал улыбаться и сбросил покрывало с плеч.

Вдруг кто-то дернул его под столом за штанину. Собак и кошек Веренский не держал, да и пришлых не водилось в зачумленном поместье. Видимо, животных отпугивал за версту захвативший усадьбу бесовский дух.

Максим заглянул под стол и обнаружил чертенка Зета. Не слишком удивился, так как друзья рассказывали ему о сцене в сарае и красочно описали своего спасителя.

— Тебе чего? — тихо спросил Максим.

— Пахнет вкусно. Дай кусочек мяса, — жалостливо попросил плутишка.

Максим протянул руку к блюду, но тут Михалыч сказал:

— Чую нечисть под столом! Ну-ка вылезай, попрошайка. Я же говорю, совершенно распустились вражьи дети.

Зет исполнил приказание и встал поодаль с видом раскаявшегося грешника. Красная бейсболка все еще красовалась на его голове.

— Перво-наперво верни шапку хозяину, — не смягчился Михалыч. — Может, еще чего стащил? Выкладывай, не то сам дознаюсь, надаю по рогам.

Зет стянул с головы кепку и, глядя в сторону, протянул Ярославу.

— Да ладно тебе, Михалыч, не шпыняй мальчика. — Ярик находился в отличнейшем расположении духа. — Я ж пошутил. Пусть забирает. Дарю! Подумаешь, кепка. Чертеныш нам с Васей, можно сказать, жизнь спас.

— Я прямо прослезился, — сказал Михалыч, обгрызая косточку. — Черт, он и есть

черт, пакостник и бестия, для добрых дел не приспособлен по природе своей. Из сарая вас вывел, потому что хозяин велел. Впрочем, раз тебе хочется, дари свою кепку.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил Зет и водрузил бейсболку обратно на макушку. Подвижная физиономия его сейчас выражала полнейшее смирение. — А можно в придачу кусочек мяса?

— Не давай! Будет просить еще, — предупредил Михалыч.

— Да пусть садится с нами, мяса много, мне не жалко, — проникся великодушием Ярик.

— Простите, не могу, — неожиданно отказался чертенок.

— Гляди-ка! — удивился Ярик. — Это еще почему?

— Мне нельзя сидеть за одним столом с ангелом.

— Та-ак, — протянул Ярик и поставил рюмку на стол. — И кто у нас ангел?

— Ты, конечно, — сказал Михалыч. — Кепку ведь ты ему подарил.

Ярослав растрогался, часто замигал и даже шмыгнул носом:

— В сущности, малыш очень мил, хоть и чертов ребенок. Малыши все такие трогательные. Макс, передай чистую тарелку, я ему всего наложу, пускай ест. И фруктов побольше.

— Благодарю, — произнес Зет и пристойно, мелкими шажками удалился с полной тарелкой.

Однако вскоре обнаружилось, что пропал пакет с апельсиновым соком и бутылкой красного вина. Ярик оставил целлофановые пакеты с напитками в углу беседки, на полу, для экономии места на столе.

— Ну что, щедрая душа? — поддел Михалыч.

— Да шут с ним, с вином, — махнул рукой Ярик, — плохо, что шпингалет напьется. Эх, беспризорником растет!

Максим не слышал общей беседы. Как случилось с ним не раз в последнее время, он неожиданно впал в тоску, непонятное беспокойство овладело им. Он засмотрелся туда, где сгущались кроны деревьев, теснились стволы, где скапливалась ночная мгла и расплзалась мягким покрывалом. Лес неудержимо манил в свою черноту, звала река, он видел, как льется лунный свет, ложится золотым ковром на черный глянecь реки, там плавал кто-то, купался в струящемся золоте, нырял и вновь всплывал. Максим видел — это была девушка; во тьме, как и в прошлый раз, не мог разглядеть лица, но догадывался, кто это. Мысль о ней мутила рассудок и воспаляла кровь, навязчиво звала на поиски, как иссушающее волю наваждение.

Он медленно поднялся со стула, не отрывая взгляда от манящего видения, и повлекся в сторону леса. Он точно знал, куда идти, как будто жил в этих местах с детства.

Сидевшие за столом умолкли, перестали жевать и некоторое время сосредоточенно следили за передвижением Максима. А он все убыстрял шаг, что-то гнало его вперед — дальше и дальше.

— Держи его! — крикнул Ярик, и тотчас мужчины сорвались с места, остался сидеть лишь Веренский.

Максима поймали, остановили, но он упорно рвался вперед, друзей определенно не видел, перед глазами у него стояла одна и та же картина.

— Допрыгались! — констатировал Ярик. — У парня начались галлюцинации.

— Это лунатизм, — поставил диагноз Василий.

— Он переутомился, но скоро все кончится. Осталось совсем немного, — обнадежил Михалыч. — Пошли в дом, в какой-то степени Вася прав: луна всходит, сегодня полнолуние, желанная пора для сил зла.

Глава 12

Спать легли раньше обычного: много съели и выпили порядочно, всех клонило в сон.

Максим уснул сразу, как только коснулся головой подушки. На соседней кровати свернулся калачиком Василий. Он не поехал к себе домой, захмелел и решил остаться. С другой стороны раскинулся на своей постели Ярослав.

Большая спальня теперь напоминала военную казарму, кровати стояли в ряд. Сюда же перебрались Веренский и Михалыч.

Лиза больше не приходила по вечерам. Отчего прекратились ее визиты, можно было только гадать. То, что дочь прекратила избивать Леонида Ефимыча, его самого отнюдь не радовало. Каждодневные побои превратились для него в жертвенную потребность, в искупление грехов, он испытывал радостное иступление фанатика, когда любимое чадо нещадно его истязало.

В спальне было тихо, если не считать похрапывания Ярика. Даже чуткий Михалыч забылся крепким сном — сказалось действие медовухи.

Среди ночи Ярослава разбудил все тот же Зет. Чертенок вынужден был растолкать великана, который никак не хотел просыпаться.

— Чтоб тебя!.. — спросонья пробормотал Ярик и перевернулся на другой бок.

— Проснись, большой человек, твой друг ушел. Слышишь? Потом хватишься, да поздно будет.

Ярик перевернулся на спину, открыл глаза. Некоторое время осовело таращился в потолок. Перевел взгляд на Зета, у того в темноте видны были только белки глаз.

— А, это ты, воришка. Чего опять надо?

— Твой друг ушел, говорю. Не веришь, сам погляди.

И верно, кровать Максима пустовала.

— Твою ж мать!.. — Ярик спустил ноги с постели. Тряхнул несколько раз головой, изгоняя сон. — Давай срочно Михалыча буди.

— Не-е, сам буди, я не могу, он жжется.

— Ох, и трепло же ты. А знаешь, куда Макс пошел?

— Недалеко, к пруду, я шел за ним, чтоб отгонять лихих бродяг, сейчас под луной много всяких шатается. Но музыканта никто не тронул. У пруда он встретился кое с кем, а я за тобой. Там от меня уже проку нет.

Ярик, охая и кряхтя, натянул одежду, встал посреди спальни, пригляделся к спящим.

— Во уделались! Дрыхнут, что твои суслики. — Он махнул рукой: — Да пусть спят, не хочу будить. Сами справимся. Пошли, следопыт, только чур — без обмана. — Он остановился: вспомнил о краже. — А может, ты меня в ловушку заманить хочешь? Бутылка вчера кто спер? Верно Михалыч говорит — жулик ты и враль.

Чертенок удрученно вздохнул:

— Недавно он сам сказал, что я дефективный. Наверное, так и есть. Мне музыканта жалко. Он так хорошо играет!

— Ладно, веди, но учти — вздумаешь мухлевать, клянусь, тебе не поздоровится.

Максим уснул ненадолго, так ему показалось. Он мучился во сне. Издалека доносился настойчивый зов, противиться ему было невозможно. Во сне Максим шел к реке, но все время сбивался с пути, плутал кругами, каждый раз как будто находил верную тропу, но выбраться из чащи не мог. Зато ему удалось, хоть и с огромным трудом, вынырнуть из тягучего, вязкого сна. Он осторожно приподнялся на локтях и осмотрелся. Все крепко спали. Максим натянул на себя футболку, треники, и пошел босиком, чтобы ступать бесшумно. Почти бегом спустился по лестнице. Открыл парадную дверь, мгла расступилась и впустила его в себя. Свобода! Теперь его никто не остановит!

Ноги сами несли его в нужном направлении, но, как ни странно, не в сторону леса, а в обход здания, по темным аллеям, в восточную часть парка, туда, где чуть слышно журчал родник. Несколько раз путь ему преграждали серые тени; Максим узнавал эти мертвящие глаза, синюшные оттенки лиц, мускулистых плеч и рук — они возникали из мрака на миг — и пропадали — никто не остановил его. Максим сегодня почему-то не испытывал страха, он

подчинялся неведомой силе бездумно и почти без чувств. В тяжелой синеве ночи все казалось чудным и диким, недобрые духи кружили среди ветвей. Летучие мыши чиркали совсем близко, едва не касаясь лица жесткими крыльями.

Не только луна вошла в силу, но и звезды были полными, голубыми, лучились драгоценным блеском по всему небу.

У пруда на скамейке сидел кто-то — в свободном одеянии, с длинными волосами. Максим пока не мог понять — мужчина или женщина. На спинке скамьи примостилась большая птица. Она глянула на приближающегося Максима золотым глазом. Максим не сбавил шагу, но вдруг дорогу ему заступил манерный Чаритта — на лице улыбка, словно увидел старого друга. Его шейный платок заново промок насквозь, несколько капель крови испачкали шелковую рубашку.

Теперь-то Максим хорошо разглядел в сиреновом свете луны, что на скамейке сидит старый знакомец Себ. Демон повернул голову, окинул молодого человека равнодушным взглядом:

— Оставь музыканта, Чаритта, его время еще не пришло. Носит парня нелегкая. Что не спишься тебе, пианист? Хотя, можешь не объяснять. Ты бегаешь за Лизой, а она бежит за мной. Прячется где-то поблизости, даром ты примчался сюда как зверь на запах дичи. Не жди, не позову, пусть не показывается на глаза. Мне опротивели ваши плотские страсти. Слишком легко вами управлять, вы удручающе предсказуемы. В чередовании бесчисленных дней даже зло теряет привлекательность, когда нет в нем азарта. Ведь не станешь же ты отрицать, что тебя привел сюда зов плоти? Забыто творчество, полет фантазии, горенье чувств, и музыка сама забыта.

Максим подошел и сел на край скамьи, что вызвало очередную ироническую реплику Себа:

— Осмелел ты не в меру. Разве я предлагал тебе сесть?

— Не считаю нужным стоять в твоём присутствии. К тому же я понял кое-что: если бы ты хотел расправиться со мной, то сделал бы это раньше.

— Верно, в сообразительности тебе не откажешь. Я все равно убью тебя, но не сейчас. Ты все-таки добился своего: твоя жизнь представляет для меня ценность, но до определенного момента. Можешь покуда чирикать, бегать за девками, а в перерывах писать свою бесполезную музыку.

— Музыка всегда со мной, даже когда я бегу за девками. Тебе это не так уж трудно представить. Ведь и зло твоё всегда с тобой. Ты ссорся с ним намертво, как я с музыкой.

Себ слегка повернулся и бросил на Максима острый взгляд.

— Почему людям кажется, что они все знают? Вы чересчур самоуверенны. Я бы с удовольствием усеял огромное поле виселицами и вздернул всех ваших философов. Ибо, не познав до конца тайн Вселенной, они берутся судить о вещах, которые выше их жалкого разума. Но нам это выгодно. Самонадеянные людишки совали во все свой глупый нос и нанесли немало вреда — сначала земле, а потом начнут гадить в космосе, и вряд ли их остановит даже сам Господь Бог. Если только не придет к печальному для себя выводу, что надо покончить с людьми разом, пока не распространилась зараза.

— Мечта демона, — уточнил Максим. — Вы трудитесь для этого, не покладая рук.

— Откуда тебе знать, о чем я мечтаю? — Себ устремил взгляд на небосвод, одетый мириадами звезд, и как будто забыл на время о присутствии Максима. — Смотри, комета, — вдруг сказал он, указывая вверх когтистым пальцем, — когда-то, оседлав шальное небесное тело, мы забавлялись тем, что плавали среди светил и неизведанных планет. Никто не управлял нашей ладьей, звездные ветры наполнили ее паруса. Нам дано особое зрение, тот заблуждается, кто представляет космос равнодушным и холодным. Он дышит и искрится, планеты нежатся в изумрудном сиянии; туманности переливаются невообразимым спектром красок; рождаются, живут и умирают звезды, и если бы ты слышал, как они поют, разочаровался бы в земном оркестре.

— Красиво рассказываешь. А кто — «мы»?

Себ снова повернулся к Максиму и вперил в него свой нечеловеческий взгляд, какой невозможно выдержать простому смертному.

— Что-то разговорился ты не в меру, — сказал он и отвернулся.

На миг Максима, как и в прошлый раз, до пят пронзила ледяная игла страха, он решил благоразумно замолчать, но вместо этого заговорил горячо, сбивчиво и против собственной воли, как все, что делал в эту ночь:

— Сидишь тут, смотришь на звезды... Что твое зло? Где в нем отрада? Ты расточительно, бездумно тратишь день за днем, года, века, но утолить свою вражду не можешь. А мне и сотни жизней не хватило бы, чтобы творить и постигать, ценить любовь и радость дружбы. Сколько еще надо увидеть, познать, насладиться полнотой жизни! Время для людей неумолимо, тебе же дан огромный дар жить вечно.

— Глупости! Нет ничего вечного, есть разные сроки существования. Наш срок огромен, мы в вашем понимании бессмертны, но всему, абсолютно *всему* приходит конец.

— Зачем же ты упорствуешь в ненависти, упиваешься кознями и жестокостью, если и твое время не бесконечно?

— Вот-вот, о чем и говорю. Все вы — философы-невежды. Ты с кем разговариваешь, человек? Хочешь убедить льва, что рвать зубами жертву — безнравственно? Беда ваша в том, что вы судите по себе. Пойми, наконец, я — другой! Такими мы созданы, низринутые в ад, и они — небожители, блюстители закона. Для нас не существует середины! — Лицо демона вновь озарилось светом лучших воспоминаний, он заговорил вдохновенно, воспламеняясь с каждым словом: — Мы были одного племени, одной природы, с беспредельными возможностями, с могучей силой духа, к познанию жадные, вершители, творцы, поэты, и воины, не знающие удержу в бою. Друг другу преданные братья сражались мы плечом к плечу. Но и гордыня, жажда власти, тщеславие границ не знали, лишь только их призвали к жизни и безрассудно дали волю. Они рванули, словно бешеные кони, а седоки увязли в стременах, неслись все дальше, без оглядки, как выяснилось, головою вниз. Безмерной оказалась бездна, настолько глубока, что ввысь дороги нет. Смотрю на звезды как из недр колодца, — Себ встал, воздел руки, как актер на сцене, и прокричал свой вызов небесам, — и если мне туда заказан путь, то пусть все сгинет, мир исчезнет, проклятое бессмертие умрет!

Он тяжело задышал, уронил голову на грудь, кулаки сжал так, что вонзился когтями в ладони, из сжатого кулака потекла кровь. Максим смотрел с удивлением: нет, как видно, демон не играл, и в глазах его стояли самые настоящие слезы. Кровь тоже выглядела настоящей, что особенно поразило Максима: ему казалось, что в жилах демона должна течь какая-то иная жидкость.

— Прочь! — вдруг рявкнул Себ. — Пошла вон, я тебя не звал.

Лиза упала к его ногам и стала жадно целовать окровавленные руки, ластиться как кошка. Он отпихнул ее несколько раз, но это не подействовало.

— Вот пиявка! — с досадой сказал Себ. — Иной раз жалеешь, что в серьезных делах обращаешься к женским слабостям.

Тотчас возник рядом услужливый Чаритта, ткнул ручкой хлыста девушку так, что она упала навзничь. Укротитель поставил ей на грудь ногу в щегольском сапожке.

— Только прикажите, и я спущу с нее шкуру, — предложил он с надеждой.

— Ты же перестарался, как всегда, маньяк. Пойди лучше, скажи этому ленивому сброду, что топчет без толку газоны, пусть волокут сюда рояль. Пришла мне охота послушать музыканта, ночь к тому располагает, и душу он мне разбередил своей трепотней.

— Рояль трогать нельзя! — испугался Максим.

— Хорошо, пусть берут другой, что поменьше. Все! — мгновенно вспыхнул Себ. — Не перечь мне! Будешь играть, не то отдам Лизу Чаритте, ее мучения лягут на твою совесть. До чего ты строптив! Но я умею быть терпеливым, тебе недолго петь соловьем. Я за тобой слежу и, по моим подсчетам, работа твоя подходит к концу. А с ней и жизнь! — Он глумливо подмигнул Максиму. — Признаться, я даже рад, что ты оказался таким упрямым. В награду

я готов отдать тебе Лизу на сегодняшнюю ночь. Без малейшего подвоха. Считай, что это мой подарок умирающему.

— Не смешно. Умирать не собираюсь. Лизу по принуждению не возьму. Иди ты к черту, Себ! Кончай угрожать и запугивать. Придет время, тогда увидим, чья возьмет.

— О да! Увидим, увидим, не могу дождаться этого дня, — засверкал глазами Себ.

Пришли гурьбой серые, они несли белый рояль и стул к нему, поминутно огрызаясь друг на друга. Пока дошли, несколько раз начинали драться с неистовым рычанием, инструмент то бросали, то дергали из стороны в сторону. Чаритта огрел каждого бичом для порядка, чтобы несли ровнее и не разбили. Рояль поставили на берегу пруда под плакучей ивой, белый силуэт его высветился на фоне чернильной воды.

— Сыграй что-нибудь свое, композитор. Поглядим, на что ты годишься, — развязно распорядился Себ и уселся на скамью с видом музыкального критика. Чаритта встал позади, опершись локтями на спинку. Лиза сидела на земле, обнимая ноги Себа. Как видно, отделаться от нее у демона не было никакой возможности.

Максим, ковыляя, дотащился до инструмента. Силы оставили его, нездоровая активность сменилась полным упадком, каждый шаг давался с трудом, руки снова налились тяжестью, в ушах шумело. Как видно, общение с демоном для любого человека было непосильной нагрузкой, а Максим и без того находился на грани нервного и физического истощения.

Он почти упал на стул и поднял крышку рояля, ставшую чугунной плитой. От напряжения сердце зашлось. Такого концерта ему давать не приходилось: ночью, практически на природе в окружении опасного леса, вместо осветительных фонарей сцены — луна в вышине, в зрителях — демон, бесы, полночная нежить.

Он запрокинул голову — небо смотрело ему в глаза. Бесконечное мерцающее пространство завораживало, властно манило; соперничая с притяжением земли, освобождало от оков, рассеивало суетное, болезненное, давящее. Звездное небо всегда действовало на Максима успокоительно, стоит мысленно унести в зовущие глубины космоса — и ты уже в свободном полете, уже властитель и творец.

Без всякой подготовки или усилия над собой Максим начал играть. Знакомый божественный столб вдохновения, о котором говорил Михалыч, снизошел ему в душу. Торжественное, необъятное завладело пианистом полностью, приняло в себя как крохотную частицу, закрутило в потоке космического вихря и выбросило в бесконечное пространство.

Максим знал, что и как играть, звуки рождались сами по себе, руки стали легкими, пальцы — быстрыми. Он явственно видел то, о чем минуту назад рассказывал Себ.

Медленно вращаясь, проплывали бесформенные глыбы астероидов. Малые и большие планеты надвигались и расступались, пропускали очарованного странника-музыканта дальше, и каждая лучилась драгоценным светом, будто кто-то разбросал щедрыми пригоршнями самоцветы. Он видел красных гигантов, испускающих звездный ветер, двойные звезды и кружевные созвездия, вспышку сверхновой вдали, белого карлика, притаившегося за синей планетой. Окольцованные сферы кружились в балетных пачках из ослепительных льдинок. Неземные пейзажи, сотканые из фееричной палитры туманностей, сменяли друг друга, и не было им конца.

Максим слышал, как поют звезды и планеты, улавливал звуки, плывущие из недр космоса, и то, что он слышал, всего лишь воспроизводил своей игрой; сочинять, импровизировать не было нужды. Он сам теперь был инструментом, проводником глубокого звучания небесных светил, считывал ноты с галактической партитуры.

Его еще не было на земле, когда крышка рояля вдруг грохнулась ему на руки, он подпрыгнул от боли и неожиданности, вскочил на ноги и встретился взглядом с бешеными глазами Себа. Тот стоял перед ним совсем рядом, почти вплотную; Максим не заметил, когда он подошел. Лицо демона было перекошено страданием и яростью. Максим со всей очевидностью понял, что сейчас умрет — то был взгляд убийцы, беспощадный, ужасающий своей дикой решимостью.

Максим попятился, но Себ вцепился в него железными пальцами и затащил в пруд. Парень пробовал сопротивляться, но демон выказал чудовищную силу, вид у него был совершенно безумный, через секунду Максим очутился под водой, бился, барахтался, но не мог вырваться из могучих лап. А Себ с лютым наслаждением топил свою жертву прямо у берега, вжимал в илистое дно. Сквозь слой воды хорошо было видно перекошенное ненавистью лицо убийцы, черты его расплывались из-за угасающего зрения жертвы и колебаний поверхности.

Максим чувствовал, что ему приходит конец, воздуха в легких не оставалось, еще немного, и он потерял бы сознание и жизнь вместе с ним.

В последний миг какая-то тяжелая масса метнулась с суши и обрушилась на демона, сбива его с ног. Себ, сраженный внезапным натиском, выпустил Максима и сам ушел с головой под воду. Музыкант вынырнул; трудно, с хрипом и свистом стал хватать ртом воздух. Рядом в воде ворочался Ярик, чуть дальше Себ, оба пытались встать на ноги, что было нелегко на склизком дне.

Наконец все трое участников разыгравшейся драмы ползком выбрались на берег.

К Себу приблизился Чаритта, похлопывая свернутым бичом по сапогу:

— Зря изволили беспокоиться, господин. Вам стоило только мигнуть, и я бы мастерски разделал пианиста на ремни. А с этим боровом что делать? Надеюсь, он вас не зашиб? За подобную дерзость можно придумать для него что-нибудь экстраординарное.

И тут не повезло Чаритте: господин его заметно поостыл, холодная ванна вернула ему трезвость мысли, хотя он все еще тяжело дышал, бросал на Максима яростные взгляды. Себ сидел на траве, упирався ладонями в землю, с волос и одежды капала вода.

— Пусть уходят, — процедил он сквозь зубы. — Вовремя появился твой дружок, пианист. Иначе я совершил бы то, о чем потом страшно бы пожалел. Ты действительно хорошо играешь, *слишком* хорошо... А теперь проваливайте! Оба!

— Слышь, командир, ты что курил? — поинтересовался Ярик. — Озверел вконец. Чуть не уробил парня.

Себ мрачно посмотрел на него из-под мокрых, свисающих на лоб волос и ничего не ответил.

Ярик подхватил Максима, поставил на ноги. Только теперь заметил Лизу, она жалась к скамейке, враждебно косилась на друзей.

— Детка, пошли с нами, а? — предложил Ярослав. — Плюнь на этих хамов, они тебя только мучают. Опять вся избитая. Ты что ли постарался? — обратился он к Чаритте. — Смотри, если что узнаю, ты — покойник.

Чаритта оскалил зубы в кривой улыбке и поправил на шее пропитанный кровью платок.

Лиза в ответ на великодушное предложение Ярика убежала в лес. За ней, тяжело взмахивая крыльями, полетел коршун.

— Что же ваш Михалыч не пришел на помощь? — уже в спину друзьям спросил Себ. — Чуть не прозевал подопечного, верный страж.

— Михалыч спит, — объяснил Ярик. — Вечером хватил лишку, спекся с непривычки. Вроде мировой мужик, а по части выпивки полный слабак.

— Потрясающе! — произнес демон, опустил голову и больше не проронил ни слова.

Глава 13

У Максима были разбиты руки, на костяшках кожа содрана, правая кисть посинела и вспухла, левая пострадала чуть меньше.

Михалыч ходил по комнате, потрясал кулаками и возмущался:

— Ты понимаешь, что чуть не загубил наше дело? И сам едва не погиб! На секунду нельзя оставить одного! Хорошо, что кости целы. Дай сюда руки... Ланселот выискался!

— Мне самому Лиза нравится, но тебе Макс, реально башню снесло, — поддержал

Ярик.

— Именно — башню снесло! Прекрати бегать за девчонкой. Ты ей не нужен, трудно понять? Все, на что ты можешь рассчитывать — удар кинжалом в бок, вот и вся любовь. Благодарю Ярослава, что он подоспел в последний миг.

— Не меня надо благодарить, а Зета. Чертенюш меня предупредил.

— Зет?! — поразился Михалыч. Он покрутился на месте, затем прошелся по спальне и заглянул под все кровати. — Зет, ты здесь? Вылезай, ошибка природы!.. Нет, слинял, пострел. Ладно, ему в любом случае зачтется.

— Я могу отвезти Максима в поликлинику, — предложил Василий. — Надо сделать рентген, обработать раны.

— Незачем! — отрезал Михалыч. — До завтра все пройдет, я позабочусь.

— Я бы с удовольствием побродил по городу, — вдруг высказался Максим; до сих пор он безучастно смотрел в одну точку и молчал. — Вы обещали мне показать монастыри и храмы. Потом можем не успеть.

— Я прошу прекратить упаднические разговоры, — встревожился Михалыч. — Ты все успеешь! И увидишь не только этот город, но и весь мир. Что с тобой, Максим?

— Не знаю. Порой мне кажется, что я больше не выдержу. Хорошо, что возник перерыв. Сегодня я не смог бы себя заставить войти в кабинет. Понимаешь, это давно уже не комната, не жилое помещение — теперь я каждый день отправляюсь в утробу зверя, в ней пахнет мертвечиной и гниением, зверь ждет, когда я заберусь поглубже, и пасть захлопнется.

— Ты переутомился, и это неудивительно. Соберись, Максим, прошу тебя. Осталось совсем немного. — Михалыч добавил бодрым голосом: — Сегодня никакой работы, едем в город гулять и развлекаться. Прямо сейчас!

После манипуляций, произведенных Михалычем, кисти Максима стали выглядеть значительно лучше, тем не менее, раны обработали и забинтовали. Он хотел побриться, но потом махнул рукой, хотя порядочно зарос щетиной. Мужчины оделись на выход, Ярик прихватил фотоаппарат. Леонид Ефимыч сначала отнекивался, ехать не хотел, и лишь когда уазик заурчал и покатился по брусчатке подъездной аллеи, испугался перспективы остаться одному и побежал следом с криком: «Стойте, стойте, я с вами!»

Из машины вышли в центре города, откуда расходились туристические маршруты к вековым постройкам. Максим из окна автомобиля заметил деревянную церковь и пожелал начать осмотр именно с этого памятника деревянного русского зодчества.

— Найди экскурсовода, — попросил он Ярика. — Будем культурно просвещаться. Как-то получается, что в последнее время я ничего не читаю и не смотрю, одичаю скоро.

Здесь, вдали от роковой усадьбы, Максим чувствовал, как отпускает многодневное напряжение. Все к тому располагало: солнечный день, утопающий в зелени город, туристы, шагающие по улицам веселыми группами, яркие длинные ряды лотков с работами народных умельцев и сувенирами. От богатого разнообразия русских матрешек, хохломских и палехских изделий разбегались глаза. Ярослав сразу нацелился на сувенирные тарелки с изображением храмов, но потом решил сделать покупки на обратном пути.

Особенно понравился ему старичок домовый в виде большой мягкой игрушки. Ярослав крутил его в руках и отпускал одобрительные замечания. У домового была торчащая в разные стороны борода и такие же вихры на голове, нос картошкой, глаза круглые, добрые, на ногах лапти, на спине котомка, набитая тряпьем. Он был красочно одет в мягкие штанишки, рубаху-косоворотку, шитую красным тканьем по вороту, рукавам и подолу, поверх — нарядная жилетка, к поясу запасливого хозяина были подвязаны мешочки, ветка с яблоками, деревянная ложка и колокольчики. Словом, на редкость симпатичное существо.

— Ты его не себе покупай, а Зету, — подсказал Василий. — Будет мальцу товарищ. Надо же его как-то отблагодарить.

— Дельное предложение! Чучелко как раз ему под стать, ростом с него будет. Беру! Надеюсь, подарок ему понравится.

Он отнес покупку в машину, затем компания двинулась к деревянному храму. Экскурсовод привел Василий. Это была приветливая девушка с необыкновенно располагающей внешностью и манерой общения. Она заговорила бегло, приятным голосом, изредка бросая взгляды на своих слушателей:

— Вы видите дошедший до наших дней прекрасный образец деревянного русского зодчества. Церковь полностью срублена топором. Именно деревянная архитектура стала основой особенного стиля русского средневекового зодчества. Главным, и часто единственным орудием строителя долгие века оставался топор. Не пользовались даже пилой, так как пила рвет древесные волокна, оставляя их открытыми для воды. Топор же, сминая волокна, как бы запечатывает торцы бревен. Недаром до сих пор говорят: «срубить избу». Это одна из сохранившихся до наших дней деревянных клетских церквей, то есть церковь на основе клетки. Основу храма составляет четверик с высокой крутой двускатной кровлей, увенчанной главкой на маленьком четверике, врезанном в середине конька крыши...

Девушка вдруг осекалась и потрясенно уставилась на Максима.

— Извините, вы... вы — Максим Смирнов? — с замиранием спросила она.

— Он самый, — нехотя подтвердил тот.

— Ой! — девушка покраснела, мучительно смешалась, суматошно полезла к себе в сумочку. — Можно взять у вас автограф? — К всеобщему удивлению она извлекла фотографию Максима, которая была аккуратно вложена в прозрачный кармашек бумажника, очевидно, девушка всегда держала портрет при себе.

— Пожалуйста. Как вас зовут? — Максим взял у нее ручку.

— Варя. Варвара, — торопливо поправилась она. — Что у вас с руками?! Какой ужас! Ваши бинты сбили меня с толку, а то бы я вас сразу узнала.

— Ничего серьезного, несколько царапин. — Неудивительно, что она не узнала изможденного небритого мужика с перебинтованными руками.

— Слава богу! А у меня есть почти все записи ваших концертов, и видеозаписи! — выпалила девушка. Она выглядела совсем молоденькой и легко смущалась.

— Правда? — принужденно улыбнулся Максим. Он и сам ощущал себя неловко в подобных ситуациях и не знал, что говорить. К тому же пока недостаточно хорошо себя чувствовал, голова гудела, ему было трудно сосредоточиться и поддерживать беседу. Он предпочел бы сейчас вообще ни с кем не разговаривать. Спутники его ехидно молчали и разглядывали церковь с усиленным вниманием. Ярослав с фотоаппаратом в руках выбирал наилучший ракурс для снимков памятника. — Значит, вы любите фортепианную музыку? — вяло поинтересовался Максим, глядя на Варю большими глазами.

— О, обожаю! А ваше исполнение затрагивает меня до глубины души. Я ведь тоже в некотором роде музыкант. — Она снова зарделась и уперлась взглядом в землю.

— Неужели? И на чем играете? — равнодушно спросил Максим.

Девушка обернулась и посмотрела на стоящий неподалеку величественный белокаменный храм.

— На колоколах, — просто сказала она. — Я звонарь в храме. А в свободное время работаю гидом.

Мужчины как по команде повернулись к Варваре и воззрились на нее.

— Девчата отжигают! — брякнул Ярик. — Девушка-звонарь?! Разве такое бывает?

— Ой, что вы! Это давно не редкость, — всплеснула руками Варвара и покраснела еще больше. — Я специально училась в школе звонарей, и вместе со мной посещали занятия еще несколько девушек.

— На монашку ты не похожа, — фамильярно определил Ярик.

— Я не монахиня. Работаю, как видите, еще и учусь заочно на искусствоведа.

У Максима рассеялась больная накипь в глазах, теперь он смотрел на Варю с интересом.

— А нельзя ли послушать перезвон? Хотелось бы попасть на колокольную, посмотреть, как вы работаете. — Он корыстно решил использовать восхищение, которое выказывала ему

девушка. В нем мгновенно проснулся галантный кавалер, как почти в любом мужчине, желающем произвести впечатление на женщину.

— Ой! — заволновалась Варя. У нее любое движение чувств начиналось с «ой», смятения, волнения; ее порывам, видимо, всегда требовалось некоторое время, чтобы устояться. — Я не могла предположить... Это так неожиданно... А вдруг вам не понравится! — не на шутку испугалась она.

— Исключено! Я не хочу вас стеснять, но было бы чудесно...

— Конечно, конечно! Что за вопрос? Сегодня суббота, буду звонить к всенощной. Приходите, я встречу вас у храма и проведу на колокольню, — выдохнула Варя, будто кинулась головой в омут, повернулась и быстро пошла прочь, совершенно позабыв о своих обязанностях гида.

За день путешественники успели нагуляться, повидать и узнать много полезного. Они пообедали в хорошем ресторане и загодя пришли на условленное место. Веренский почему-то и тут уперся, заявил, что в храм не войдет. Он сел поодаль на скамейке с упрямым видом. Мужчины решили оставить его в покое.

— Что ж, дожидайтесь нас здесь, — согласился Михалыч, но сам пристально присматривался к Веренскому. Тот нервничал, грубил, косился на стены храма с неприкрытым страхом.

Вскоре появилась Варвара и повела мужчин за собой по узкой лестнице на высокую колокольню с пристроенной звонницей, оттуда открывалась круговая панорама города, сомлевшего в тепле и сочной зелени; в нем царствовали тишина, мудрый покой, безветрие. У Максима и Ярика, жителей столицы, появилось давно забытое ощущение вневременности, неспешного течения жизни.

— Земная красота! — Михалыч переходил от одной арки к другой, любуясь тихой прелестью окрестностей. — Отрадно сознавать, что люди умеют творить красоту. К прискорбию нашему, они же ее и разрушают.

Максим с почтением разглядывал колокола, особенно два больших — художественного литья; языки у них были массивные, казалось невероятным, что хрупкая девушка справляется с такими тяжелыми инструментами.

Но вот Варвара взялась за веревки, раздались первые торжественные звуки благовеста, запел самый большой колокол, полетел звон над городом в поля, в лес, далеко за реку и уже где-то там затерялся в чаще, угас окончательно. Последовали мерные удары, и с каждым певучим звуком из Максима улетучивалась душевная и физическая усталость, он оживал, возрождался.

А когда начали звонить все колокола, величественное благозвучие напоило воздух, стало атмосферой, в которой двигались люди вниз, летали птицы и плыли на восток облака. Максим оживал с каждой минутой. Серебряный трезвон проник во все клеточки его существа, очистил душу, мозг, кровь, мышцы.

Максим со всей ясностью понял, что завтра же его работа будет закончена. Он чувствовал в себе небывалую силу, творческий подъем, какого давно не испытывал. Он был здоров, здоров совершенно!

В нетерпении он стал разматывать бинты на руках, словно собирался играть немедленно. Михалыч заметил, но ничего не сказал, лишь ободряюще улыбнулся. Руки оказались целы, раны затянулись, опухоли как не бывало, кожа была белая, гладкая, ни малейшей боли в суставах.

Варя подошла с сияющими глазами, в них еще пели колокола. Максим взял ее маленькую руку и с благоговением поцеловал.

— Варенька, вы не представляете, что для меня сделали! Вы позволите, я приду к вам еще?

— А не обманете? — с трепетом спросила она. У нее пылали щеки и губы, дрожали ресницы от внутреннего волнения.

— Ах, Варя, если бы вы знали, как мне это необходимо, не стали бы сомневаться.

— Вы уедете, и забудете сегодняшний день.

— Уеду еще не скоро. Я живу сейчас в поместье Дарьины ключи. Слышали о таком?

Девушка встрепенулась: так значит, он будет где-то поблизости, и она обязательно снова его увидит!

— Дарьины ключи? Место известное, но многие обходят усадьбу стороной, — с готовностью откликнулась она. — Говорят, там по ночам бродят привидения. Из-за слухов люди перестали ходить к источнику, а ведь он издавна считается целебным. Но раз вы в доме живете, значит, все рассказы — это досужие домыслы.

— Безусловная брехня, Варенька, — подтвердил Ярослав, в котором также проснулся джентльмен.

Примеру Максима последовали остальные. Каждый приложился к руке Варвары. Михалыч задержал маленькую ладошку в своей руке чуть дольше, чем требовала простая вежливость:

— Вы, Варенька, искусный звонарь. Я словно омыт золотым дождем.

— Спасибо, — девушка подняла на него глаза и обомлела: заходящее солнце напроказничало, послало косой луч и отразилось от щеки забавного толстяка целым снопом радужных брызг, словно брильянт заиграл на свету. Сияние разбежалось золотым дождем, вспышками, искрами, сложилось на миг в прекрасный образ, ничего общего с ее собеседником не имеющий, но напавший на нее многие изображения, — и пропало.

— Скажите, Варя, вы никогда раньше не встречали этого человека? — Михалыч указал ей сверху на Веренского, сидящего на скамье. — Он был с нами утром, помните?

— Встречала. Я сразу его вспомнила. Он часто приходит в храм. Два раза разговаривал с батюшкой, отцом Анатолием.

— Варя, нам несказанно повезло, что мы сегодня встретились. Видно, кто-то нам помогает, — добавил он с хитринкой.

Она же смотрела на него в ошеломлении и руку свою забыла в его руке.

— Какие вы все... — пролепетала она. — Какой день сегодня!..

«Пойду расскажу батюшке, — думала она, провожая мужчин к лестнице. — Только поверит ли? Сделает вид, что верит, а сам подумает, что привиделось... — Она замерла, охваченная счастливым предчувствием. — Я узнала его, неспроста он сегодня мне явился. Эта встреча с Максимом! Да-да, не может такое оказаться случайностью...»

Прежде чем вернуться в усадьбу, Михалыч предложил поужинать вне дома. Надо было обсудить план действий, а в усадьбе и стены имели уши. Заговорщики выбрали уютное кафе, только расселись, заказали еду, как Максим объявил, что в ближайшие два дня заканчивает сочинение пьесы и готов исполнить ее в законченном виде, как только ему прикажут.

Все вопросительно посмотрели на Михалыча.

— Итак, Леонид Ефимыч, приближается день закрытия ужасной бреши, порожденной вашей неумной жадностью славы, — официальным тоном начал тот. — Что вы намерены предпринять, чтобы сохранить дочь, не позволить ей остаться по ту сторону? Как видите, она больше к вам не приходит, и у нас нет возможности удержать ее в мире живых.

— Я позову ее, — задержался Веренский. — Я найду способ выманить ее из тьмы хоть ненадолго. И тогда... Вася, ты должен задержать ее, пока Максим будет играть.

— Сделаю, что смогу. Придется применить силу, вы же понимаете, добром она не сдастся.

— Я помогу, — пообещал Ярослав. — Что мы, втроем одну девчонку не удержим?

— На меня не рассчитывайте, — предупредил Михалыч. — Я буду занят в это время. И все-таки, Леонид Ефимыч, мне непонятно, каким образом вы сможете залучить Лизу в дом, да так, чтобы удалось ее схватить.

— Так давайте придумаем вместе что-нибудь! — с отчаянием воззвал Веренский. — Что я могу один? Я рассчитываю на вас.

— Сами, вы, однако, помочь нам не хотите, — сурово произнес Михалыч.
— Помилуйте! Я не хочу?! Вы только скажите, что от меня требуется. Я все сделаю!
— Отдайте нам книгу. Она ведь здесь, в храме. Я понял это по вашей реакции. Пойдите и принесите ее немедленно. Я устрою так, что Лизе сообщат о вашем согласии передать ей книгу. Лиза должна убедиться, что книга лежит в доступном для нее месте, и как только захочет ее взять, настанет очередь Василия и Ярослава действовать.

Веренский побледнел и заерзал на стуле:

— Вы не понимаете всей опасности! Едва книга окажется в доме, Себ преспокойно придет и отнимет ее. Кто в состоянии ему помешать?

— Я! — сказал Михалыч. — Книга будет у меня до решающего момента.

Пришлось потратить множество слов и доводов убеждения, прежде чем Веренский признал необходимость изъятия книги из храма. Несчастный так разнервничался, что ничего не съел за ужином.

Веренский понуро потащился к храму, мужчины дожидались его поблизости.

Он показался на ступенях, к груди прижимал завернутую в кусок материи книгу.

— Давайте сюда. — Михалыч с порядочным усилием выдернул у него из рук фолиант. — Вот так-то надежнее.

— Почему Себ действует в одиночку? — спросил в машине Максим. Они уже подъезжали к усадьбе.

— Он делает то, что ему приказали, — ответил Михалыч. — Пока это отдельные стычки, и ни одна сторона не хочет новой большой войны.

— А другая сторона — это... — Максим показал глазами вверх. Непроизвольно вышло с легкой иронией.

Михалыч посмотрел на него внимательно и улыбнулся:

— Другая сторона — это ты, я, Вася, и Ярослав, несмотря на его, мягко говоря, легкомыслие.

— Хорошо попрекать! — прогудел Ярослав. Он сидел впереди, рядом с Василием. — Подсчитали бы лучше, сколько убытков мы понесли. Скоро по миру пойдем с протянутой рукой.

Уазик подкатил к крыльцу и остановился.

— Темнеет. — Михалыч посмотрел на часы. — Надо будет поискать Зета. Есть у меня для него поручение относительно Лизы. А ты, Ярослав, сможешь передать ему игрушку.

Михалыч и Ярик задержались у машины, остальные прошли в дом.

— Поди найди сорванца, — Ярик трижды лихо свистнул в разные стороны. — С ума сойти! В наш век высоких технологий приходится свистеть, как разбойник с большой дороги. Плохо у нечистой силы с коммуникацией — ни тебе мобильных, ни интернета, отсталость дремучая, все по старинке живут.

Кстати, Михалыч, я заметил, что и ты мобилой не пользуешься, что так?

— Да как-то надобности не возникало, — ответил тот не слишком уверенно.

— Сейчас без мобильных только кошки гуляют. Удивляешь ты меня, Михалыч. — Он запустил пальцы в задний карман брюк и извлек сотовый телефон. — На, дарю, у меня еще один при себе. Можешь смело стирать лишнее, все сдублировано. Не-не-не, отказ не принимается, бери, телефон новый, последней модели, пользуйся, а то сам не купишь, ясно уже.

Он сунул трубку Михалычу в руку. Тот растерянно уставился на вспыхнувший дисплей.

— Гм... спасибо, конечно, только... Видишь ли, там где я живу, телефоны не нужны, и я совершенно не знаком с данной конструкцией.

— Научу! Делов-то... Хотел бы я знать, где не нужны телефоны. Слушай, Михалыч, ты хороший мужик, правильный, только сдается мне, что какие-то недоумки затянули тебя в секту. Ты эти глупости брось, сектанты все зомбированные, на них наживаются ловкие

мошенники. Не давай себя дурачить, Михалыч!

— Я благодарен тебе за заботу. Насчет сект ты верно говоришь, но в отношении меня ошибаешься. Ладно, покажешь на досуге, как работает эта штуковина.

В кустах зашуршало, высунулась мордочка Зета. Он выжидательно поглядел на мужчин и снова спрятался.

— Иди сюда, не бойся, Ярослав тебе приготовил сюрприз, — позвал Михалыч.

Чертенек выбрался из зарослей, отряхнулся по привычке и несмело приблизился на несколько шагов.

— На, получай друга. — Ярослав достал из машины домового и посадил на капот. — Ну как, нравится?

Того, что произошло дальше, благодетель никак не ожидал. Казалось, подарок очаровал Зета, глазенки у него округлились, он обошел и с восхищением оглядел игрушку со всех сторон, восклицая «Ух ты!», «Красотища!», «Здорово!», потом схватил, прижал к себе и снова нырнул в кусты.

— Никакого воспитания! — сокрушенно заметил Ярик. — Ни тебе «спасибо», ни слез умиления, ни дружеского пожатия руки.

Зет тем временем снова появился, морда у него была донельзя довольная. Мужчины в один голос ахнули: бедный домовый лишился своего красочного одеяния, оно перекочевало на тщедушное тельце хвостатого франта, причем для хвоста затейник, недолго думая, прогрыз дырку в байковых штанишках. Лапти также пришлись в пору, даже гоночная бейсболка хорошо гармонировала с красной вышивкой на рубаше. Не захотел модник расстаться и с деревянной ложкой и прочими атрибутами, висящими на поясе.

Михалыч разразился хохотом, схватившись за живот, приступы смеха усиливались, стоило ему взглянуть на выражение лица Ярика.

— Вот это прокол! — пробормотал тот. — Надо было мальцу шмотки покупать. Ты что наделал, бесстыдник? Раздел пожилого человека. — Ярик поискал в кустах и вытащил разодранную куклу. — Голову зачем оторвал, вандал?

— Рубашка не снималась, — охотно пояснил Зет. — А зачем ему? Он все равно неживой.

— Повезло ему, что неживой, — все еще смеясь, заметил Михалыч. — Хорошо, что это не кролик или хомяк, могла бы и шкурка сгодиться.

Глава 14

Наступил день, которого все ждали с нетерпением: Максим объявил, что композиция готова, и он может ее исполнить. Он положил на стол перед собравшимися стопку исписанных, измятых листов нотной бумаги.

— Не будем тянуть, — постановил Михалыч. — Ты в состоянии играть сегодня же на закате дня? — обратился он к Максиму.

— Я в отличном состоянии и сделаю все, что нужно.

— Хорошо, стало быть, всем надо собраться. Приготовьтесь к тому, что будет трудно, нам понадобится максимум усилий, мужество, упорство, сила воли, иначе проиграем.

Вновь проработали все детали плана.

Чертенек Зет должен был как бы случайно проболтаться Лизе о книге и ее местонахождении. Ярослав и Василий предусмотрели вспомогательные средства для поимки Лизы, словно речь шла не о девушке, а о диком звере.

Веренского решили запереть в одной из комнат, чтобы отцовские чувства не помешали охотникам применить к Лизе необходимые меры, в том числе самые жесткие, если потребуют обстоятельства.

Михалыч сказал, что выложит книгу на видное место лишь после того, как Максим начнет играть, до тех пор она все время будет при нем.

Леонид Ефимыч жестоко переживал, на временное заточение согласился с душевными

терзаниями.

Михалыч давал наставления Максиму:

— Запомни: что бы ни случилось, отвлекаться нельзя, ты не должен прерывать игру ни под каким видом, даже если явится Себ и попытается тебя убить. Доверься музыке и больше ни о чем не думай, доверься мне, я сумею тебя защитить.

Максим горько усмехнулся:

— Будем надеяться, что я успею закрыть проход до того, как Себ спохватится. Не переоценивай себя, с демоном тебе не сладить при всех твоих способностях. Эх, обидно будет, если не успею, ведь все готово, остался последний рывок.

Он посмотрел с грустью в чистые сияющие глаза.

«Мне бы такую силу духа, уверенность. Неужели он ничего не боится? Или знает что-то, чего не знаю я. Сказал, что надо верить. Легко ему быть спокойным, ведь это не он остается в полном одиночестве в комнате, которая давно уже не комната, а преддверие ада. Дважды мне удалось уцелеть, да только везение не бывает беспредельным».

Он вышел на крыльцо и загляделся на румяные облака, подсвеченные заходящим солнцем.

Рядом встал Ярик:

— Надеюсь, что сегодня все кончится, и мы вернемся к прежней жизни. Соскучился я по Москве, по работе, по атмосфере наших концертов.

Ты мне так и не объяснил, почему впрягся в эти вожжи. Как Михалычу удалось тебя убедить?

— Он не убеждал. Достаточно было услышать пианино. Я мог уйти, но никогда не смог бы забыть эти звуки. Я думаю, они постепенно свели бы меня с ума, спасение лишь в том, чтобы восстановить гармонию — в первую очередь, в собственной душе.

— Понимаю, эта штукавина разъедает все, что попадает в радиус ее действия. Ты прав — клин клином вышибают. Я уверен, что ты справишься. И Лизу вытащим, побеснуется и смирится. Она тебе, кажется, нравится? В этом деле положишься на меня. Я все устрою.

— Думаешь, она забудет Себа? — засомневался Максим. — А как быть с Васей? Ведь он любит ее. Непорядочно отбивать у него девушку.

— Но она-то его не любит! К тому же, сам посуди, что он может ей предложить? Лизу после всех передраг надо развлечь, обеспечить ей роскошные условия, подарки, наряды. Словом, предоставь это мне, я знаю, что нужно женщине. Опыт какой-никакой имеется.

— Что ж, я готов добиваться девушки, если останусь в живых.

— Тьфу, постучи по дереву! Ты эти безобразия мне прекрати, и слушать не хочу! Кто тебе даст умереть? Ум включи, романтик.

Ярослав возмущался еще долго, скрывал таким образом собственное беспокойство.

Большие часы пробили пять раз. Максим вошел в кабинет и сел за пианино. Зажег все свечи, ноты поставил на пюпитр — больше для страховки, так как мог сыграть композицию по памяти.

Начинать следовало немедленно, в комнате было холодно, руки стыли. Свисающие с потолка гирлянды плесени посеребрились инеем, диван у стены отсырел, на светлой обивке виднелись пятна влаги.

Максим глубоко вдохнул, как обычно, когда собирался прикоснуться к клавишам пианино. Дыхание вырвалось обратно облачком пара.

Он начал играть. Никогда еще ни одна музыкальная композиция не имела подобного вступления. Она начиналась с агрессивного нагромождения всевозможного ора, выражающего различные эмоции, в том числе злорадного хохота, торжествующих криков мучителей, в ней властвовали духи ада. Руки пианиста летали над клавиатурой, рождали свирепый, казалось, беспорядочный звуковой вихрь, который постепенно скрутился в смерч. Неуловимо, такт за тактом, вытягивалась из бешеной воронки чуть различимая мелодия, голоса еще сходились, отталкивались и вдруг звучали в унисон, слагались в терцет, квартет, и снова мешанина, неразбериха, чернь, пустота, но теперь уже нестойкие, все более

кратковременные. Как тонкий лучик, проникший в подземелье, выделилась музыкальная тема, она крепла с каждой минутой, набирала силу и объем, обретала значимость, торжественную размеренность.

Вновь, как в роковую ночь в лесу, начала меняться обстановка вокруг Максима, мебель, стены, потолок, пол пропали, медленно растворились в серой дымке, остались пианино и исполнитель, как бы висящие в пространстве. Как и в прошлый раз стало трудно дышать, но Максима вело вдохновение, он был силен и устойчив, как никогда.

В тумане обозначилось темное пятно, оно приближалось, и Максим догадывался, кого призвала его музыка, но думал об этом словно издалека, он жил в своей музыке, а все остальное было несущественно.

Гармоничный, прекрасный хор голосов ширился, захватил открывшееся пространство и понесся дальше, ввысь, неудержимо и величественно, здесь было все — скорбь, боль, грусть и светлые воспоминания, робкая надежда и мольба о прощении, благородство и величавая простота.

— Прекрати, — сказал Себ.

Максим отвлеченно посмотрел в его беспробудные глаза и продолжал играть.

Себ стоял перед ним с мечом в руке, клинок отливал вороненой сталью.

— Прекрати, или я убью тебя. Ты слышишь меня, музыкант?

Нет, не слышал его Максим, не хотел слышать. Не для того он прошел через мучения, дышал воздухом преисподней, впитал в себя по капле чужие страдания, чтобы сейчас отказаться от своего детища, может быть, главного и лучшего в своей жизни.

Себ приставил острый конец клинка к горлу музыканта, холодная сталь рассекла кожу.

— Подохнешь вместе со своей музыкой! Ты долго испытывал мое терпение.

И это не сработало. Все, что происходило вокруг, Максим практически не воспринимал, даже укол в шею не почувствовал, он был в другом измерении.

Появление третьего лица зафиксировали лишь его глаза, но не разум.

На сей раз Регул спустился откуда-то сверху, что было для него немудрено. Еще бы! Плаща на нем сегодня не было, а вздымались за спиной белоснежные крылья, большие и сильные.

— Пришел-таки, я уж заждался. — Себ шагнул навстречу. Он сбросил с плеч мантию и остался примерно в таком же одеянии, что и Регул, только все на нем было черно-красное, как и мантия, даже темные доспехи имели червлёный оттенок. У демона тоже оказались крылья — острые, кожистые, облезлые, хищных очертаний, кое-где островками еще топорщились редкие черные перья. — Ты должен оценить мое великодушие. Я мог бы убить парня до твоего прихода, но ты слишком привязался к пианисту, поэтому я дам тебе шанс его защитить. Он стал тебе дорог, как брат родной, и уже только по одной этой причине заслуживает смерти. Мудрые наставники задурили тебе голову — учат вас заботиться о людях, которые не стоят ворсинки с твоего пера.

Отдай мне музыканта, Регул, и мы расстанемся с миром, и, надеюсь, без обид. Я бы позвал тебя с собой, так ведь не пойдешь.

— Ты знаешь, *что* мне дорого, давай не начинать сначала. Я не смог убедить тебя, когда ты был еще чист и доверчив, другой оказался речистее, а сейчас я не хочу тратить бесполезных слов.

— А в чем ты хотел бы меня убедить? В ценности человеческого рода? Согласись, что доводов у тебя мало. И в этом ваша слабость. Твой музыкант гений, не спору, он даже грешников в аду заставил петь мессу, сейчас они смиренны и полны благочестия, но попробуй, выпусти их на волю — насильников, убийц, маньяков. Откажись от музыканта, Регул, его музыка — всего лишь мимолетная видимость счастья, она будит напрасные мечты.

— Ты хорошо обучился искусству обольщения, было у кого. Только со мной лукавое красноречие не пройдет. Все в твоей жизни обман, Себ, тебя поманили властью, но наградили бессилием: ты не смог дать истинного таланта Веренскому, не смог внушить истинной любви Лизе — довольствуешься ее болезненным наваждением. Ты потерял

уважение и преданность истинных друзей. Ты утратил великую силу ангела. Спроси себя, ради чего ты упал так низко.

Музыканта не отдам, тебя же низвергну обратно в бездну и властью данной мне Архангелом перекрою тебе доступ в любой иной мир на десять веков. Тысячу лет ты не сможешь покинуть пределы ада, ты не увидишь солнце и звезды, пестуй свое зло, стенай о прошлом, и думай, думай без конца — раскаяться никогда не поздно.

Ироническая улыбка сползла с лица Себа. Тяжелый меч дрогнул в его руке.

— Значит, ты не оставляешь мне выбора. Музыкант умрет, проход останется открытым, ты не сможешь заточить меня, потому что очень скоро бездна поглотит этот облюбованный вами мирок, а затем мы пойдем еще дальше, и вся небесная рать нас не остановит!

Регул выхватил меч — этого было достаточно. Бывшие соратники бросились друг на друга.

Даже в том случае, если бы Максим смог оторваться от своего ответственного занятия, чтобы проследить за схваткой, он ничего бы не разглядел. Высоко над ним что-то носилось как ураган, кувыркалось, вдруг падало, взлетало, чертило зигзаги прямо над головой, обдавая резкими порывами ветра, доносились крики и звон клинков в пыли сражения. Противники перемещались с огромной скоростью, недоступной человеческому глазу. Себ продолжал терять последние перья, они, кружась, падали с высоты.

А грандиозный хор продолжал звучать, он разрастался с каждой минутой, скорбная поначалу тема обрела ликующее содержание, пение становилось все чище, профессиональнее, будто лучшие певцы мира собрались на одной сцене.

Вокруг Максима кипела неистовая битва, дрались двое, а казалось, что бьются когорты древних воинов. Осталось загадкой, как разбушевавшиеся бойцы не сшибли пианиста со стула; правда, однажды Регул мазнул белым крылом по лицу Максима, на щеке остался какой-то знакомый аромат, но Максим по-прежнему не воспринимал реальность, посторонние раздражители не могли его коснуться.

Каким-то бодрствующим уголком сознания он понимал, что представляет для Себа желанную добычу, он был целью для черного меч. Раз за разом он видел несущегося прямо на него демона, распахнутые острые крылья, упорный беспощадный взгляд, сверкание вороненой стали, еще секунда — и конец, лежать пианисту на земле, пронзенному пылающим клинком. Но тут ослепительной молнией налетал Регул, сшибал нападающего с курса, оба сливались в один бешено крутящийся волчок, из которого летели белые и черные перья.

Иногда что-то гремело, будто рушились стены, падало тяжело и гулко, звенело, разбивалось на мелкие осколки, но все поглощала призрачная пустота, выплевывающая время от времени исступленных бойцов, их мечи рубили туман в клочья, обрывки оседали на крышке старого пианино.

Несколько раз противники грохались на землю — Регулу определенно приходилось нелегко, его белая одежда и крылья были в крови. В таком же состоянии находился Себ, только на его черно-красном одеянии кровь была меньше заметна. Ударившись оземь, оба с трудом поднимались, но сшибались с еще большим неистовством и снова уносились в безоглядную даль. Максим видел урывки боя, но воспринимал картины, как часть музыкального произведения, которое он исполнял: то рядом, то в вышине бились ангелы — темный и светлый, как и в его музыке, добро боролось со злом, гармония пыталась победить хаос, и силы сторон были почти равны.

Где-то вдалеке вскрикнул Себ, Максим узнал его голос, ворвавшийся болезненным отчаянным, яростным криком в устоявшуюся красоту исполняемой мессы.

И вдруг... Что-то изменилось в колебании мистических струн, чуткое ухо пианиста мгновенно уловило начинающуюся трансформацию. Голоса менялись, как если бы музыкант манипулировал кнопками синтезатора. Звуки преобразовывались, сначала незаметно, затем все более отчетливо, пока не обрели настоящее фортепианное звучание.

Медленно начало светлеть, рассеивалась пасмурная мгла, отдалялся и затихал в вышине лязг оружия. Из небытия стали возвращаться стены кабинета, сначала они были прозрачными, но вскоре вся обстановка проявилась — отдельными штрихами, линиями, наконец восстановилась полностью. Плесень на потолке и по углам ссохлась и рассыпалась в пыль, холод вытянуло в щели.

Максим все еще играл, когда дверь с шумом отворилась, и быстрым шагом вошел Михалыч. Первым делом он направился к окну, отдернул шторы и распахнул створки оконной рамы. На улице еще не стемнело. Живительный естественный свет хлынул в затхлое помещение. Максим вдохнул полной грудью свежий воздух и взял последний аккорд.

Голова у него кружилась, он чувствовал, что упадет, если встанет со стула. Наступила реакция после экстремального перенапряжения всех сил. Только сейчас он ощутил горячую струйку крови на шее, она текла из раны, оставленной на память клинком демона.

— Михалыч, неужели мы сделали это? — Максим не узнал свой охрипший голос.

— Да, мы победили. Проход закрыт. Себ больше не придет, во всяком случае, в ближайшее тысячелетие.

Максим смотрел на него, и какая-то догадка стучалась в его затуманенный мозг. Другого был весь в крови, на руках алели глубокие порезы, сквозь ткань рубахи на боку проступало багровое пятно.

Михалыч заметил на полу черное перо, подобрал, молча смотрел на него некоторое время, затем спрятал у себя в нагрудном кармане.

Он подошел ближе, присел рядом с Максимом на корточки, разглядывая его рану на шее. Озабоченно сдвинул брови, отчего лазурные глаза его стали казаться еще светлее:

— Плохо. Себ успел навредить напоследок. Рана от клинка демона — дело нешуточное. Моя вина: нельзя было подпускать его к тебе близко.

«Ну конечно... никаких сомнений... какой же я чурбан! — думал между тем Максим. — Мне давно следовало догадаться».

— А сам-то, тебе не страшен клинок демона?

— На мне все затянется, не успеешь глазом моргнуть, а вот с тобой придется повозиться.

— Михалыч, ты опять перебрал с одеколоном. — Максим провел ладонью по щеке. — У меня до сих пор щетина благоухает, вот, полюбуйся — пушинки застряли, хотя ты лишь слегка задел меня крылом. Себ, небось, от газовой атаки задохнулся.

Оба безудержно расхохотались, как это нередко случается с теми, кто только что на пределе своих возможностей выполнил смертельно опасную, тяжелую работу и наконец позволил себе расслабиться.

Ворвался Ярик. Он шумно выражал свою радость, рассказал, что с Лизой все в порядке: девушка поймана, связана по рукам и ногам и передана в таком виде отцу. Следы поимки Лизы были видны на его лице — на веке и ниже на скуле рдела длинная царапина.

— Макс, ты молоток! Заткнул-таки паскудную трубу. — Ярик бросился обнимать друга. — Да вы оба в крови! Чем вы тут занимались?

— Известно — чем. Дрались с Себом. Ты на себя посмотри, афиша вся разукрашена... Помоги мне встать, — попросил Максим.

— Да-а, укатили сивку крутые горки, — с жалостью изрек Ярослав.

Мужчины подхватили Максима с двух сторон и повели в гостиную, усадили на диван.

— Ну что, опять обойдемся без врачей? — начал ворчать Ярик.

— Не надо никого, Михалыч вылечит, — улыбнулся Максим. — Он лучше любого врача.

Максим уснул рано: строгий доктор не позволил ему дольше бодрствовать, потребовал отложить все оставшиеся вопросы на утро. Максиму, конечно же, хотелось повидать Лизу, но он понимал, что находится в плачевном состоянии, и подозревал, что состояние Лизы не лучше.

Поутру ему долго не хотелось вылезать из-под одеяла, он списал это на остаточную слабость. Шея у него была забинтована, рана ныла, он испытывал недомогание, но не хотел оставаться в постели.

Кровати снова растащили по отдельным спальням, поэтому Максим проснулся в одиночестве. Он полежал еще с полчаса, потом поднялся и поплелся в ванную комнату. Вернулся посвежевшим, без своей многодневной небритости.

Оказалось, что его дожидается Василий. Парень был взволнован, ходил из угла в угол, увидел входящего Максима и чуть не сбил его с ног, так порывисто метнулся навстречу:

— Максим, где Михалыч? Срочно нужен! Надо Лизе помочь. Я надеялся, что найду его у тебя, а он как в воду канул.

Он рассказал, что Лиза пришла в себя после вчерашнего. Когда ее схватили, она отчаянно сопротивлялась, исцарапала и искусала обоих мужчин, но им удалось ее связать. Она пронзительно кричала, ругалась, поносила вероломных обманщиков, угрозы сменились слезами и мольбами. Лиза заклинала отца, чтобы он развязал веревки и отпустил ее, рыдала, твердила, что любит Себа и не проживет и дня в разлуке с ним. Веренский, видя страдания дочери, сам заплакал от жалости, руки его потянулись к узлам от веревок...

— Хорошо, что мы это предвидели, были настороже, — описывал события Василий. — Ярик просто рассвирепел, чуть не прибил Леонида Ефимыча. Лиза нам едва глаза не выцарапала, а старик сопли распустил, по выражению Ярика. Я тоже разозлился на папашу, ведет себя как слизняк. Сам же втравил нас в эту жуть.

— А что Лиза? Неужели успокоилась?

— Как тебе сказать... Видимо, как раз в тот момент, когда зловещий коридор начал закрываться, она вдруг потеряла сознание, так и оставалась бесчувственной до утра. Михалыч приказал ее не трогать, мол, она, на самом деле спит, и сон ей необходим.

— Неужели проснулась и взялась за старое?

— В том-то и дело, что проснулась она другим человеком. Все бы ничего, но Лиза как будто не в себе, всего боится, никого не узнает и, кажется, начисто забыла обо всем, что с ней приключилось. Эх, куда же делся Михалыч?

— Полагаю, вольный сын эфира полетел с докладом к начальству.

— Мне не до шуток, Максим. — Василий был сильно расстроен.

Максиму хотелось повидать Лизу, но он предпочел бы пойти к ней в отсутствие Васи и Веренского. Мало ли как она его встретит. Мысль о разоблачении все еще угнетала его.

С другой стороны, рассуждал он, раз Лиза проснулась в помрачении памяти, то она, скорее всего, не узнает и своего случайного любовника, следовательно, не выдаст Максима ни Васе, ни отцу.

Он оделся как можно тщательнее, еще раз оглядел себя в зеркале, отметил про себя, что повязка на шее его мало украшает — последнее время ему везет на бинты. Мысль о бинтах напомнила ему колокольню и девушку-звонаря. Он даже замешкался на минуту, вдруг начисто позабыл, куда и зачем собирался идти, потом встряхнулся и предложил Василию вместе поискать Михалыча, да и Ярик не подавал признаков жизни.

Ярослава удалось перехватить в саду, он бегал трусцой по аллеям вокруг злополучного пруда. Сейчас поверхность водоема мирно поблескивала под солнцем; утки, завидев людей, устремились к берегу стройной флотилией.

Ради Максима Ярослав прервал свой моцион.

— Сегодня ты выглядишь получше, — заметил он по дороге к дому. — Но все равно мы немедленно отправляемся отдыхать на острова. Плевать на расходы! Пока не восстановишься полностью, о концертах не может быть и речи. Вот когда пригодилась моя запасливость! А то Михалыч заладил: «В свой карман...». Это не личный карман, а мудрая предусмотрительность.

— Сходишь со мной к Лизе?

— Пошли, сейчас только в душ заскочу.

Лизу поместили в ее прежнюю комнату. При ней неотлучно находился отец. Он лег

спать на диване, заперев предварительно дверь изнутри — боялся, что дочь, очнувшись, бросится искать своего жестокого возлюбленного. Опасения его оказались напрасными. Лиза проснувшись, долго не могла понять, где находится, о Себе не вспоминала. Когда отец попробовал заговорить с дочерью, она забилась вглубь кровати, натянула одеяло до глаз, в ужасе переводила взгляд с одного предмета на другой. В таком виде и застал ее Василий.

Испугавшись за психическое здоровье Лизы, он поспешил на поиски Михалыча, но того не оказалось ни в доме, ни в саду.

На стук дверь открыл Веренский. Молодые люди вошли втроем.

Лиза сидела на диване, одетая в длинный шелковый пеньюар, перед ней на журнальном столике лежал поднос с завтраком, к которому она пока не притронулась.

При виде мужчин она испуганно протянула руки к отцу. Он поспешил к дочери, обнял и прижал ее к себе. Лиза спрятала лицо у него на груди, виднелся лишь один большой глаз с настороженным зрачком.

— Она узнала меня, — радостно сообщил Леонид Ефимыч. — Видите, чуть что — ищет у меня защиты. Она сейчас как малое дитя, всего боится, но я верю, что моя дочурка оправится.

Присаживайтесь, так ей будет спокойнее.

Мужчины взяли стулья и сели.

— Давай, поговори с ней, — шепнул Ярик на ухо Максиму. — Глядишь, и тебя узнает. Надо искать к ней подход.

Максим смотрел на женщину, по которой еще вчера сходил с ума, и... ничего к ней не чувствовал. Он видел по-прежнему красивую, юную, с женственными формами девушку, но не находил в ней той чарующей, губительной прелести, таинственного притяжения, ради чего готов был бежать в непроглядную, разбойную ночь, пренебрегая опасностью. Она больше не была для него обольстительна, взгляд его с холодной растерянностью скользил по очертаниям столь желанного прежде тела, и ни один нерв в нем не дрогнул. Более того, в нем зашевелилась скрытая неприязнь, ссадины на ее лице и шее напомнили ему отвратительные сцены. То, что приводило недавно в ужас, заставляло обливаться сердце кровью от ревности, бессилия, жалости к ней и разнообразной гаммы сильнейших переживаний, сейчас лишь отталкивало. Ум его был совершенно трезв, и этим трезвым умом он отлично сознавал, что видит перед собой другую девушку, и вины ее, как участницы разнузданных оргий, скорее всего, нет, но даже собственное стремление ее оправдать наталкивалось на унылое безразличие.

Лиза никак на него не действовала. Страсть испарилась напрочь.

Он посмотрел на Ярика и прочел на его лице недоумение. Видимо, и для него колдовское очарование Лизы пропало без следа; открытие его больше удивило, нежели огорчило. Единственным, кто продолжал искренне любить Лизу, оставался Василий.

Девушка затравленно озиралась и жалась к отцу, ей, безусловно, необходима была помощь если не психиатра, то хотя бы психолога.

— Пожалуй, мы здесь бесполезны, — сказал Максим. — Попробуем найти Михалыча, он наверняка сможет помочь.

Оставив Лизу на попечение отца и заботливого Василия, друзья, не сговариваясь, направились в сторону лестницы, чтобы спуститься в кухню, так как оба не завтракали.

— Не хочу лезть к тебе в душу, но догадываюсь, что вопрос с Елизаветой Веренской отпал сам собой, — с хитрецей подвел итоги Ярик. — А я уже тактику разрабатывал, прикинул смету...

— Что ж радуйся, хлопот будет меньше. Знаешь, чего мне хочется? Очень! Поднимемся завтра с утра к Варе в звонницу, послушаем колокольный звон. Так душа просит, что и выразить не могу.

— Пойдем. — Ярик ограничился простым согласием, но при этом имел вид человека, который о многом догадывается, но деликатно молчит. — Только потом сразу в Москву. Все текущие вопросы отложим до лучших времен. Договорились?

— Согласен. Меня сейчас другое беспокоит: куда Михалыч запропастился? Не мог же он бросить нас, не попрощавшись?

— Ба! Совсем забыл! — Ярослав хлопнул себя по лбу. — Я же ему мобилу подарил. Сейчас мы ему позвоним.

Он достал телефон и нажал на кнопку. Пошли гудки, но никто не отвечал.

— погоди! — Максим отнял у Ярика трубку. — Где-то играет. Слышишь?

— Точно! Я мобильник ему именно с этой мелодией отдал.

Звук шел из бокового коридора, где находились хозяйственные помещения.

Друзья, вслушиваясь в мелодию, пошли на звук, как ищейки по следу. «Сюда, сюда», — показывал Максим, обладающий верным слухом. Наконец остановились перед дверью, ведущей в чулан, где хранились щетки, швабры, ведра.

— Ты уверен, что это здесь? — засомневался Ярик.

Он снова нажал на кнопку вызова. За дверью заиграла знакомая мелодия.

— Неужели он выбросил мой подарок? — расстроился Ярик и распахнул дверь.

Из темноты на них глядели два светящихся глаза.

Ярик попятился, наткнулся на Максима, оба чуть не упали. Храбрые бойцы, сражавшиеся с демоном — вот что может сотворить элемент неожиданности!

Восстановив равновесие, Ярик потянулся к выключателю, в чулане вспыхнул свет.

— Что это было, Макс? Никого не вижу. Тут одни ведра и тряпки.

— Может, кошку случайно заперли?

— Скорее всего... Кис-кис-кис, а ну иди сюда, упрямый котяра, а то снова запрем. Вот он, красавец, мягонький, пушистенький... — Ярик нашарил рукой что-то меховое за составленными в углу швабрами и щетками... и вытащил Зета.

Надо было видеть эту сцену: Ярик, стоящий с вытянутой рукой и отвисшей челюстью, в руке болтается хвостатое существо неизвестной породы — в лаптях, в косоворотке, вдобавок ко всему с сотовым телефоном в цепкой ручонке.

— Так, спокойно. — Ярослав свободной рукой вынул из кармана платок и вытер себе лицо. Засунул платок обратно. Несколько секунд разглядывал безвольно висящего Зета. — Сейчас будем разбираться. Пошли на кухню, я есть хочу.

Бесцеремонно обхватил чертенка поперек туловища и понес, прижимая к боку, как большую куклу. Максим шел позади, держался за горло — ему было больно смеяться.

— Ты случайно не знаешь, чем кормят чертей? — спросил Ярик, заглядывая в холодильник. Зет тихо, как мышь, сидел на стуле, куда его посадили, только глазами зыркал. — Хотя подозреваю, что животное эта всеядная, лопает все подряд и тащит, что плохо лежит.

— Ярик стал выкладывать на стол продукты, вылил несколько яиц на горячую сковородку. Подогрел в кастрюльке молоко и поставил дымящуюся кружку перед Зетом. — Что приуныл? Накрылась лавочка? Раньше лафа была, украл — и свалил, а теперь некуда. Вот ведь незадача. Крышка над Чертляндией захлопнулась, а черт остался. Ну и что прикажешь с тобой делать? Сдать тебя в зоопарк? Или в цирке за деньги показывать? А? Давай, подбрось светлую идею.

— Я сам остался, — обиженно пробурчал Зет. — Не хочу обратно. Пойду в лес жить, как-нибудь перебыюсь. Вам лишь бы насмехаться. Мне здесь нравится — речка, цветы, птицы. Ни за что обратно не вернусь!

— Сдурел! Сейчас лето, а зимой что будешь делать? Околеешь на морозе.

— Нору вырою. Как звери живут? Охотиться научусь. Можно рыбу ловить, кур воровать. Я все продумал заранее.

— А как пристрелят тебя? Браконьеры с ружьями бродят.

Чертенок развеселился. Мужчины впервые видели, как Зет смеется. Глаза стянулись в щелочки, рот, наоборот, растянулся до ушей, в нем оказалось полно зубов, которые вполне подтверждали намерение Зета охотиться.

— Помнишь, как Чаритту пытались пристрелить? — напомнил он с явным чувством

превосходства.

— М-да!.. Я все не беру в расчет твое происхождение. Тогда последний аргумент: ты будешь одинок, лишишься общества себе подобных, тебя это не пугает?

Зет снова расплылся в лукавой улыбке:

— На этот вопрос я не хотел бы отвечать. С минуты на минуту пожалуйет светлейший, а ему лучше не раскрывать наших секретов — он слышит издалека. Как ни крути, не любит он нашего брата, может запросто меч в ход пустить, его меч для нас страшнее любой пули, поэтому — тсс...

— Это ты о ком? — не понял Ярик.

Максима слова Зета обрадовали, он уже всерьез начинал беспокоиться из-за долгого отсутствия Михалыча и, хотя понимал, что расстаться придется, не хотел терять недавно обретенного друга так внезапно.

Зет между тем уплетал за обе щеки, видно, проголодался, сидя в кладовке.

Ярик ел без особого аппетита, смотрел на чертенка с жалостью, как смотрят на бездомных детей. Зет взял салфетку, аккуратно утерся и слез со стула:

— Ну я пошел. Спасибо за завтрак. — Он положил на стол украденный телефон. — Вот ваша вещица. Красиво светится, но в лесу без надобности, все равно разрядится.

— Слышь, чертеныш, как тебя найти, если что? Может, приеду как-нибудь тебя навестить, — сказал Ярик.

— Свистни в три стороны, как тогда в саду. Я услышу.

— Ну прощай.

— Прощай, большой человек.

— Чертеныш! — крикнул вслед Ярослав. — Если станет совсем туго, обращай к Васе, я его предупрежу.

— Хорошо, замечано! — откликнулся Зет.

Ярослав смотрел из окна, как чертенок вприпрыжку побежал к кустам и пропал в густых зарослях.

В конце аллеи появился Михалыч.

— Встречай, предводитель наш объявился. Так и чешет пешадралом. И куда его носит каждый раз в этукую глухомань? Гляди-ка, снова облачился в свой несуразный костюм. Потешный мужик, что ни говори, но умница, этого у него не отнимешь.

Максим чуть ли не бегом поспешил навстречу:

— Я уж грешным делом подумал, что ты нас бессовестно бросил, светлейший!

Тот почесал в затылке и оглянулся на кусты, погрозил пальцем:

— Ужо я до тебя доберусь, хулиган! Пользуется моим добрым отношением. Другому бы с рук не сошло. Не хватало еще, чтобы в лесах нечисть плодилась.

А ты почему бегаешь? Выздоровел уже? Быть того не может! Так и есть, вижу по глазам, что жар держится. Пошли лечиться. Я тут принес для тебя кое-что.

На кухне он бережно вынул из-за пазухи и выложил на стол большой цветок неправдоподобной красоты, на первый взгляд он казался белым, но при ближайшем рассмотрении его узкие длинные лепестки переливались перламутром. Запах его напоминал жасмин, но был еще тоньше, изысканнее.

Василий, занявший место за кухонным столом, цветка не признал, не мог припомнить из всего виденного и прочитанного.

— Эх, жаль губить красоту, — вздохнул Михалыч, — знали бы вы, откуда я доставил это чудо! Но ничего не поделаешь. Другого лекарства от потусторонней заразы не найти.

Он потребовал ступку, часть цветка растер в жидкую кашицу, которую немедленно наложили на рану Максиму, из оставшихся лепестков приготовили отвар — с его помощью Михалыч рассчитывал вылечить Лизу. Максима он тоже заставил выпить столовую ложку отвара, отчего больному сразу полегчало.

Вечером жгли пианино, туда же, в костер, отправилась рукопись графа Веренского,

великого мага, пострадавшего из-за своего преступного открытия.

Костер вздыбился до небес, в ночную высь летели крутящиеся искры. С жалобным звоном лопались струны, старые доски горели жарко, весело потрескивали, словно дожидались того часа, когда смогут отдаться огню.

Красные отсветы пламени освещали зрителей, стоящих полукругом у огромного костра. Лиза тоже присутствовала. Ей определенно стало лучше. Она еще выглядела подавленной, но уже не цеплялась за отца. Теперь ее кавалером выступал Василий. Лиза опиралась на его руку, изредка обменивалась с ним короткими фразами, молодой человек был окрылен, на его простодушном лице цвела улыбка; девушка всецело занимала его внимание.

Максим порадовался бы за Васю, если бы не одно, на первый взгляд, незначительное происшествие. Веренский представил Лизе Ярослава и Максима — она, казалось, не была с ними знакома. Лиза протянула руку Максиму и произнесла:

— Аделаида.

— Что ты, Лизонька, — принужденно засмеялся Веренский. — Не обращайтесь внимания. Она еще не совсем здорова.

Лиза задержала на Максиме взгляд чуть дольше, чем требовали того приличия — и отвернулась, но вдруг, перед тем как уйти, чуть повернула голову и незаметно улыбнулась ему быстрой, скользящей улыбкой. Максима будто что-то толкнуло в грудь, а Михалыч нахмурился. Леонид Ефимыч с заискивающей угодливостью подал руку дочери. Он вновь обрел свое дитя и был счастлив.

Веренские ушли, сопровождаемые верным Василием. Мужчины остались вдвоем у догорающего костра.

— Ну вот и все, — сказал Михалыч. — Пришла нам пора прощаться. Жизнь твоя вне опасности, Максим, но лекарство надо пить еще два дня. Ярослав, проследи.

— Можешь на меня положиться, — отозвался Ярик. — Лекарство возьму с собой. Утром соберемся и покинем наконец этот город. Вот только к Варе на колокольню зайдем.

— Да-да, непременно, — подхватил Максим. Мысль о Варе была ему приятна, она рассеивала смутное беспокойство, возникшее после общения с Лизой.

— А ты когда решил уезжать? — спросил Ярик Михалыча.

— Да прямо сейчас и отправлюсь.

— Ночь на дворе! И Вася вроде не собирается машину заводить. Завтра за нами Павел приедет, можем тебя подбросить, куда прикажешь.

Михалыч улыбнулся и протянул ему руку:

— Давай пять, великан. До чего же не хочется с вами расставаться, но... у каждого своя жизнь. Спасибо тебе за помощь, я этого никогда не забуду.

— Ладно, чего уж там, — вдруг смутился непробиваемый Ярик. — Пойду я. Вам, наверное, надо поговорить.

Максим кивнул, в который раз дивясь тактичности Ярослава. Тот размашисто зашагал к дому.

Стало тихо, лишь трещали доски в огне.

— Неужели больше никогда не свидимся? — нарушил молчание Максим.

— Что такое «никогда»? Ваше «никогда» на самом деле краткий период земного времени. Конечно, увидимся. Я пока присмотрю за тобой. Чувствую, придется поработать по совместительству хранителем. Хорошее разнообразие для старого вояки. Но чего не сделаешь для лучшего друга.

В костре рвануло, рухнул остов пианино, в вышину взметнулся сноп искр. Максим подошел к кострищу и засмотрелся на язычки пламени, хотел что-то сказать Михалычу, обернулся — и никого не увидел.

Он заволновался, метнулся в одну сторону, в другую, взгляделся в небо и увидел белую тень, летящую к звездам.

— Михалыч! — кричал он изо всех сил. — Оставь хоть что-то на память! Сердца у

тебя нет!

Белое пятно удалялось, секунда — и слилось с черной парчой неба, но вдруг со свистом полетело сверху что-то тяжелое, пущенное сильной рукой; неслось, бешено вращаясь, сверкая в свете костра, и вонзилось в землю неподалеку от Максима.

Он побежал, споткнулся, упал на колени — перед ним был могучий меч Регула, клинок глубоко ушел в землю, серебряная рукоять еще хранила тепло мощной длани хозяина.

Максим ухватился обеими руками и вытащил меч из земли с большим трудом. Обтер платком, благоговейно прижал к груди и пошел к дому, чувствуя тяжесть волшебного оружия.

Не останавливаясь ни в одной из комнат, прошел к себе, положил меч на журнальный столик и погрузился в длительное созерцание богатой гравировки, каждого завитка, кружка, спирали, силясь увидеть в них какие-то знаки, сведения о бывшем владельце.

За этим занятием и застал его Ярослав.

— Высший класс! — воскликнул он. — Откуда такая роскошь? Еще один графский антиквариат? Расщедрился Леонид Ефимыч. Оно и понятно, ты ему дочь с того света вернул. Знатная вещь, тяжеленная, это ж какую силищу надо иметь. Отличился старик, царский подарок, ничего не скажешь. Только зачем тебе, интеллигенту, богатырский меч?

— Зачем? — Максим поднял голову и посмотрел на Ярика прояснившимся взглядом. — А ведь ты прав: наверное, он дал мне его неспроста. Одного ты не понимаешь: это не антиквариат и не подарок Веренского. Это меч ангела.